

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
BALTIJSKIJ REGION

2018

Том 10

№ 4

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2018

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2018
Том 10
№ 4

Редакционная коллегия

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2018.
149 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниemi*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Ляхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-46309 от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Информационные технологии

Блануца В. И. Влияние трансграничных оптоволоконных переходов на информационно-коммуникационную связность городов России..... 4

Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона..... 20

Правовые проблемы

Волчецкая Т. С., Холопова Е. Н., Григорьев А. Г. Функциональная характеристика модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе..... 39

Сморгунова В. Ю., Дорская А. А., Толстухина Т. В. Правовой режим имущества религиозного назначения в России и странах Балтии 60

Нилов К. Н. Особая экономическая зона в Калининградской области: совершенствование правового режима 74

Социально-экономическое развитие

Воронов В. В., Ружа О. П. Безработица среди молодежи Латгальского региона Латвии: причины и следствия 88

Степанова С. В., Шлапеко Е. А. Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье 103

Костяшов Ю. В., Сергеев В. В. Региональная политика памяти в Вармии и Мазурах (Польша) 118

Приглашаем к дискуссии

Гуторов В. А., Шириняню А. А., Шутов А. Ю. О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века 132

Рецензии

Россия в системе международных отношений: новое прочтение (*Ю. С. Кузьмин*) .. 142

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

ВЛИЯНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОПТОВОЛОКОННЫХ ПЕРЕХОДОВ НА ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННУЮ СВЯЗНОСТЬ ГОРОДОВ РОССИИ

*В. И. Блануца*¹

Российские города связаны между собой множеством линий электросвязи. Информационный поток между двумя любыми городами может направляться по разным маршрутам, в том числе через зарубежные сети. Для соединения российских линий с зарубежными сетями создаются трансграничные переходы. Влияние таких переходов на связность городов ранее не анализировалось ни для России, ни для других стран. С опорой на авторскую базу данных о линиях электросвязи Российской Федерации, данные Росстата о численности населения городов и результаты сканирования топологии сети Интернет предпринята попытка оценить влияние переходов на связность российских городов. Оценка проводилась на физическом, экономическом и цифровом уровнях связности. По каждому уровню рассчитан удельный вес городов и горожан, которые напрямую взаимодействуют с зарубежными сетями. Установлено, что из трех категорий физической связности система российских городов характеризуется худшим вариантом — внешне обусловленной связностью, так как города Калининградской области соединяются с остальными отечественными городами только через зарубежные сети. Анализ перераспределения трафика между городами — центрами автономных систем показал, что в России преобладают замкнутые потоки и имеет место преимущественно внутренняя экономическая связность. Расчет величины задержки информационного потока между всеми российскими городами и ядрами отечественных и зарубежных цифровых агломераций позволил выявить несколько городов, находящихся в зоне воздействия иностранных ядер. В итоге установлено, что трансграничные переходы оказывают незначительное влияние на информационно-коммуникационную связность российских городов.

Ключевые слова: информационно-коммуникационная связность, трансграничный переход, линия электросвязи, автономная система, цифровая агломерация городов, Российская Федерация

Введение

Для любого государства обеспечение связности социально-экономических объектов на своей территории является одной

¹ Институт географии
им. В. Б. Сочавы СО РАН,
664033, Россия, Иркутск,
ул. Улан-Баторская, 1.

Поступила в редакцию 01.06.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-1

© Блануца В. И., 2018

из важнейших задач, решение которой опирается на создание транспортных и информационно-коммуникационных линий с системами транспортировки и узлами управления. В наиболее широком смысле социально-экономическая связность — это условие быстрого перемещения энергии, сырья, товаров, людей и информации между каждой парой территориально распределенных объектов. Нарушение связности может стать предпосылкой дезинтеграции и развала государства. В статье рассматривается только информационно-коммуникационная связность, понимаемая как возможность соединения любых двух объектов для передачи информации (данных, звука, изображения) по линиям электросвязи. Объектом в этом случае может быть человек, робот (в рамках «Интернета вещей»), организация, населенный пункт, регион, страна. Далее анализируется только связность российских городов, число которых на 1 января 2017 года составляло 1112 (рассчитано по данным Росстата¹).

Связность городов в пределах одного государства может поддерживаться как за счет внутренних, так и внешних — зарубежных — линий электросвязи. Каждое крупное государство стремится контролировать собственную связность, что проявляется в минимизации внутренних информационных потоков через внешние линии. Однако особенности географического положения, системы расселения и конфигурации сети электросвязи страны обуславливают специфическое соотношение между использованием внутренних и внешних линий. Для понимания этого соотношения весьма важно знать местоположение стыков собственных и зарубежных сетей, которые называются трансграничными переходами. Поскольку в настоящее время основной объем информации передается по волоконно-оптическим линиям связи (ВОЛС), то в статье рассматриваются только оптоволоконные переходы. Их влияние на информационно-коммуникационную связность российских городов ранее не изучалось. Отсутствие такого знания затрудняет разработку новой стратегии обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, а также концепций пространственного развития отдельных городов и их скоплений (агломераций) для осуществления технологического прорыва к будущей цифровой экономике.

Влияние зарубежных сетей на внутреннюю ситуацию в государстве обычно значительно преувеличивается по политическим соображениям (относительно Интернета подобные опасения на качественном уровне проанализированы в [1]), поэтому необходимо получить как можно более точную — количественную — оценку влияния трансграничных переходов на связность городов. При этом надо понимать, что помимо прямой задачи исследования (оценки связности российских городов за счет зарубежных ресурсов) существует и обратная задача — определение возможности международной информационно-коммуникационной блокировки городов России через закрытие трансграничных переходов. В статье основное внимание уделено решению прямой задачи.

Исследование опиралось на авторскую базу данных «Линии электросвязи Российской Федерации», составленную по отчетам отечественных магистральных операторов связи, официальные сайты операторов связи соседних государств, данные Росстата о численности населения городов и результаты внешнего (международного) сканирования топологии российского сегмента Интернета, представленные на сайте «Эксперт Связи»². Все исходные данные фик-

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abfce (дата обращения: 15.09.2017).

² Автономные системы (Россия) // Эксперт Связи. URL: <http://www.expertsvyazi.ru/index.php?id=bgpcity> (дата обращения: 02.01.2017).

сировались по состоянию на 1 января 2017 года. Итоги проведенного исследования излагаются в следующей последовательности: уровни связности городов, влияние трансграничных переходов на разные уровни связности, обсуждение полученных результатов и основные выводы.

Связность городов

Ранее было установлено, что существуют физический, экономический и социальный уровни информационно-коммуникационной связности [2]. В ходе дальнейших исследований удалось выявить четвертый уровень — цифровую связность [3]. В статье будут проанализированы все уровни, кроме социальной связности. Отсутствие исходных сведений (обмен данными, голосовая и видеосвязь) по взаимодействию всех граждан России между собой и с зарубежными пользователями не позволяет провести агрегирование по городам. Возможно, такое исследование будет выполнено, когда «большие данные» операторов всех видов связи станут «открытыми данными» [4].

Под физической связностью понимается возможность направления информационного потока из одного города в любой другой по линиям электро-связи. Если хотя бы один город государства не связан линиями электро-связи с остальными, то следует констатировать отсутствие связности. Для ее восстановления можно воспользоваться выходом через трансграничные переходы на зарубежные сети. Восстановление будет реализовано только при условии, что имеются как минимум два перехода, к одному из которых подключен проблемный город, а второй переход через зарубежные линии связи позволяет соединить этот город с сетью государства. Такое понимание зависимости физической связности от трансграничных переходов дает основание выделить три категории: внутренне достаточную, внутренне проблемно-достаточную и внешне обусловленную связность (рис. 1).

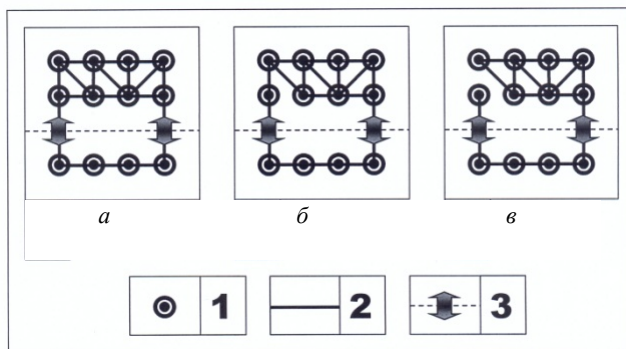

Рис. 1. Информационно-коммуникационная связность городов с учетом зарубежных линий связи:

a — внутренне достаточная; *b* — внутренне проблемно-достаточная; *v* — внешне обусловленная;
1 — город; 2 — линия связи; 3 — государственная граница с трансграничным переходом

Источник: составлено автором.

Первая категория связности (рис. 1, *a*) отражает ситуацию, в которой каждый город рассматриваемого государства имеет как минимум две линии связи

до ближайших городов. Это обеспечивает связность за счет внутренних линий, а трансграничные переходы лишь повышают ее степень (количество маршрутов между всеми городами). Во втором случае (рис. 1, б) город (несколько городов) соединяется одной линией с другим городом государства, а другой — с зарубежным городом. В этом случае связность сохраняется, но она является проблемной из-за всегда существующей вероятности повреждения единственной внутренней линии связи. Если такое повреждение произойдет, то возникнет внешне обусловленная связность (рис. 1, в). Вне перечисленных категорий осталась ситуация отсутствия соединения города с остальными городами как посредством внутренних, так и внешних линий связи, поскольку это не относится к трансграничным переходам и всеобщей связности. Для количественной оценки социальной значимости второй и третьей категорий можно использовать отношение числа проблемных городов к общему количеству городов или численности населения проблемных городов к суммарному населению всех городов. Например, если во вторую или третью категорию попадает один российский город с 10 тыс. жителей, то значимость этого случая для всей системы городов России составит 0,09% ($1 : 1112 = 0,000899$) или 0,01% ($10000 : 101854049 = 0,000098$).

Экономическая связность определяется отношениями между операторами связи, которые устанавливаются при покупке, продаже и обмене трафика. Любой оператор может соединяться со множеством как отечественных, так и зарубежных операторов исходя из экономической целесообразности, поэтому наличие физической связности городов еще не гарантирует экономическую связность. Вполне возможна ситуация, когда государство имеет внутренне достаточную физическую связность (рис. 1, а), на которую накладывается внешне обусловленная экономическая (рис. 1, в). Это обосновывает необходимость изучения второго уровня связности. Для данного уровня характерно то, что оператор может обладать локальной (в пределах одного города) или региональной (соединение нескольких городов) сетью. Во втором случае все данные об операторе относятся к городу — центру региональной сети. По международной классификации независимая сеть одного оператора называется «автономной системой» и ей присваивается идентификационный номер (Autonomous System Number, ASN). Например, AS8506 — это сеть Иркутского научного центра СО РАН в пределах одного города, а AS31214 — региональная сеть ООО «ТИС-Диалог» (Калининград). Агрегирование данных по связям всех ASN одного города позволяет определить меру его связи (в процентах) с остальными отечественными и зарубежными городами. Здесь возможны четыре типа связности: (а) внутренняя (100% трафика город получает от отечественных ASN); (б) преимущественно внутренняя (более 50% от отечественных автономных систем); (с) преимущественно внешняя (более 50% от зарубежных систем); (д) внешняя (100% от зарубежных ASN).

Эти же типы могут быть отнесены к государству за счет суммирования данных о получении трафика всеми городами.

Выделение цифровой связности обусловлено необходимостью учета информационно-коммуникационных услуг, реализуемых при наличии физической и экономической связностей. Здесь важно понимать, что соединение двух городов линией электросвязи и перераспределение между ними трафика еще не означает, что услуги, генерируемые в одном городе, могут предоставляться другому городу. В данном случае речь идет о прорывных информационно-коммуникационных технологиях и порождаемых ими будущих услугах: «Тактиль-

ном Интернете», «Интернете нановещей», виртуальной реальности, дополненной реальности, голографических звонках, интерактивных приложениях для абонентских устройств сети 5G, «электронном здоровье» (e-health) и беспилотном скоростном транспорте [5—10]. К этому перечню можно добавить необходимость управления цифровыми агломерациями [3], объединяющими «умные» города [11—15]. Все эти технологии очень чувствительны к качеству связи (скорости, доле потерянных данных, задержке сигнала и колебаниям задержки [16]), но особенно — к величине задержки [17]. По рекомендации Международного союза электросвязи [18] задержка сигнала для прорывных технологий типа «Тактильного Интернета» не должна превышать 1 мс (1 миллисекунда = 0,001 секунды). Эта задержка, названная «сверхмалой» [17], определяет максимальное удаление городов от центра генерации новых услуг. Так, города, находящиеся в пределах изохроны 1 мс, имеют цифровую связность, а вне этих пределов — не имеют. Для расчета величины задержки использовалась формула из [17], а особенности ее применения для определения связности городов были изложены нами ранее [3].

Физическая связность

При анализе связности на уровне линий электросвязи (ВОЛС) следует учитывать, что существует два типа таких линий: сухопутные (собственно ВОЛС) и подводные (ПВОЛС). Они пересекают государственную границу Российской Федерации и тем самым формируют трансграничные переходы. Точное количество всех трансграничных переходов неизвестно (в одном из открытых источников упоминается число 89 [1]). Большинство переходов являются второстепенными, не оказывающими влияния на связность российских городов. К таковым относятся трансграничные переходы, формируемые правительственной связью, ведомственными (например, ВОЛС компании «Транснефть» вдоль магистрального нефтепровода Узень — Атырау — Самара, «тупиковыми» (не имеющими стыка с линиями третьих стран, выходящими на другие российские города; к примеру, ВОЛС из России в Абхазию или Южную Осетию), «устаревшими» (с низкой пропускной способностью, не удовлетворяющей современным требованиям; например, ПВОЛС 1993 года Кингисепп — Копенгаген или ПВОЛС 1994 года Новороссийск — Стамбул — Палермо с ответвлением на Одессу) и временно не используемыми линиями связи. Таким образом, основных переходов, созданных магистральными операторами связи, не так много (табл. 1). В их число включен не совсем прозрачный переход в Северную Корею (создан компанией «ТрансТелеКом»), так как он с некоторой вероятностью соединен со стыком северокорейской сети с информационно-коммуникационной сетью Китая. Помимо этого некоторые выделенные нами переходы, объединяющие географически близкие стыки разных российских операторов, при иных способах подсчета рассматриваются как отдельные (например, российско-азербайджанскую границу примерно в одном месте пересекают четыре параллельные линии связи: Франкфурт-на-Майне — Берлин — Варшава — Киев — Махачкала — Баку — Тегеран — Маскат кабельной системы «Europe-Persia Express Gateway», Махачкала — Баку компаний «ТрансТелеКом» и «Delta Telecom», Махачкала — Баку компаний «Ростелеком» и «Delta Telecom», Дербент — Баку компаний «Мегафон» и «Delta Telecom»).

Таблица 1

**Основные трансграничные оптоволоконные переходы,
соединяющие Россию с соседними странами (на 1 января 2017 года)**

Переход	Тип	Соседняя страна	Ближайший крупный зарубежный город или столица
1. Люття — Вартиус	1	Финляндия	Хельсинки
2. Светогорск — Имагра	1	Финляндия	Хельсинки
3. Перово — Лаппеэранта	1	Финляндия	Хельсинки
4. Бусловская — Вайниккала	1	Финляндия	Хельсинки
5. Логи — Котка	2	Финляндия	Хельсинки
6. Ивангород — Нарва	1	Эстония	Таллин
7. Советск — Пагегай	1	Литва	Рига
8. Нестеров — Кибартай	1	Литва	Рига
9. Мамоново — Бранево	1	Польша	Варшава
10. Печоры-Псковские — Койдула	1	Эстония	Таллин
11. Пыталово — Резекне	1	Латвия	Рига
12. Велиж — Сураж	1	Беларусь	Минск
13. Гусино — Обухово	1	Беларусь	Минск
14. Помятовка — Звенчатка	1	Беларусь	Минск
15. Суземка — Зерново	1	Украина	Киев
16. Глушково — Волфино	1	Украина	Киев
17. Красный Хутор — Казачья Лопань	1	Украина	Харьков
18. Гуково — Красная Могила	1	Украина	Донецк
19. Сочи — Поты	2	Грузия	Тбилиси
20. Яраг-Казмалар — Самур	1	Азербайджан	Баку
21. Аксарайская 2 — Ганюшкино	1	Казахстан	Астана
22. Эльтон — Сайхин	1	Казахстан	Астана
23. Озинки — Семиглавый Мар	1	Казахстан	Астана
24. Илецк-1 — Шынгырлау	1	Казахстан	Астана
25. Сагарчин — Яйсан	1	Казахстан	Астана
26. Союзное — Союзное	1	Казахстан	Астана
27. Золотая Сопка — Селекционная	1	Казахстан	Астана
28. Зауралье — Зерновая	1	Казахстан	Астана
29. Казанское — Соколовка	1	Казахстан	Астана
30. Исилькуль — Булаево	1	Казахстан	Астана
31. Кулунда — Шарбакты	1	Казахстан	Астана
32. Рубцовск — Семей	1	Казахстан	Астана
33. Наушки — Сухэ-Батор	1	Монголия	Улан-Батор
34. Забайкальск — Маньчжурия	1	Китай	Цицикар
35. Благовещенск — Хэйхэ	2	Китай	Хэйхэ
36. Хабаровск — Фуюань	2	Китай	Цзямусы
37. Гродеково — Суйфэньхэ	1	Китай	Муданьцзян
38. Хасан — Туманган	1	КНДР	Чхонджин
39. Находка — Наоэцу (Дзээцу)	2	Япония	Нигата
40. Невельск — Исикари	2	Япония	Саппоро

Примечание. Тип 1 — сухопутная линия связи, тип 2 — подводная волоконно-оптическая. Указан пограничный переход, расположенный ближе всего к месту пересечения государственной границы линией электросвязи.

Источник: составлено автором по данным магистральных операторов связи Российской Федерации и соседних стран.

Все основные трансграничные переходы (кроме тех, которые расположены в Калининградской области) соединены внутренними магистральными ВОЛС (рис. 2), что формирует множество вариантов перенаправления информационных потоков в случае проблем с некоторыми переходами. Благодаря этому информационно-коммуникационная сеть России в целом является достаточно устойчивой к отдельным негативным внешним воздействиям. Тем не менее физическая связность российских городов может быть отнесена только к категории внешне обусловленной связности (см. рис. 1, в, с. 6). Причина в том, что все города Калининградской области соединяются с остальными российскими городами только через зарубежные линии связи. Оценка значимости отсутствия прямой связи с Калининградской областью составляет 1,98% относительно общего количества российских городов и 0,74% по численности населения всех городов. Если же оперировать возможностью соединения каждой пары российских городов, то на 22 города Калининградской области приходится 3,88% всех связей ($23980 : 617716 = 0,038820$). Приведенные значения (1,98; 0,74; 3,88) указывают на очень слабое влияние трансграничных переходов на физическую связность российских городов.

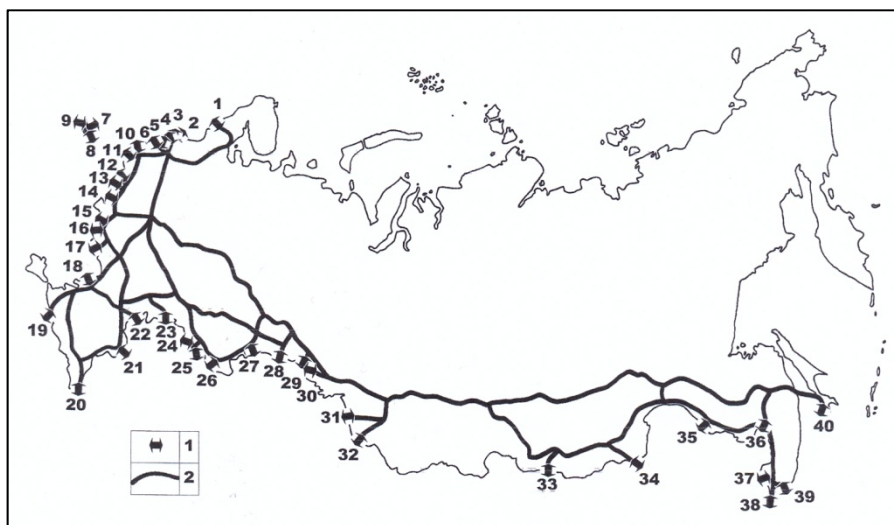

Рис. 2. Основные трансграничные переходы и соединяющие их волоконно-оптические линии связи России (на 1 января 2017 года): 1 — трансграничный переход; 2 — линия связи; номера переходов соответствуют таблице 1

Источник: составлено автором по отчетам магистральных операторов связи России и сопредельных государств.

Экономическая связность

На данном уровне изучается экономически целесообразное взаимодействие (обмен трафиком) между автономными системами, принадлежащими разным операторам связи. Ранее распределение ASN по территории оценивалось для определения количества таких систем и IP-сетей на единицу площади [19] или городскую агломерацию [20], выявления иерархии городов [21], моделирования развития сетей [22] и определения индекса специализации региона на телекоммуникационных услугах [23]. Однако в указанных работах связ-

ность территориально распределенных ASN не анализировалась через экономические отношения операторов связи. При этом надо понимать, что именно за счет связности автономных систем Интернет функционирует как единая сеть [24]. Единственная попытка анализа взаимодействия ASN с позиции связности была предпринята при идентификации возможности существования Сибнет как сегмента Интернета [2].

Поскольку центры управления автономными системами размещаются не в каждом российском городе, а только в 299 (остальные города обслуживались из этих центров), то анализ информационно-коммуникационной связности на экономическом уровне проводился относительно данного числа городов. Их распределение по типам экономической связности было следующим: 230 городов получали весь трафик (100%) от отечественных ASN, что соответствовало типу (a), 65 — преимущественно (более 50%) от российских автономных систем (b), 4 (Покров Владимирской области, Нижнекамск Республики Татарстан, Кузнецк Пензенской области и Саяногорск Республики Хакасия) — полностью (100%) от зарубежных ASN (d). Что касается третьего типа (c), то он не встречался среди российских городов — центров автономных систем (более 50% от зарубежных систем). Таким образом, от трансграничных переходов полностью зависело 1,34% рассмотренных городов.

При перераспределении информационных потоков одни операторы предоставляют трафик от своих автономных систем (их называют «аплинками» от англ. uplink), а другие, соответственно, получают этот трафик (их называют «даунлинками» от англ. downlink). Так формируются отношения между операторами связи, которые в автоматическом режиме фиксируются на «полном снимке» топологии Интернет (BGP Full View)³. Эти данные позволяют определить зарубежные ASN, предоставляющие трафик российским операторам (табл. 2). В данном случае большинство таких операторов зарегистрировано в Москве. Если перейти от автономных систем к городам, то 299 поселений имеют 823 связи, из которых 191 приходится на зарубежные города. При таком подсчете влияние трансграничных переходов на всю систему отечественных городов возрастает до 23,21%.

Таблица 2

Зарубежные автономные системы (аплинки), предоставлявшие интернет-трафик наибольшему количеству российских систем (даунлинков) (на 1 января 2017 года)

Зарубежный аплинк		Количество зарегистрированных российских даунлинков		
Номер	Наименование	Москва	Санкт-Петербург	Остальные города
AS9002	RETN	137	45	75
AS1299	TeliaSonera	73	11	30
AS6939	Hurricane Electric	28	7	18
AS50384	W-IX	16	2	13
AS3356	Level3	16	4	2
AS174	Cogent Communications	13	3	4
AS13030	Init Seven	10	4	1
AS25160	Vorboss	9	5	1

Источник: рассчитано автором на основе данных: Автономные системы (Россия). URL: <http://www.expertsvyazi.ru/index.php?id=bgpcity>

³ Автономные системы (Россия).

Для привязки аплинк/даунлинк-отношений операторов связи к трансграничным переходам можно воспользоваться данными о точках обмена трафиком⁴. Те российские ASN, которые для ускорения обмена трафиком подключены к отмеченным точкам, в основном используют отечественные ресурсы. В России точки обмена трафиком (Internet eXchange Point, IXP) размещены в Москве (4 точки), Санкт-Петербурге (4), Воронеже (2), Красноярске (2), Новосибирске (2), Владивостоке (1), Владимире (1), Екатеринбурге (1), Казани (1), Краснодаре (1), Нижнем Новгороде (1), Омске (1), Ростове-на-Дону (1), Самаре (1), Ставрополе (1) и Ульяновске (1). В мире наиболее крупными IXP являются AMS-IX (Амстердам, Нидерланды; к этой точке подключено 616 ASN), DE-CIX Frankfurt (Франкфурт-на-Майне, Германия; 513), LINX Juniper LAN (Лондон, Великобритания; 500), MSK-IX (Москва, Россия; 420) и PTTMETRO San Paulo (Сан-Паулу, Бразилия; 265). При этом только к шести зарубежным точкам обмена трафиком подключено не менее пяти российских автономных систем (табл. 3).

Таблица 3

**Зарубежные точки обмена трафиком,
к которым подключено наибольшее количество автономных систем России
(на 1 января 2017 года)**

Точка обмена трафиком	Город	Количество российских зарегистрированных автономных систем		
		Москва	Санкт-Петербург	Остальные города
De-CIX Frankfurt	Франкфурт-на-Майне	28	4	2
AMS-IX	Амстердам	19	4	1
LINX Juniper LAN	Лондон	14	3	0
NetNod Stockholm	Стокгольм	7	2	0
DTEL-IX	Киев	5	1	2
LINX Extreme LAN	Лондон	5	1	0

Источник: рассчитано автором по: *Точки обмена трафиком (IX) // Эксперт Связи*. URL: <https://www.expertsvyazi.ru/index.php?id=bgp2ix> (дата обращения: 02.01.2017).

Если определить кратчайший маршрут по линиям электросвязи между каждым из 69 российских городов-центров ASN, получающих трафик из-за границы, и зарубежными IXP, то можно выявить основные направления информационных потоков: Стокгольм — Хельсинки — Санкт-Петербург, Амстердам — Берлин — Варшава — Псков, Франкфурт-на-Майне — Смоленск, Франкфурт-на-Майне — Будапешт — Киев — Белгород и Лондон — Париж — Франкфурт-на-Майне — Вена — Киев — Ростов-на-Дону. Отсюда следует, что основными местами доставки зарубежных информационных потоков к государственной границе России являются трансграничные переходы №4, 10, 11, 13, 17 и 18 (номера даны по табл. 1). С учетом того, что основной трафик из-за границы направляется операторам Москвы и Санкт-Петербурга (табл. 3), а затем перераспределяется по остальным российским городам, прямое воздействие зарубежных автономных систем на российские города можно признать не очень большим. В пересчете на количество ASN, получающих трафик из-за рубежа, получается 5,16% ($136: 2636 = 0,051593$), что соответствует типу (b).

⁴ *Точки обмена трафиком (IX) // Эксперт Связи*. URL: <https://www.expertsvyazi.ru/index.php?id=bgp2ix> (дата обращения: 02.01.2017).

Цифровая связность

Развитие информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие привело к тому, что изучение первых двух уровней недостаточно для понимания феномена связности. Искусственный интеллект, межмашинный обмен данными и другие атрибуты четвертой промышленной революции [25—28] задают новые стандарты связности. Для их понимания необходимы другие критерии связности, один из которых — задержка сигнала. Оперирование сверхмалыми задержками позволяет выделять цифровые агломерации городов [3]. При таком подходе внутри агломераций поддерживается связность городов, а вне агломераций — нет.

Цифровая агломерация формируется ядром (город с численностью населения более 500 тыс. человек или от 250 до 500 тыс. жителей при наличии город-спутников сопоставимой суммарной людности) и взаимодействующими (по линиям электросвязи) с ним городами, задержка сигнала от ядра до которых не превышает 1 мс. В ходе специального исследования [3] было установлено, что в Российской Федерации можно выделить 43 цифровые агломерации. Они объединяют 736 городов. При этом учитывались только отечественные города и задержка сигнала между ними. Однако процессы глобализации приводят к тому, что нельзя исключать влияние зарубежных ядер на российские города. Если какой-то отечественный город расположен недалеко от трансграничного оптоволоконного перехода, за которым находится ядро соседнего государства, то может сложиться ситуация, когда задержка сигнала от отечественного ядра будет больше, чем от иностранного. Тогда российский город потенциально может войти (в информационно-коммуникационном смысле) в зарубежную цифровую агломерацию.

Для проверки возможности существования такой ситуации были определены крупные зарубежные города (более 500 тыс. жителей на 1 января 2017 года) или столицы (в некоторых из них было менее 0,5 млн горожан), ближе всего расположенные (по линиям электросвязи) к основным трансграничным переходам (см. последний столбец табл. 1). Расчеты величины задержки сигнала между этими ядрами и всеми российскими городами показали, что имеется 10 городов, для которых зарубежные ядра расположены ближе центров российских цифровых агломераций. Это шесть городов Белгородской области (Белгород, Валуйки, Грайворон, Короча, Новый Оскол и Шебекино; задержка сигнала от Харькова меньше, чем от Курска) и четыре города Амурской области (Белогорск, Благовещенск, Завитинск и Райчихинск; для них Хэйхэ предпочтительнее Хабаровска по задержке сигнала). Условная оценка влияния трансграничных переходов, через которые российские города «притягиваются» к зарубежным ядрам, на цифровую связность всех городов России составляет 0,90% по количеству городов ($10 : 1112 = 0,008993$) и 0,80% по численности горожан ($818624 : 101854049 = 0,008037$).

Обсуждение результатов

Каждый из трех уровней связности по-разному реагирует на информационные потоки через трансграничные переходы. Условные оценки такого реагирования могут быть уточнены за счет использования других источников исходных данных или в результате создания новых линий связи. Так, например, физическая связность городов Российской Федерации может быть переведена в более высокую — вторую — категорию (см. рис. 1, б, с. 6) в результате соединения Санкт-Петербурга и Калининграда посредством ПВОЛС, проложенной по дну Балтийского моря. Если это произойдет, то в России будет 31 проб-

лемный город (в плане переключения на зарубежные сети в случае повреждения российской линии связи). К 22 городам Калининградской области добавятся Гуково, Дагестанские Огни, Дербент, Ивангород, Избербаш, Исилькуль, Макушино, Невельск и Печоры. Тогда влияние трансграничных переходов на физическую связность второй категории будет составлять 2,79% по числу городов ($31: 1112 = 0,027878$) и 1,14% по людности ($1157718: 101854049 = 0,011366$). Еще одно уточнение влияния переходов можно связать с будущим использованием «больших данных», когда появится возможность оперирования количественными значениями информационных потоков по ВОЛС каждого российского оператора связи. Это позволит ранжировать трансграничные переходы по их информационно-коммуникационной значимости для системы российских городов. Отдельное направление исследований будет осуществимо при анализе многолетней динамики ввода в эксплуатацию трансграничных линий электросвязи и соответствующем изменении физической связности.

Преимущественно внутренняя экономическая связность городов России, скорее всего, сохранится как при использовании других способов учета взаимодействия операторов связи, так и возможном будущем устечении государственного регулирования в этой сфере. Определенные перспективы на данном уровне связаны и с раскрытием «больших данных», что позволит опереться на сведения о межоператорском обмене трафиком. Отдельной проблемой является недоступность исходных данных о направленности информационных потоков внутри автономной системы. Если эти данные откроют, можно будет оценить взаимодействие между всеми российскими городами, а не только между городами-центрами ASN. В выполненном исследовании также не проводилось определение трендов изменения трафика между городами. Вместе с тем представляется очень перспективным сравнение динамики создания трансграничных переходов и линий связи с трендами изменения трафика. Это позволит сравнить два уровня связности, что в статье не сделано. А с учетом построения хронологических рядов пульсирования размера (состава) цифровых агломераций, возможно и сравнение уже трех уровней.

Поскольку прорывные информационно-коммуникационные технологии типа «Тактильного Интернета» и создание «умных» городов только ожидают своего внедрения, вероятно, что для делимитации цифровых агломераций и, соответственно, оценки цифровой связности потребуются использовать критерии, не связанные с задержкой сигнала. Не все ясно и с созданием ядер в соседних государствах. Более того, в исследовании принято допущение о примерной синхронности формирования ядер в России и за рубежом, но в будущем это не гарантировано. Не исключено, что при задержке данных процессов в России, другие государства смогут вырваться вперед в этой сфере. С учетом параллельного открытия новых трансграничных переходов может создаться положение, при котором значительно большее число российских городов окажется в зонах влияния зарубежных ядер, чем по приведенным выше расчетам.

Заключение

Первую попытку оценить влияние трансграничных оптоволоконных переходов на поддержание информационно-коммуникационной связности российских городов следует рассматривать как своего рода введение в совершенно новую проблематику. Ранее пограничные переходы, линии электросвязи, автономные системы, трафик, «умные» объекты и города рассматривались вне взаимообусловленного единства в контексте связности пространства. В силу пионерного характера исследования многие вопросы остались неизученными, что задает векторы дальнейшего исследования. Главные среди них — изучение взаимосвязей между всеми уровнями связности, моделирование устойчи-

вости информационно-коммуникационной сети России к блокировке трансграничных переходов и оценка влияния переходов на социальную связность городов. Что касается основных итогов уже выполненной работы, то в первую очередь следует отметить очень слабое информационно-коммуникационное влияние трансграничных переходов на систему российских городов. При оперировании только количеством городов получились следующие оценки: на уровне физической связности 22 города (все в Калининградской области) не имеют соединения по отечественным линиям связи с остальными городами, автономные системы 4 городов получают трафик только из-за границы и 10 городов находятся под потенциальным влиянием зарубежных ядер цифровых агломераций. Несмотря на столь незначительное влияние трансграничных переходов на связность 1112 городов, выявлен ряд негативных моментов: наличие внешне обусловленной физической связности (самая неудовлетворительная категория), относительно высокий удельный вес зарубежного трафика при его фиксации по локальным и региональным сетям (до четверти всех связей российских автономных систем приходится на соединение с зарубежными сетями) и ориентация исключительно на западноевропейские точки обмена трафиком (Франкфурт-на-Майне, Амстердам, Лондон и Стокгольм) без диверсификации информационных потоков (Гонконг, Шанхай и Токио в настоящее время используются как резервные точки обмена трафиком).

Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в рамках проекта №17-03-00307-ОГН «Оценка социально-географических последствий нарушения связности информационно-коммуникационного пространства России».

Список литературы

1. Макарова О. Уязвимость Интернета: мифы и реальность // Индекс безопасности. 2015. Т. 21, №4. С. 75—98.
2. Блануца В.И. Существует ли «Сибнет» как сегмент Интернета? Определение связности автономных систем Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 22. С. 195—202.
3. Блануца В.И. Территориальная структура цифровой экономики России: предварительная делимитация «умных» городских агломераций и регионов // Пространственная экономика. 2018. №2. С. 17—35. doi: 10.14530/se.2018.2.017-035.
4. Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. Los Angeles, 2014.
5. *Handbook of Augmented Reality* / ed. B. Furht. N. Y., 2011.
6. *The Tactile Internet: IITU-T Technology Watch Report*, August 2014. Geneva, 2014.
7. Фокин С.Ю., Киричек П.В. Обзор медицинских приложений, устройств и технологий связи Интернета Вещей // Информационные технологии и телекоммуникации. 2016. Т. 4, №4. С. 67—80.
8. Ястребова А.А., Выборнова А.И., Киричек П.В. Обзор концепции Тактильного Интернета и технологий для его реализации // Информационные технологии и телекоммуникации. 2016. Т. 4, №4. С. 89—96.
9. Martin M., Mahfuzulhoq C., Bhaskar P., Dung P. The Tactile Internet: vision, recent progress, and open challenges // IEEE Communications Magazine. 2016. Vol. 54, №5. P. 138—145.
10. Ахмед А.А., Блинников М.А., Пирмагомедов Р.Я., Глушаков Р.И., Кучерявый А.Е. Обзор современного состояния e-health // Информационные технологии и телекоммуникации. 2017. Т. 5, №3. С. 1—13.
11. Hall R.E. The vision of a smart city // Proceedings of the 2nd International Life Extension Technology Workshop (Paris, France, September 28, 2000). P., 2000. P. 1—6.
12. Vanolo A. Smartmentality: The smart city as disciplinary strategy // Urban Studies. 2014. Vol. 51, №5. P. 883—898. doi: 10.1177/0042098013494427.
13. Albino V., Berardi U., Dangelico R.M. Smart cities: definitions, dimensions, performance, and initiatives // Journal of Urban Technology. 2015. Vol. 22, №1. P. 3—21. doi: 10.1080/10630732.2014.942092.

14. *Trivellato B.* How can “smart” also be socially sustainable? Insights from the case of Milan // *European Urban and Regional Studies*. 2017. Vol. 24, №4. P. 337—351. doi: 10.1177/0969776416661016.
15. *Batty M.* Artificial intelligence and smart cities // *Environmental and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2018. Vol. 45, №1. P. 3—6.
16. *Тихвинский В. О., Бочечка Г. С.* Перспективы сетей 5G и требования к качеству их обслуживания // *Электросвязь*. 2014. №11. С. 40—43.
17. *Кучерявый А. Е., Маколкина М. А., Киричек Р. В.* Тактильный Интернет. Сети связи со сверхмалыми задержками // *Электросвязь*. 2016. №1. С. 44—46.
18. *Recommendation ITU-T Y.1541.* Network Performance Objectives for IP-based Services. Geneva, 2011.
19. *Yook S.-H., Jeong H., Barabasi A.-L.* Modeling the Internet’s large-scale topology // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2002. Vol. 99, №21. P. 13382—13386.
20. *Malecki E.J.* The economic geography of the Internet’s infrastructure // *Economic Geography*. 2002. Vol. 78, №4. P. 399—424.
21. *Choi J.H., Barnett G.A., Chon B.-S.* Comparing world city networks: a network analysis of Internet backbone and air transport intercity linkages // *Global Networks*. 2006. Vol. 6, №1. P. 81—99.
22. *Vinciguerra S., Frenken K., Valente M.* The geography of Internet infrastructure: an evolutionary simulation approach based on preferential attachment // *Urban Studies*. 2010. Vol. 47, №9. P. 1969—1984.
23. *Блануца В. И.* Территориальная структура специализации российских регионов на телекоммуникационных услугах // *Региональные исследования*. 2017. №1. С. 16—24.
24. *Chang H., Jamin S., Wilinger W.* Internet connectivity at the AS-level: An optimization-driven modeling approach // *Proceedings of the ACM SIGCOMM Workshop on Models, Methods and Tools for Reproducible Network Research* (Karlsruhe, Germany, August 25—27, 2003). N. Y., 2003. P. 33—46.
25. *Zuehlke D.* SmartFactory — towards a factory-of-things // *Annual Reviews in Control*. 2010. Vol. 34, №1. P. 129—138. doi: 10.1016/j.arcontrol.2010.02.008.
26. *Kagermann H., Wahlster W., Helbig J.* (Hrsg.). Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern: Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0. Frankfurt a/M, 2013.
27. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. N. Y., 2017.
28. *Liao Y., Deschamps S., Loures E.F.R., Ramos L.F.R.* Past, present and future of Industry 4.0 — a systematic literature review and research agenda proposal // *International Journal of Production Research*. 2017. Vol. 55, №12. P. 3609—3629. doi: 10.1080/00207543.2017.1308576.

Об авторе

Виктор Иванович Блануца, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, Россия.

E-mail: blanutsa@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3958-216X>

Для цитирования:

Блануца В. И. Влияние трансграничных оптоволоконных переходов на информационно-коммуникационную связность городов России // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10, №4. С. 4—19. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-1.

THE EFFECT OF CROSS-BORDER FIBRE-OPTIC TRANSITIONS
ON THE INFORMATION AND COMMUNICATION CONNECTIVITY
OF THE RUSSIAN CITIES

V. I. Blanutsa¹

¹ V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
1 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664033, Russia

Submitted on June 01, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-1

The Russian cities are connected by many telecommunication lines. The information flow between any two cities can be sent via multiple routes, including those running through the networks of other countries. Cross-border transitions are created to connect the Russian lines with the international networks. The effect of these transitions on the connectivity of the cities has not been analysed earlier, either for Russia or for any other country. Using my own database on the Russian telecommunication lines, the Rosstat data on the cities' population, and the results of the scanning of the Internet topology, I attempt to assess the effect of these transitions on the connectivity of the Russian cities. The assessment is carried out at the physical, economic, and digital levels of connectivity. For each level, I calculate the proportion of cities and their residents interacting directly with international telecommunication networks. Of the three categories of physical connectivity, the system of the Russian cities is associated with the worst option — the exogenous connectivity. This is explained by the impossibility of connecting the Kaliningrad region with mainland Russia without using international networks. An analysis of the traffic redistribution between the core cities of the autonomous systems shows that closed flows and internal economic connectivity are predominant in Russia. The calculation of information flow delays between all the Russian cities and the cores of the national and international digital agglomerations makes it possible to establish what cities are affected by the international cores. I conclude that the cross-border transitions have little effect on the information and communication connectivity of the Russian cities.

Keywords: information and communication connectivity, cross-border transition, tele-communications line, autonomous system, digital urban agglomeration, Russian Federation

References

1. Makarova, O. 2015, Vulnerability of the Internet: myths and reality, *Indeks bezopasnosti* [Index of Security], Vol. 21, no. 4, p. 75—98 (in Russ.).
2. Blanutsa, V. I. 2017, Does “Sibnet” exist as a segment of the Internet? Determination of connectivity for Siberian Autonomous Systems, *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Proceedings of the Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies], no. 22, p. 195—202 (in Russ.).
3. Blanutsa, V. I. 2018, Territorial structure of the Russian digital economy: preliminary delimitation of “smart” urban agglomerations and regions, *Prostranstvennaya ehkonomika* [Spatial Economics], no. 2, p. 17—35 (in Russ.). doi: 10.14530/se.2018.2.017-035.
4. Kitchin, R. 2014, *The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequence*, Los Angeles, SAGE Publ., p. 222.
5. Furht, B. (ed.) 2011, *Handbook of Augmented Reality*, New York, Springer, p. 769.
6. *The Tactile Internet: ITU-T Technology Watch Report*, 2014, Geneva, ITU, p. 24.
7. Fokin, S. Yu., Kirichek, R. V. 2016, Overview of medical applications, devices and communication technologies for the Internet of Things, *Informacionnye tekhnologi i telekommunikacii* [Information Technology and Telecommunications], Vol. 4, no. 4, p. 67—80 (in Russ.).

8. Yastrebova, A. A., Vybornova, A. I., Kirichek, R. V. 2016, Review of the concept of Tactile Internet and technologies for its implementation, *Informacionnye tekhnologii i telekommunikacii* [Information Technologies and Telecommunications], Vol. 4, no. 4, p. 89—96 (in Russ.).
9. Martin, M., Mahfuzulhoq, C., Bhaskar, P., Dung, P. 2016, The Tactile Internet: vision, recent progress, and open challenges, *IEEE Communications Magazine*, Vol. 54, no. 5, p. 138—145.
10. Akhmed, A. A., Blinnikov, M. A., Pirmagomedov, R. Ya., Glushakov, R. I., Kucheryavy, A. E. 2017, Review of the e-health' current state, *Informacionnye tekhnologii i telekommunikacii* [Information Technologies and Telecommunications], Vol. 5, no. 3, p. 1—13 (in Russ.).
11. Hall, R. E. 2000, The vision of a smart city, *Proceedings of the 2nd International Life Extension Technology Workshop*, Paris, France, September 28, 2000, Paris, p. 1—6.
12. Vanolo, A. 2014, Smartmentality: The smart city as disciplinary strategy, *Urban Studies*, Vol. 51, no. 5, p. 883—898. doi: 10.1177/0042098013494427.
13. Albino, V., Berardi, U., Dangelico, R. M. 2015, Smart cities: definitions, dimensions, performance, and initiatives, *Journal of Urban Technology*, Vol. 22, no. 1, p. 3—21. doi: 10.1080/10630732.2014.942092.
14. Trivellato, B. 2017, How can “smart” also be socially sustainable? Insights from the case of Milan, *European Urban and Regional Studies*, Vol. 24, no. 4, p. 337—351. doi: 10.1177/0969776416661016.
15. Batty, M. 2018, Artificial intelligence and smart cities, *Environmental and Planning B: Urban Analytics and City Science*, Vol. 45, no. 1, p. 3—6.
16. Tikhvinsky, V. O., Bochechka, G. S. 2014, Prospects for 5G networks and requirements for quality of their service, *Elektrosvyaz* [Telecommunications], no. 11, p. 40—43 (in Russ.).
17. Kucheryavy, A. E., Makolkina, M. A., Kirichek, R. V. 2016, Tactile Internet. Communication networks with extremely small delays, *Elektrosvyaz* [Telecommunications], no. 1, p. 44—46 (in Russ.).
18. *Recommendation ITU-T Y.1541. Network Performance Objectives for IP-based Services*, 2011, Geneva, ITU, p. 57.
19. Yook, S.-H., Jeong, H., Barabasi, A.-L. 2002, Modeling the Internet's large-scale topology, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, Vol. 99, no. 21, p. 13382—13386.
20. Malecki, E. J. 2002, The economic geography of the Internet's infrastructure, *Economic Geography*, Vol. 78, no. 4, p. 399—424.
21. Choi, J. H., Barnett, G. A., Chon, B.-S. 2006, Comparing world city networks: a network analysis of Internet backbone and air transport intercity linkages, *Global Networks*, Vol. 6, no. 1, p. 81—99.
22. Vinciguerra, S., Frenken, K., Valente, M. 2010, The geography of Internet infrastructure: an evolutionary simulation approach based on preferential attachment, *Urban Studies*, Vol. 47, no. 9, p. 1969—1984.
23. Blanutsa, V. I. 2017, Territorial structure for the specialization of Russian regions on telecommunication services, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 1, p. 16—24 (in Russ.).
24. Chang, H., Jamin, S., Wilinger, W. 2003, Internet connectivity at the AS-level: An optimization-driven modeling approach, *Proceedings of the ACM SIGCOMM Workshop on Models, Methods and Tools for Reproducible Network Research*, August 25—27, 2003, Karlsruhe, Germany, New York, ACM, p. 33—46.
25. Zuehlke, D. 2010, SmartFactory — towards a factory-of-things, *Annual Reviews in Control*, Vol. 34, no. 1, p. 129—138. doi: 10.1016/j.arcontrol.2010.02.008.
26. Kagermann, H., Wahlster, W., Helbig, J. (Hrsg.). 2013, *Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern: Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0*, Frankfurt/Main, Deutsche Akademie der Technikwissenschaften. V., p. 112.
27. Schwab, K. 2017, *The Fourth Industrial Revolution*, New York, Crown Business, p. 192.

28. Liao, Y., Deschamps, S., Loures, E. F. R., Ramos, L. F. R. 2017, Past, present and future of Industry 4.0 — a systematic literature review and research agenda proposal, *International Journal of Production Research*, Vol. 55, no. 12, p. 3609—3629. doi: 10.1080/00207543.2017.1308576.

The author

Prof. Victor I. Blanutsa, Leading Research Fellow, V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: blanutsa@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3958-216X>

To cite this article:

Blanutsa, V.I. 2018, The effect of cross-border fibre-optic transitions on the information and communication connectivity of the Russian cities, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 4—19. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-1.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНФЛИКТ
В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

В. П. Кириленко¹
Г. В. Алексеев¹

Информационное пространство Балтийского региона формировалось постепенно с того момента, когда медиатехнологии и международное право позволили свободно обмениваться трансграничными сообщениями. Международный конфликт между несколькими странами Европейского союза и Россией стал фактором, сдерживающим устойчивое развитие, отрицательно сказался на функционировании многих институтов гражданского общества в Балтийском регионе. Предметом исследования стали материалы научных средств массовой информации, отражающие те политические технологии, которые могут провоцировать конфликт, но должны способствовать установлению добрососедских отношений в регионе. Целью комплексного политологического анализа и конкретизированного осмысления контента отдельных западных научных средств массовой информации стала разработка мер по организации Россией противодействия конфликтногенному влиянию в регионе. Состояние регионального информационного пространства и информационных операций, направленных на разжигание русофобии и устранение России из общеевропейского политического процесса, отражает политизированность социально-гуманитарных наук и мифологизацию политики отдельных региональных социальных структур. Необходимость безотлагательного разрешения конфликта в региональном информационном пространстве обусловлена тем, что политические технологии, дестабилизирующие информационное пространство, наносят вред репутации всех государств, вовлеченных в данное противостояние. Преодолевать значительную часть противоречий, лежащих в основе информационного конфликта в Балтийском регионе, следует на основе учета совместных интересов и при объединении усилий в решении тех амбициозных социальных задач, которые требуют международного сотрудничества государств и эффективных форм социального партнерства.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное пространство, медиа, национальные интересы, дипломатия, информационные операции, Балтийский регион, международное сотрудничество

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний просп. В. О., 57/43.

Поступила в редакцию 27.09.2017 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2

© Кириленко В. П., Алексеев Г. В., 2018

Введение

Конфликт в информационном пространстве Балтийского региона стал одной из важнейших проблем во внешней политике России. Информационное пространство Балтийского региона, как показывают научные исследования, является неотъемлемой, но достаточно самобытной частью мирового медиопространства [1; 2], которое объединяет государства с разной политической ситуацией, собственной историей, национальной культурой и экономикой. Вместе с тем все страны бассейна Балтийского моря объединены общей для Европы либеральной идеологией и христианскими ценностями [3]. Обязанность государств сотрудничать, в том числе в информационной сфере, в целях улучшения благосостояния народов Европы в целом и Балтийского региона в частности получила международное признание на уровне Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и должна исполняться всеми национальными администрациями в точном соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций (ООН). К 2005 году в рамках Совета государств Балтийского моря (СБСС) благодаря последовательным усилиям европейских государств нашла свое отражение инициатива по созданию Общего информационного пространства региона Балтийского моря (Baltic Sea Common Information Space — BCIS) [4; 5], реализованная не в полной мере по политическим причинам.

В структуре Совета государств Балтийского моря в период с 2001 по 2005 год работало совещание старших должностных лиц по информационному обществу (Senior Officials on Information Society — SOIS), которое представило концепцию Общего информационного пространства региона Балтийского моря, направленную на обеспечение доступа к различным региональным источникам информации относительно экономики, торговли, инвестиций, а также развития бизнеса [4]. Данная политическая инициатива не получила в полной мере широкого практического развития и сформировавшееся естественным образом общее информационное пространство региона Балтийского моря превратилось в арену для конфликтных глобальных медиапроцессов, которые в российской и зарубежной политической доктрине достаточно часто характеризуются как информационная (гибридная) война [6—12]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года № 646) относит к числу национальных интересов в информационной сфере содействие формированию системы международной информационной безопасности (пп. «д» п. 8), которое чрезвычайно трудно организовать в условиях информационной войны.

Представляется справедливым мнение профессора Тартуского университета (Tartu Ülikool — University of Tartu) Вячеслава Морозова о том, что отношения между Россией и странами Балтии, являясь слабым звеном в Балтийском регионе, могут улучшаться по мере того, как в современном политическом дискурсе происходит десекуритизация национальной идентичности [13, р. 317]. Однако если в 2004 году было очевидно, что роль стран Балтии в Европе трансформировалась и они больше не рассматриваются как воплощение «ложной», антирусской Европы [13], то после событий 2014 года политическая ситуация изменилась в другую сторону. Медиaprостранство Балтийского региона подверглось фрагментации по национальному принципу [2], Россия в своей региональной политике стала в значительной степени полагаться на «мягкую силу» [14], а некоторые западные исследования прямо констатируют, что ситуация в регионе скатывается к «новой холодной войне» [15]. Европейские партнеры России опасаются пересмотра государственных границ [16] и

отмечают риск для существования ризоматических (сохраняющих культурное многообразие) информационных сетей в регионе Балтийского моря — политическом пространстве программы «Интеррег. Регион Балтийского моря 2014—2020» (The Interreg Baltic Sea Region Programme 2014—2020) [17].

Гипотеза исследования состоит в том, что политика стран НАТО в информационном пространстве Балтийского региона, продиктованная интересами политических структур, конкурирующих за авторитет в глазах мировой общественности, распространилась на некоторые научные структуры и исследования в сфере внешней политики. Американский ученый Джонатан Мерсер (Jonathan Mercer) справедливо отмечает, что престиж имеет решающее значение для мировой политики, поскольку государства, обладающие престижем, пользуются большей властью, при этом, однако, определяющие авторитет конкретной страны политические цели должны соответствовать ее возможностям [18, p. 133]. Дискурсивный анализ применяется в статье для интерпретации доктринальных политических текстов, которые в общественно-политических условиях Балтийского региона отражают комплекс политических технологий, провоцирующих конфликт в информационном пространстве.

В 2013 году для научного сообщества было очевидно, что возможности и перспективы сотрудничества России и ЕС должны стать предметом постоянного внимания и обсуждения российского и европейского экспертно-академических сообществ [19]. Однако, как показывают ведущие региональные средства массовой информации, и без того «тернистый путь к партнерству» [19, p. 53] в медиаполитике Балтийского региона после 2014 года деградировал в эксплицитный (открытый) политический конфликт. Политические технологии создания международного конфликта отражаются не только в многочисленных новостных материалах средств массовой информации [4], но и в западной научной литературе [11; 12; 20—27], которую представляется рациональным подвергнуть критическому анализу с целью демонстрации ограниченности узкого национального подхода к проблемам информационной безопасности при реализации программ региона Балтийского моря.

В то же время вне всяких сомнений «упрочение межгосударственного и межрегионального сотрудничества в Балтийском регионе» вызывает значительный научный интерес прогрессивных институтов гражданского общества [3, с. 12], объективно существует и другая политическая тенденция, направленная на создание атмосферы конфликта и недоверия. В настоящей статье проанализированы политические технологии создания западными научными средствами массовой информации «образа врага» [28] в регионе Балтийского моря. Разделяя мнение профессора К. К. Худоля о том, что «России необходимо сделать все возможное для того, чтобы не допустить возникновения [вооруженного] конфликта в регионе Балтийского моря» [29, с. 18], приходится, однако, констатировать, что международный конфликт в общеевропейском медиапространстве отрицательно сказывается на антироссийских настроениях в Прибалтике. Нормализацию отношений между всеми сторонами, вовлеченными в конфликт, по нашему мнению, следует достигать, используя естественную предпочтительность трансформации региональных политических «институтов путем насыщения их новыми практиками» [30, с. 88]. Использование метода политического моделирования в процессе создания и внедрения новых практик сотрудничества *нацелено* на формирование добрососедских отношений в Балтийском регионе за счет выявления конфликтогенов и устранения их влияния на региональную политику.

Россия и страны Европейского союза как участники международного конфликта в информационном пространстве Балтийского региона

Президент Российской Федерации В.В. Путин в интервью журналисту международного информационного агентства *Bloomberg* Дж. Миклетвейту 1 сентября 2016 года особо подчеркнул, что «Россия проводила и собирается проводить абсолютно миролюбивую внешнюю политику, направленную на сотрудничество... что касается влияния... мы вкладываем в это абсолютно мирное и позитивное содержание: влияние экономическое, гуманитарное, влияние, связанное с развитием равноправного сотрудничества с нашими соседями, — вот на что мы нацеливаем нашу внешнюю политику...» [31]. Очевидно, что для мирового сообщества символично приглашение к сотрудничеству со стороны главы российского государства, адресованное представителям мирового бизнеса, прозвучавшее в Дальневосточном федеральном университете; в этом послании существенное значение имеет авторитет медиахолдинга *Bloomberg*, способный убедить представителей бизнес-сообщества в том, что добрососедство на приморских пространствах взаимовыгодно, а военные меры решения конфликтов не соответствуют национальным интересам Российской Федерации, причиняют экономический вред всему мировому сообществу.

Стратегия разрешения имеющихся в Балтийском регионе противоречий, безусловно, определяется стремлением к справедливости — личным качеством, которое в приведенном нами выше интервью В.В. Путин обозначил как доминирующую черту менталитета россиянина и русского человека. Острая потребность в справедливом подходе к разрешению конфликта в информационном пространстве как Дальнего Востока, так и Балтийского региона проявляется в стратегической бесперспективности конфронтации между народами с общей историей, культурой и цивилизационными ценностями, стоящими перед лицом вызовов воинствующего экстремизма, терроризма, неконтролируемой миграции и цифрового разрыва в постиндустриальном, транзитивном обществе [8].

Особенности институтов медиакратии [32] и та медиаполитика, которую отражает содержание ведущих средств массовой информации, определяются идеологическими и дипломатическими аспектами национальной безопасности государств. После воссоединения России и Крыма «в национальном сознании россиян на первое место вышли проблемы самоидентификации, позиционирования себя в новом турбулентном мире» [33, с. 183]. При этом медиаполитика многих западных государств в условиях глобального информационного противоборства направлена на обретение права навязывать мировому сообществу определенное видение событий [8, с. 73].

В то время как в информационном пространстве Европейского союза принято говорить о безопасности в контексте угрозы для демократических идеалов, идущей с Востока, из России, в самой Российской Федерации крепнет понимание того, что сильное Российское государство вызывает ксенофобию у отдельных представителей политических сил государств Европейского союза. Вполне рациональны стремления народов, живущих на берегах Балтийского моря, к продуктивности политических усилий в целях достижения безопасного мира и принципиально нового, лучшего качества жизни населения региона. Однако такой подход встречает не только сдержанный оптимизм со стороны части политического истеблишмента объединенной Европы, но и откровенное

сопротивление российскому влиянию [26], которое некоторые государства и ряд представителей европейского гражданского общества предлагают нивелировать в худших изоляционистских традициях советской эпохи [22].

С 1991 года Литва, Латвия и Эстония развивают Балтийскую ассамблею и Балтийский совет без участия России. Работая вне Совета государств Балтийского моря, который был учрежден Копенгагенской декларацией 1992 года, эти небольшие государства стремятся противопоставить свою «проевропейскую» политику Российскому государству. Отсутствие всякого желания у государств Балтийского совета участвовать во взаимовыгодной кооперации по решению принципиальных политических проблем Балтийского региона и стремление не признавать русский язык и русскую культуру как важнейший элемент регионального информационного пространства порождают все больше конфликтных сообщений и документов, исходящих со стороны всех стран Европейского союза. Так, например, в Совместном заявлении по итогам 22-й сессии Балтийского совета от 28 октября 2016 года утверждается, что «страны Балтии... сожалеют, что не было никаких значительных событий относительно внедрения Минских соглашений. Эстония, Латвия и Литва продолжают поддерживать все меры, принятые ОБСЕ, ЕС и НАТО, требующие от России играть активную роль в осуществлении ее международных обязательств» [34]. Позиция государств Балтийского совета во многом препятствует международной интеграции и провоцирует эскалацию конфликта, который невыгоден большинству стран Балтийского региона. В этом конфликте, по авторитетному мнению российского социолога Р. Х. Симоняна, «некритичность восприятия новых мифов как одной, так и другой стороной в значительной мере объясняется существованием двух изолированных информационных пространств» [1, с. 105], при этом с высокой степенью вероятности «ложные стереотипы массового сознания становятся питательной средой для эскалации межэтнического противостояния» [1, с. 105].

Необходимо отметить, что социально-экономические и идеологические проблемы Европы [35] напрямую затрагивают медиаиндустрию в регионе. В рамках Совместного заявления по итогам 22-й сессии Балтийского совета отмечается, что «Эстония, Латвия и Литва подтверждают готовность способствовать инициативам, которые поощряют СМИ, предлагать общественности высококачественную, ответственную, надежную и независимую журналистику... В частности, страны Балтии продолжают сотрудничать, чтобы исследовать лучшие пути обращения к тем частям общества, к которым не легко получить доступ из-за языкового барьера и различного потребления мультимедийного контента» [34]. Подобные заявления констатируют определенный уровень компетентности тех журналистов, которым не удается установить понимание с их целевой аудиторией, читающей по-английски и по-русски материалы зарубежных для Прибалтики изданий.

Анализ современных политических технологий управления конфликтом в информационном пространстве Балтийского региона

Неоднозначность ситуации в информационном пространстве Балтийского региона становится все более очевидной для ученых европейских государств и институтов, заинтересованных в конструктивном сотрудничестве с русскими. Профессор Университета Хельсинки Кристи Раик (Kristi Raik) отмечает, что «вопреки некоторым ожиданиям присоединение стран Балтии к ЕС в 2004 году не сопровождалось улучшением их отношений с Россией. Вместо этого

страны Балтии стали известны как «нарушители спокойствия» в отношениях ЕС и России. Это обычно объясняется их историей и национальным самосознанием, которое способствовало пониманию балтийских проблем маргинальным образом» [25, p. 237].

Политическая близорукость государств, которые принципиально обеспокоены самим присутствием Русского мира непосредственно в Прибалтике и возможностью интеграции России в политическое пространство от Лиссабона до Владивостока, сопровождается обвинениями в адрес Российского государства в имперских амбициях [11; 23; 27; 36]. Вся абсурдность антисоветской риторики в новостных медиа на постсоветском пространстве Прибалтики получила достойную научную оценку в работах российских ученых О.И. Вендиной, В.А. Колосова, А.Б. Себенцова [37]. Конфликт в информационном пространстве Прибалтики в социально-политическом плане действительно приводит к тому, что «противоречия между политическим дискурсом и социально-экономическими реалиями, расхождение информации, черпаемой из телевизора и учебников, со сведениями, распространяемыми через Интернет и получаемыми из личного опыта, способствуют не столько укреплению патриотизма и национально-государственной идентичности, сколько скептическому отношению к событиям прошлого и настоящего» [37, с. 90]. Конфликтогенное влияние ряда прибалтийских научных медиа, которое заслуживает самостоятельной доктринальной оценки, вызывает еще большие опасения в силу того, что это явление нельзя списать на популизм и низкую квалификацию журналистов.

Еще в начале XXI века значительной части российского и зарубежного научного сообщества представлялось, что основные проблемы оценки безопасности Балтийского региона связаны с вступлением Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО [35]. Политические элиты этих государств до сих пор рассматривают участие в НАТО как основную гарантию национальной безопасности [12]. Политическая враждебность по отношению к России со стороны отдельных польских ученых, предлагающих новую трактовку термина «антидипломатия» [23], исследования некоторых финских политологов, придающих термину «демократия» антироссийское содержание в рамках статей с экстравагантными названиями [26], западная позиция по отношению к судьбе Крыма [34] — опасные проявления неспособности некоторых европейцев считать с последствиями политических трансформаций, происходящих в России.

В то время как Россия больше других стран заинтересована в содействии мирового сообщества в деле решения проблем качества жизни населения, мы сталкиваемся с парадоксальным желанием некоторых зарубежных ученых доказать, что Польша, Литва, Финляндия и ряд других стран не несут ответственности за политическую ситуацию в Прибалтике и проблемы в реализации политической программы развития региона Балтийского моря ввиду того, что именно Россия является источником всех политических проблем. Эта одиозная и подрывная политическая позиция, весьма далекая, как представляется, от социальной науки и тем более от дипломатии, осуществляется конкретными субъектами, заинтересованными в углублении существующих противоречий, вплоть до реального реванша фашистов, чьим изобретением и была «парадипломатия» [20].

Профессор из Университета Страны Басков в Бильбао (Испания) Ной Корнаго (Ное Сорнаго) пишет о позитивной коннотации термина «антидипломатия» как способа подчеркнуть достоинства откровенного и прямого общения в сравнении с дипломатической формальностью в контексте политических воззрений Джузеппе Гарибальди (Giuseppe Garibaldi). Впоследствии за новыми смысловыми значениями в рамках идеологии футуризма, а затем фашизма ис-

чезает всякая положительная коннотация данного понятия и его использование «заряжено негативным содержанием» [38, р. 23]. Антидипломатия — результат внутриевропейских противоречий. Проблема дипломатических отношений России со странами ЕС мало чем отличается от межгосударственных отношений внутри самого ЕС. Защищая собственные национальные интересы, правительства европейских государств достаточно часто применяют двойные стандарты в отношении наиболее сложных внешнеполитических проблем, затрагивающих вопросы миграции населения, территориальной целостности государств и некоторых других политически и экономически значимых вопросов. Объективные различия в организации народного хозяйства России и экономики государств ЕС (языковые барьеры, экологические стандарты, подходы к безопасности, особенности государственного управления, принципы работы судебной системы и т. п.) создают условия для дискриминации, недоверия и глубоких политических конфликтов.

В информационном пространстве Прибалтики формируется наивный образ России, якобы отягощенной традициями византийского коллективизма, чуждыми остальной Европе и США [39]. От американских ученых исходят утверждения о том, что президент Российской Федерации В. В. Путин достигает своих целей, соединяя императивную и мягкую силу с элементами пропаганды в советском стиле [36]. Принципиальное отличие дипломатии В. В. Путина от идеалов «антидипломатии» Дж. Гарибальди состоит в непризнании современного состояния политических дел в США и Великобритании эталоном справедливости. Стремление России развиваться в контексте национальной культуры без необдуманного подражания кому-либо вызывает обвинения в имперских амбициях со стороны ряда достаточно авторитетных в странах Балтийского совета политиков и ученых, которые в силу собственных стереотипов уверены в том, что Европа в целом и регион Балтийского моря в частности могут устойчиво развиваться без России [5; 11; 12; 21; 22; 24; 27; 41]. После распада СССР Россия гармонично вписалась в европейскую политику, разделяет европейские ценности, участвует в международном общении и постепенно расширяет сферу своего политического влияния, при этом по мере усиления Российского государства отношения с европейскими странами и НАТО постепенно ухудшаются [35].

Конфликтная среда в европейском медиапространстве формируется благодаря внедряемому в массовое сознание комплексу фиктивных угроз, таких как реванш русского большевизма, имперские амбиции русских и опасность российской военной агрессии в отношении государств в регионе Балтийского моря [26; 27; 31]. Противодействие устрашающим мифам о России представляется чрезвычайно важным условием нормализации отношений в информационном пространстве региона. Примером конструктивного общения в Балтийском регионе стала работа Центра исследований ЕС — Россия (CEURUS) Института политических исследований имени Юхана Шютте, созданного в Тартуском университете (Johan Skytte Institute of Political Studies at the University of Tartu), однако его работа не может в полной мере успешно осуществляться, на наш взгляд, без подключения к проектам ведущих российских научных учреждений, ученых и студентов из России.

Наше внимание к научным исследованиям американского Университета Джона Хопкинса (Johns Hopkins University) и Института международных отношений и политологии Вильнюсского университета обусловлено конфликтогенным содержанием значительной части тех политологических изысканий по российской проблематике, которые финансируются данными институтами. Аналогичные конфликтогенные политические структуры работают в Польше,

Швеции, Финляндии, порождая значительное число антироссийских текстов в попытке переложить политическую ответственность за качество национальной политики с политического класса каждой страны Балтийского региона на Российское государство. Проблемы в отношениях народов на Балтике носят, как представляется, частный институциональный характер, производный от заинтересованности конкретных учреждений в разжигании тех противоречий, которые исторически сложились и сами по себе не являются критическими угрозами для функционирования общего регионального информационного пространства.

Исследования Университета Джонса Хопкинса, традиционно проявляющего особое внимание к интересам внешней политики США, после 2014 года перешли от внешне нейтральных форм вмешательства в информационное пространство Балтийского региона посредством таких аналитических материалов, как сборник статей «Региональное развитие в регионе Балтийского моря» [42], к откровенному противопоставлению России и НАТО. Так, например, шведский ученый, специалист в области военной истории России Гудрун Перссон (Gudrun Persson), позиционируя политику России как угрозу региональной безопасности в статье «Россия и безопасность Балтийского моря», всерьез обеспокоена тем фактом, что «Россия не только повысила уровень агрессивности поведения в отношении ядерного оружия вокруг Балтийского моря, но и использует беспрецедентную во всей российской и советской истории риторику в отношении ядерного вооружения» [24, р. 14]. Такие, очевидно абсурдные, «научные» перспективы применения атомного оружия в Балтийском регионе используются американским институтом для формирования антироссийских настроений на Балтике и легитимируют присутствие американских военных в регионе.

Знакомство с исследованиями ведущих специалистов по России Института международных отношений и политической науки Вильнюсского университета [12; 40; 43; 45] демонстрирует мифологизацию образа врага в лице России и политических проблем новейшей истории, что продолжает традиции, заложенные З.К. Бжежинским (Zbigniew Kazimierz Brzeziński), который, как известно, был почетным профессором Вильнюсского университета. Один из ведущих политологов Вильнюсского университета Томас Джанелиюнас (Tomas Janeliūnas) пишет: «Подавляющее число экспертов полагает, что Россия стремится получить статус сверхдержавы и изменить правила международной системы» [40]. Эксперты Института исследования внешней политики (The Foreign Policy Research Institute — FPR) пришли к таким выводам, не участвуя в академическом обмене с Россией и без каких-либо обстоятельных доказательств утверждают, что «Россия рассматривает ЕС как конкурента... не видит Европу в качестве единого или даже суверенного действующего лица в международной системе» [40]. Заметим, что Россия географически является неотъемлемой частью Европы, а Европа юридически не обладает суверенитетом, и эти факты всем экспертам и субъектам политического процесса необходимо учитывать во внешней политике.

Руководитель Центра российских и восточноевропейских исследований Вильнюсского университета Д. Якниунайте (Dovile Jakniunaite), признавая полную бесперспективность литовских претензий относительно компенсации последствий «советской оккупации Литвы» ввиду того, что «Литве трудно получить международную поддержку своих требований компенсации», справедливо отмечает, что ни одна страна Восточной Европы не потребовала «компенсацию за убытки, причиненные во время советской оккупации» [22, s. 165]. Анализируя проблему «советской оккупации» в своих исследованиях, Д. Як-

ниунайте [21; 22] замалчивает очевидный факт того, что всякая дискуссия о судьбе Польши и Прибалтийских государств должна происходить в контексте международно-правовых последствий Второй мировой войны, которые не подлежат пересмотру. Осознавая, что «без вклада России невозможно изменить литовско-российские отношения» [22, s. 165], литовская сторона не пытается заинтересовать Россию в конструктивном сотрудничестве. Вместе с тем Д. Якниунайте в духе научного исследования признает, что ситуация в Прибалтике находится «под сильным влиянием динамики русско-американских отношений и отношений России с ЕС, но события в отношениях России с США и ЕС обычно не связываются с целями и интересами Литвы и иногда даже подрывают их» [22, s. 165].

Другой представитель центра российских и восточно-европейских исследований Вильнюсского университета Ремигиус Жилинскас (Remigijus Žilinskas) предлагает явный абсурд — обеспечивать безопасность Литвы за счет «союзной силы, мобилизационного резерва и разработки национальных концепций вооруженного и невооруженного сопротивления» гибридной угрозе, исходящей со стороны России [12]. Представляется очевидным, что политизированный подход к проблеме транслируется через научные источники, но при этом является несостоятельным и контрпродуктивным.

Известный прибалтийский политолог профессор Г. Виткус (Gediminas Vitkus) последовательно выражает скептицизм в отношении вопроса о самой возможности нормализации российско-литовских отношений [11; 27]. Получивший философское образование в Московском государственном университете в советское время, профессор Г. Виткус преследует совершенно конкретные цели, когда в 2009 году в журнале Университета Саппоро (Япония) пишет: «В то время как многие европейские страны все еще питают определенные иллюзии в отношении России, литовские политики и широкая публика этого не делают. В силу определенного исторического опыта литовцы вообще не испытывают никаких сомнений в том, что Россия предпримет попытки использовать свои новые преимущества, которые появились из-за значительного увеличения цен на источники энергии. Не для экономического развития, не для благосостояния своих людей, а для политического господства и мести за проигранную холодную войну» [27, p. 25]. Такое искреннее желание оказаться на передовой глобального политического противостояния странно для сравнительно небольшой страны и удивительно для ученого, учившегося и работавшего в проигравшем холодную войну государстве. Таким образом, примеры политических манипуляций при помощи научных медиа демонстрируют попытку конкретных лиц видеть конфликт в информационном пространстве Балтийского региона только с выгодной для инвесторов в такую науку стороны.

Пути разрешения международного конфликта в информационном пространстве Балтийского региона

Культурная идентичность народов Балтийского региона ярко проявляется в процессе взаимодействия в рамках общего информационного пространства. При этом информационное пространство на практике формируется системой информационных сетей связи общего пользования, которые функционируют по общим техническим правилам на основе единых политико-правовых принципов, обеспечивают удовлетворение информационных потребностей населения, гарантируют реализацию прав и свобод человека в информационной сфере.

Случилось так, что Балтийский регион оказался в эпицентре духовного конфликта романских и эллинистических общеевропейских ценностей, который не имеет однозначного решения. По объективным экономическим и социально-культурным причинам в Балтийском регионе многие европейские инновационные мультимедийные проекты (Euronews, European Broadcasting Union, Erasmus +) реализуются с российским участием [8, с. 265], а российские средства массовой информации и культурные форумы успешно функционируют в крупных городах с русскоязычным населением в условиях свободной конкуренции [35; 46]. Однако этот позитивный факт всегда будет вызывать русофобию, но только у тех представителей романской культуры, кто ориентирован на праворадикальную систему ценностей.

В условиях изменившейся политической ситуации конфликт между нарождающейся российской демократией и социальными группами с ретроградным мышлением, привычками зарабатывать политический капитал на международной конфронтации в Европе, стал гулким эхом холодной войны, лишенным всякой прогрессивной перспективы. Объективно существующие противоречия в экономических интересах и производственных стандартах государств региона Балтийского моря должны были сглаживаться в процессе постепенной общеевропейской, евразийской интеграции. Вместо этого под влиянием ряда стереотипов в информационном пространстве региона актуализировались конфликты, в основе которых лежит стремление защитить интересы малых народов ценой дискриминации широкого круга европейцев, говорящих по-русски. Очевидно, что для реализации позитивного потенциала культурного многообразия Балтийского региона «необходимы действенные, отличные от мультикультурализма и ассимиляции, модели организации межкультурных отношений» [47].

В контексте транспарентности глобального медиапространства и различия политических культур [43] большое значение приобретает политическое видение собственных национальных интересов каждым государством Балтийского региона. В ситуации, когда «стирание граней между национальными государствами... нивелирование родственных связей и привязанности к родной земле... подводят к восприятию патриотизма как иррационального чувства» [44, с. 67], патриотическое воспитание молодежи в России необходимо осуществлять в контексте многовековой истории государства [48, с. 31], с учетом исторических особенностей международных отношений в Балтийском регионе [3]. Здесь конструктивной представляется позиция профессора Ж. Т. Тощенко, который последовательно ратует «за то, чтобы любой человек, имея гражданство своей страны, мог свободно жить, работать и перемещаться по территории бывшего СССР или СНГ и в то же время выполнять обязанности гражданина той страны, где в данный момент этот человек живет и работает» [49, с. 30].

Угрозы военно-политического характера возникают в условиях, при которых национальные интересы отдельных государств приобретают экстремистское антиобщественное содержание, противопоставляются общеевропейским ценностям и интересам представителей гражданского общества, заинтересованным в устойчивом развитии региона, формируют «видимость войны» [6, с. 46]. Социальная дискриминация способна порождать острые конфликты на национальном и международном уровнях, которые по законам социальной динамики информационного общества зарождаются в социальных сетях и затем проявляются в недемократических формах протестного движения, агрессивной внешней политике. Во многом в результате того, что «политическое

медиапространство начинает существовать не только в реальных, но и в виртуальных контентах» [50], «безусловный имидж демократии, формируемой в Европе... пошатнулся» [43, с. 52]. Восстановление демократических идеалов требует отказа от политики мультикультурализма и формирования единой системы ценностей и идеалов в процессе социального партнерства государств и институтов гражданского общества в сфере образования и культуры.

Преодоление коллективной социальной травмы на постсоветском пространстве — необходимое условие решения конфликта в информационном пространстве Балтийского региона. Наблюдения профессора А.Г. Здравомышлова показали, что «взгляд на общество только через призму травмированного сознания, как правило, искажает общую картину рассматриваемого общества. Здоровое общество находит в себе силы к преодолению травмы не только за счет деятельности СМИ... но прежде всего с помощью иной композиции социального действия, которое создает социальную базу преодоления травматического сознания» [51, с. 9]. В этом смысле неспособность национальных администраций нормально взаимодействовать в региональном медиапространстве может значительно усугубить кризисное состояние в обществе. Поскольку страны Балтийского региона объединяют общие традиции и интересы сохранения культурного многообразия [3; 52], постольку преодоление противоречий травмирующего прошлого народов Балтийского региона (последствий международных вооруженных конфликтов и политического радикализма на национальном уровне) требует консолидации усилий научного сообщества в понимании необходимости добрососедства.

Существует определенный положительный опыт сотрудничества России и ЕС в сфере профессиональной журналистики. Телеканал *Euronews* является важным сегментом общего информационного пространства региона Балтийского моря, поскольку это средство массовой информации благодаря гибкости своей редакционной политики доступно массовому зрителю во всех без исключения странах региона. Соглашение о сотрудничестве Российской Федерации с *Euronews* было заключено 29 июня 2001 года. На основе договора Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК) приобрела 1,8% акций в консорциуме *Secemie* и вошла в число акционеров канала; в дальнейшем доля ВГТРК в консорциуме превысила 16%. В то время как независимость и объективность редакционной политики *Euronews* гарантируется французским законодательством, акционерами телеканала являются более двадцати общественных и государственных телекомпаний стран Европы и Средиземноморья. Крупнейшие пакеты принадлежат таким ведущим национальным медиахолдингам, как *France Televisions* (Франция), *RAI* (Италия), *ВГТРК* (Россия) [8, с. 266].

Заключение

Несомненно, актуальными для Балтийского региона составляющими устойчивого развития является информационное сотрудничество по вопросам охраны здоровья и улучшения качества жизни населения, противодействия экологическим угрозам и обмен мнениями по проблемам глобальных климатических изменений [53, с. 160]. Поэтому, на наш взгляд, особое значение для установления добрососедских отношений может иметь взаимовыгодное региональное сотрудничество в конкретных областях практической работы государственных структур и институтов гражданского общества. В этом контексте представляется необходимым дополнить пункт 23 раздела V «Стратегические

цели и основные направления обеспечения информационной безопасности» Доктрины информационной безопасности Российской Федерации региональным компонентом — системой защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей посредством повышения авторитета российских научных учреждений и средств массовой информации в Европе.

Общее информационное пространство предполагает консолидацию прогрессивной общественности вокруг медийной повестки региональных городов-мегаполисов. Со своей стороны, Санкт-Петербург — самый крупный город на побережье Балтийского моря — заинтересован в повышении своей глобальной конкурентоспособности как научный, академический, культурный и промышленный центр, обладающий некоторыми конкурентными преимуществами в регионе, «которые определяются его демографическим потенциалом, грузооборотом портов, а также выгодным геоэкономическим положением — статусом “морских ворот” России» [54, с. 71]. Для противодействия выявленным конфликтогенным тенденциям в Балтийском регионе необходимо развитие в геополитических центрах российских некоммерческих организаций, способных оказывать влияние на политическую повестку в регионе. Политическая модель, при которой диалог с теми, кто распространяет русофобию, ведут близкие по своему правовому статусу политические структуры, может положительно влиять на поддержку авторитета Российской Федерации как правового государства.

Достижение идеалов Совета Европы в российских мегаполисах способно превратить формирующуюся Балтийскую Европу без границ в экономический и культурный центр европейского континента. Вне всяких сомнений, идеалы Совета Европы должны модернизироваться в направлении учета лучших культурных и правовых традиций России. Положительные изменения в модели взаимодействия России и Совета Европы произойдут только при условии заинтересованности европейских партнеров в соблюдении российских интересов. Представляется рациональным сформировать модель взаимодействия российских некоммерческих организаций с существующими прогрессивными и регрессивными (конфликтогенными) структурами в ЕС посредством создания рекомендательных норм российского корпоративного права в информационной и научной сфере, определяющих круг тех ответственных и добросовестных партнеров в Балтийском регионе, с которыми необходимо устанавливать системные и предметные коммуникативные связи.

Решение задачи по созданию российских научных информационных сетей, пользующихся авторитетом в Европе, достижимо только при условии оптимальной реализации имеющегося в Балтийском регионе интеллектуального потенциала, который до сих пор находит недостаточное применение в рамках конструктивных начинаний, не получает должных возможностей и материального поощрения для гарантированного лидерства российских мегаполисов в современной международной системе. Создание привлекательной для человека социально-культурной среды не предполагает конфликтов на национальной почве и достигается в результате взаимопонимания, обусловленного общностью интересов и трендом международной интеграции в постиндустриальную эпоху.

Список литературы

1. Симонян Р.Х. Балтийские масс-медиа: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2004. №2. С. 98—105.
2. Hjelm T., Vaher Ü. Finlandisation or media logic? The Estonian — Russian border incident of 2014 in Finnish, Estonian and British press // Media, Culture & Society. 2017. Vol. 40, №7. P. 1024—1038. doi: 10.1177/0163443717745146.

3. Клемяшев А. П., Кретинин Г. В., Федоров Г. М. и др. Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика : монография. Калининград, 2016.
4. Annual Report from the Committee of Senior Officials The 14th Year of the Council's Activity 2005—2006. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2013/03/Annual-Report-2005-2006.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
5. *Mizerska-Wrotkowska M.* Poland and Sweden in the United Europe. Schedas, S.L. 2015.
6. Громогласова Е. С. Визуально-образный контекст военного контртерроризма // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №5. С. 45—56. doi: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-45-56.
7. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Проблема борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны // Управленческое консультирование. 2017. №4 (100). С. 14—30. doi: 10.22394/1726-1139-2017-4-14-30.
8. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств : монография. СПб., 2016.
9. *Ratray G. J.* Strategic Warfare in Cyberspace. MIT Press, 2001.
10. *Ventre D.* Information Warfare. L., 2009.
11. *Vitkus G.* Diplomatinė aporija: tarptautinė Lietuvos ir Rusijos santykių normalizacijos perspektyva. Vilnius, 2006.
12. *Žilinskas R.* Valstybės Atsparumas Išorinėms Hibridinio Pobūdžio Grėsmėms: Hipotetinis Modelis // Politologija. 2017. №3 (87). doi: 10.15388/Polit.2017.3. 10856.
13. *Morozov V.* Russia in the Baltic Sea Region Desecuritization or Deregionalization? // Cooperation and Conflict. 2004. Vol. 39, №3. P. 317—331. doi: 10.1177/0010836704045207.
14. *Sergunin A. A., Karabeshkin L. A.* Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. 2015. Vol. 35, №3—4. P. 347—363. doi: 10.1111/1467-9256.12109.
15. *Yiangou G.* Toward a New Cold War: NATO Enlargement, Russia, and the Baltic States // Katsikides S., Hanappi H. (eds.). Society and Economics in Europe. Springer, Cham., 2016. doi: 10.1007/978-3-319-21431-3_12.
16. *Gaufman E.* (Re)drawing Boundaries: Russia and the Baltic States // Makarychev A., Yatsyk A. (eds.). Borders in the Baltic Sea Region. Palgrave ; L., 2017. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6_11.
17. *Huhtinen A. M.* The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel // Ibid. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
18. *Mercer J.* The Illusion of International Prestige International Security 2017. Vol. 41, iss. 4. P. 133—168. doi: 10.1162/ISEC_a_00276.
19. *Makarychev A. S., Sergunin A. A.* Russia's Role in Regional Cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, iss. 4. P. 465—480. doi:10.1080/01629778.2017.1305186.
20. *Der Derian J.* Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War. Oxford, 1992.
21. *Jakniunaite D.* A Small State in the Asymmetrical Bilateral Relations: Lithuania in Lithuanian-Russian Relations Since 2004 // Baltic Journal of Political Science. 2015. №4. P. 70—93. doi: 10.15388/BJPS.2015.0.8880
22. *Jakniunaite D., Vilpishauskas R.* Lithuanian-Russian Relations in 1991—2011 // Восточная Европа. Перспективы. 2012. №1—2. P. 165—179.
23. *Kuczyńska-Zonik A.* Antidiplomacy in Russia's Policies Regarding Russian-Speakers in the Baltic States // Baltic Journal of Political Science. 2016. №5. P. 89—104. doi: 10.15388/BJPS.2016.5.10338.
24. *Persson G.* Russia and Baltic Sea security // Baltic Sea security. How can allies and partners meet the new challenges in the region? / A.-S. Dahl. (ed.). Copenhagen, 2015. P. 13—17.
25. *Raik K.* Liberalism and geopolitics in EU — Russia relations: rereading the “Baltic factor” // European Security. 2016. Vol. 25, №2. P. 237—255. doi: 10.1080/09662839.2016.1179628.
26. *Saari S.* Russia's Post-Orange Revolution strategies to increase its influence in Former Soviet Republics: Public diplomacy po russkii // Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66, №1. P. 50—66. doi: 10.1080/09668136.2013.864109.

27. *Vitkus G.* Russian Pipeline Diplomacy: A Lithuanian Response // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 26. P. 25—46.
28. *Ачкасов В. А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, №1. С. 106—128.
29. *Худолей К. К.* Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, №1. С. 7—25.
30. *Ильин М. В.* Слоеный пирог политики: рецепты и импровизации // *Полис. Политические исследования*. 2016. №1. С. 88—103. doi: 10.17976/jpps/2016.01.07.
31. *Путин В. В.* Интервью международному информационному холдингу Bloomberg. 5 сентября 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52830> (дата обращения: 13.04.2018).
32. *Соловьев А. И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // *Полис. Политические исследования*. 2004. №2. С. 124—132.
33. *Чугров С. В.* Российская политика сквозь призму социологических замеров // Там же. 2016. №5. С. 183—191. doi: 10.17976/jpps/2016.05.16.
34. *Joint Statement of the 22nd Baltic Council*. Riga, October 28, 2016. URL: http://www.baltasam.org/images/2016/Session/Joint-Statement_Baltic-Council_FINAL.pdf (дата обращения: 13.04.2018).
35. *Чугров С. В.* Россия и Европа: диалог о ценностях в пространстве цивилизации // *Полис. Политические исследования*. 2015. №4. С. 157—169. doi: 10.17976/jpps/2015.04.13.
36. *Conley H. A., Gerber T. P.* Russian soft Power in 21st century: an examination of Russian compatriot policy in Estonia. Washington, 2011.
37. *Вендина О. И., Колосов В. А., Себенцов А. Б.* Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? // *Международные процессы*. 2014. Т. 12, №36—37. С. 76—92.
38. *Cornago N.* Plural Diplomacies: Normative Predicaments and Functional Imperatives. Leiden, 2013.
39. *Mihkelson M.* Baltic-Russian Relations in Light of Expanding NATO and EU // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2003. №2 (11). P. 270—277.
40. *Janeliunas T.* Russia's Foreign Policy Scenarios: Evaluation by Lithuanian Experts // *Baltic Bulletin*. November, 2016. URL: <https://www.fpri.org/article/2016/11/russias-foreign-policy-scenarios-evaluation-lithuanian-experts/> (дата обращения: 13.04.2018).
41. *Sherr J.* Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad. L., 2013.
42. *Regional Development and the Baltic Sea Region* / Branka T., Bernaciak A. (eds.). The Baltic University Programme. Uppsala University, 2014.
43. *Федотова В. Г.* Различия политических культур и международные конфликты // *Полис. Политические исследования*. 2015. №1. С. 44—54.
44. *Халий И. А.* Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. №2. С. 67—74.
45. *Huhtinen A. M.* The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel // Makarychev A., Yatsyk A. (eds.). *Borders in the Baltic Sea Region*. L., 2017. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
46. *Olaniyi E. O., Prause G. K.* Baltic-Russian Innovation Cooperation in the Context of EU Eastern Partnership // Kerikmäe T., Chochia A. (eds.). *Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy*. Springer, Cham., 2016. doi: 10.1007/978-3-319-27383-9_17.
47. *Цапенко И. П., Монусова Г. А.* Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // *Полис. Политические исследования*. 2017. №4. С. 90—105. doi: 10.17976/jpps/2017.04.07.
48. *Константинов С. А.* История, концепции и технологии воспитания патриотизма и готовности к защите отечества // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. №112. С. 29—36.
49. *Тоценко Ж. Т.* Постсоветское пространство: как жить вместе, живя врозь // *Социальная политика и социология*. 2011. №11 (77). С. 23—35.
50. *Шарков Ф. И.* Визуализация политического медиапространства // *Полис. Политические исследования*. 2016. №5. С. 97—107. doi: 10.17976/jpps/2016.05.08.

51. *Здравомыслов А.Г.* Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социологические исследования. 2008. №8. С. 3—18.
52. *Федоров Г.М., Разумовский В.М., Кузнецова Т.Ю., Гуменюк Л.Г.* Размещение и динамика численности населения приморских городов на Балтике // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149, №6. С. 14—24.
53. *Троицкий В.А.* Институциональные механизмы межгосударственного сотрудничества в свете меняющейся геополитической реальности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №104. С. 156—169.
54. *Балашов А.И.* Оценка перспектив развития туристической дестинации Санкт-Петербурга // Управление консультирование. 2016. №5 (89). С. 75—80.

Об авторах

Виктор Петрович Кириленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Георгий Валерьевич Алексеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия.

E-mail: alekseev-gv@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

Для цитирования:

Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 20—38. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2.

POLITICAL TECHNOLOGIES AND INTERNATIONAL CONFLICTS IN THE INFORMATION SPACE OF THE BALTIC SEA REGION

V. P. Kirilenko¹

G. V. Alexeyev¹

¹ North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43 Sredny Prospekt V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia

Submitted on September 27, 2017

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2

The information space of the Baltic region has gradually developed since the free exchange of cross-border messages was made possible by media technology and international law. The international conflict between Russia and some countries of the European Union has

become a factor hampering its sustainable development. Moreover, the conflict has adversely affected the functioning of many civil society institutions in the Baltic Sea region. This study focuses on the publications in the scientific media associated with the political technologies that may provoke conflict but must contribute to good-neighbourly relations in the region. We carry out a comprehensive political analysis and a specific examination of the Western scientific media to develop a package of measures that Russia can take to counter the conflict-provoking influences in the region. The current condition of the regional information space and information operations aimed at inciting Russophobia and forcing Russia out of the European political process is indicative of the politicisation of social sciences and the humanities and of the mythologisation of the policies of the regional social structures. The conflict must be urgently resolved, since the political technologies, which cause instability in the information space, damage the reputations of all the states involved. To reconcile the differences that underlie the information conflict in the Baltic region it is necessary to take into account common interests. There is a pressing need to join efforts in solving the challenging social problems that cannot be overcome without either international cooperation among the countries or effective social partnership.

Keywords: information security, Baltic Sea common information space, media, national interests, diplomacy, information operations, Baltic region, international cooperation

References

1. Simonyan, R. Kh. 2004, Baltic media: the dynamics of the last decade, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 2, p. 98—105 (in Russ.).
2. Hjelm, T., Vaher, Ü. 2017, Finlandisation or media logic? The Estonian — Russian border incident of 2014 in Finnish, Estonian and British press, *Media, Culture & Society*, Vol. 40, no. 7, p. 1024—1038. doi: 10.1177/0163443717745146.
3. Klemeshev, A. P., Kretinin, G. V., Fedorov, G. M. et al. 2016, *Baltiiskii region v Novoe i Noveishee vremya: istoriya i regional'naya politika* [Baltic region in the New and Newest time: history and regional policy], Kaliningrad, 322 p. (in Russ.).
4. Annual Report from the Committee of Senior Officials The 14th Year of the Council's Activity 2005—2006, *The Council of the Baltic Sea States*, available at: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2013/03/Annual-Report-2005—2006.pdf> (accessed 15.06.2017).
5. Mizerska-Wrotkowska, M. 2015, Schedas, S. L. (ed.) *Poland and Sweden in the United Europe*, 256 p.
6. Gromoglasova, E. S. 2017, The visual-figurative context of military counterterrorism, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 5, p. 45—56. doi: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-45-56 (in Russ.).
7. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. 2017, The problem of fighting extremism in the conditions of information war, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], no. 4 (100), p. 14—30. doi: 10.22394/1726-1139-2017-4-14-30 (in Russ.).
8. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. 2016, *Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv* [International Law and Information Security of States], St. Petersburg, 396 p. (in Russ.).
9. Rattray, G. J. 2001, *Strategic Warfare in Cyberspace*, MIT Press, 480 p.
10. Ventre, D. 2009, *Information Warfare*, London, 320 p.
11. Vitkus, G., 2006, *Diplomatinė aporija: tarptautinė Lietuvos ir Rusijos santykių normalizacijos perspektyva*, Vilnius, 212 p.
12. Žilinskas, R. 2017, Valstybės Atsparumas Išorinėms Hibridinio Pobūdžio Grėsmėms: Hipotetinis Modelis, *Politologija*, no. 3 (87). doi: 10.15388/Polit.2017.3.10856.
13. Morozov, V. 2004, Russia in the Baltic Sea Region Desecuritization or Deregionalization? *Cooperation and Conflict*, Vol. 39, no. 3, p. 317—331. doi: 10.1177/0010836704045207.
14. Sergunin, A. A., Karabeshkin, L. A. 2015, Understanding Russia's Soft Power Strategy, *Politics*, Vol. 35, no. 3—4, p. 347—363. doi: 10.1111/1467-9256.12109.

15. Yiangou, G. 2016, Toward a New Cold War: NATO Enlargement, Russia, and the Baltic States. In: Katsikides, S., Hanappi, H. (eds.) *Society and Economics in Europe*, Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-21431-3_12.
16. Gaufman, E. 2017, (Re)drawing Boundaries: Russia and the Baltic States. In: Makarychev, A., Yatsyk, A. (eds.). *Borders in the Baltic Sea Region*, Palgrave, London, doi: 10.1057/978-1-352-00014-6_11.
17. Huhtinen, A. M. 2017, The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel. In: Makarychev, A., Yatsyk, A. (eds.). *Borders in the Baltic Sea Region*, Palgrave, London, 271 p. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
18. Mercer, J. 2017, *The Illusion of International Prestige International Security*, Vol. 41, no. 4, p.133—168. doi: org/10.1162/ISEC_a_00276.
19. Makarychev, A. S., Sergunin, A. A. 2017, Russia's Role in Regional Cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR), *Journal of Baltic Studies*, p. 465—479. doi: 10.1080/01629778.2017.1305186.
20. Der Derian, J. 1992, *Antidiplomacy: Spies, Terror, Speed, and War*, Oxford, Blackwell Publisher, 220 p.
21. Jakniunaite, D. A. 2015, Small State in the Asymmetrical Bilateral Relations: Lithuania in Lithuanian-Russian Relations Since 2004, *Baltic Journal of Political Science*, no. 4, p. 70—93. doi: 10.15388/BJPS.2015.0.8880.
22. Jakniunaite, D., Vilpishauskas, R. 2012, Lithuanian-Russian Relations in 1991—2011, *Vostochnaya Evropa. Perspektivy* [Eastern Europe. Perspectives], no. 1—2, p. 165—179 (in Russ.).
23. Kuczyńska-Zonik, A. 2016, Antidiplomacy in Russia's Policies Regarding Russian-Speakers in the Baltic States, *Baltic Journal of Political Science*, December, no. 5, p. 89—104. doi: 10.15388/BJPS.2016.5.10338.
24. Persson, G. 2015, Russia and Baltic Sea security. In: Dahl, A.-S. (ed.) *Baltic Sea security. How can allies and partners meet the new challenges in the region?* p. 13—17.
25. Raik, K. 2016, Liberalism and geopolitics in EU—Russia relations: rereading the “Baltic factor”, *European Security*, Vol. 25, no. 2, p. 237—255. doi: 10.1080/09662839.2016.1179628.
26. Saari, S. 2014, Russia's Post-Orange Revolution strategies to increase its influence in Former Soviet Republics: Public diplomacy po russkii, *Europe-Asia Studies*, Vol. 66, no. 1, p. 50—66. doi: 10.1080/09668136.2013.864109.
27. Vitkus, G. 2009, Russian Pipeline Diplomacy: A Lithuanian Response, *Acta Slavica Iaponica*, Vol. 26, p. 25—46.
28. Achkasov, V. A. 2016, The role of the "image of the enemy" in the processes of ethno-political mobilization, *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLI-TEX], Vol. 12, no. 1, p. 106—128 (in Russ.).
29. Khudoley, K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 1, p. 4—16. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-1.
30. Ilyin, M. V. 2016, “Flaky Pastry” of Politics: Recipes and Improvisations, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 1, p. 88—103. doi: 10.17976/jpps/2016.01.07 (in Russ.).
31. Putin V. V. Interview to the international information holding Bloomberg, 2016, *President of Russia*, September 5, 2016, available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/52830> (accessed 13.04.2018) (in Russ.).
32. Solovyov, A. I. 2004, Political Discourse of Mediocracies: Problems of the Information Epoch, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 2, p. 124—132. doi: 10.17976/jpps/2004.02.12 (in Russ.).
33. Chugrov, S. V. 2016, Russian Politics through Prism of Sociological Measurements, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 5, p. 183—191. doi: 10.17976/jpps/2016.05.16 (in Russ.).
34. Joint Statement of the 22nd Baltic Council, 2016, *Baltic Assembly*, Riga, October 28, available at: http://www.baltasam.org/images/2016/Session/Joint-Statement_Baltic-Council_FINAL.pdf (accessed 13.04.2018).

35. Chugrov, S. V. 2015, Russia and Europe: Dialogue on Values in the Space of Civilization, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 4, p. 157—169. doi: 10.17976/jpps/2015.04.13_(in Russ.).
36. Conley, H. A., Gerber, T. P. 2011, *Russian soft Power in 21st century: an examination of Russian compatriot policy in Estonia*, Washington, Center for strategic & international studies, 45 p.
37. Vasilyeva, N. A., Kosov, Yu. V. 2017, Modern Hanseatic Trends in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 104—113. doi: 10.5922/2079-8555-2017-2-8.
38. Cornago, N. 2013, *Plural Diplomacies: Normative Predicaments and Functional Imperatives*, Leiden, Brill Publishers, 264 p.
39. Mihkelson, M. 2003, Baltic-Russian Relations in Light of Expanding NATO and EU, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, no. 2 (11), p. 270—277.
40. Janeliunas, T. 2016, Russia's Foreign Policy Scenarios: Evaluation by Lithuanian Experts, *Baltic Bulletin*, November, available at: <https://www.fpri.org/article/2016/11/russias-foreign-policy-scenarios-evaluation-lithuanian-experts/> (accessed 13.04.2018).
41. Sherr, J. 2013, *Hard Diplomacy and Soft Coercion: Russia's Influence Abroad*, London, Chatham House, 152 p.
42. Branka, T., Bernaciak, A. (eds) 2014, *Regional Development and the Baltic Sea Region*, The Baltic University Programme, Uppsala University, 170 p.
43. Fedotova, V. G. 2015, Distinctions of political cultures and the international conflicts, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 1, p. 44—54. doi: 10.17976/jpps/2015.01.05 (in Russ.).
44. Khaliy, I. A. 2017, Patriotism in Russia: the experience of typologization, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 2, p. 67—74 (in Russ.).
45. Huhtinen, A. M. 2017, The Baltic Sea Region: From a Hinge Between Russia and the West to a Rhizomatic Information Channel. In: Makarychev, A., Yatsyk, A. (eds.). *Borders in the Baltic Sea Region*, Palgrave, London, 271 p. doi: 10.1057/978-1-352-00014-6.
46. Olaniyi, E. O., Prause, G. K. 2016, Baltic — Russian Innovation Cooperation in the Context of EU Eastern Partnership. In: Kerikmäe, T., Chochia, A. (eds.). *Political and Legal Perspectives of the EU Eastern Partnership Policy*, Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-27383-9_17.
47. Tsapenko, I. P., Monusova, G. A. 2017, Integration Capacity of Ethno-Cultural Diversity in European Societies, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 4, p. 90—105. doi: 10.17976/jpps/2017.04.07.
48. Konstantinov, S. A. 2009, History, concepts and technologies of education of patriotism and readiness to defend the fatherland, *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], no. 112, p. 29—36 (in Russ.).
49. Toshchenko, Zh. T. 2011, The post-Soviet space: how to live together, living apart, *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], no. 11 (77), p. 23—35 (in Russ.).
50. Sharkov, F. I. 2016, Visualization of Political Media Space, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 5, p. 97—107. doi: 10.17976/jpps/2016.05.08 (in Russ.).
51. Zdravomyslov, A. G. 2008, Triple interpretation of culture and the boundaries of sociological knowledge, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], no. 8, p. 3—18.
52. Fedorov, G. M., Razumovskiy, V. M., Kuznetsova, T. Yu., Gumeniuk, L. G. 2017, Population distribution and change in the coastal Baltic cities, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], Vol. 149, no. 6, p. 14—24 (in Russ.).
53. Troitsky, V. A. 2009, Institutional mechanisms of interstate cooperation in the light of the changing geopolitical reality, *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], no. 104, p. 156—169 (in Russ.).
54. Balashov, A. I. 2016, Evaluation of the development prospects of the tourist destination of St. Petersburg, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], no. 5 (89), p. 75—80 (in Russ.).

The authors

Prof. Viktor P. Kirilenko, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: kirilenko-vp@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4445-1682>

Dr Georgiy V. Alexeyev, Associate Professor, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

E-mail: alekseev-gv@sziu.ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3720-0105>

To cite this article:

Kirilenko, V. P., Alexeyev, G. V. 2018, Political technologies and international conflicts in the information space of the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 20—38. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-2.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

*Т. С. Волчецкая*¹

*Е. Н. Холопова*¹

*А. Г. Григорьев*²

Раскрыты объективные условия конфликта интересов развития и интересов обеспечения экологической безопасности, которые приобретают особое значение, когда потребности в защите экологических интересов одной страны противопоставляется потребность развития других стран, входящих в единый природный комплекс. Несовпадение государственных границ и границ административно-территориальных образований стран, хозяйственная деятельность которых оказывает влияние на состояние защищенности экологических интересов Российской Федерации в Балтийском море, с границами экологических систем обусловили необходимость рассмотрения проблемы правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в масштабе Балтийского региона. Отсутствие правового механизма обеспечения баланса интересов развития и обеспечения экологической безопасности стран, имеющих выход к Балтийскому морю, обусловило необходимость функциональной характеристики региональной модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе. В статье применительно к цели исследования определено правовое содержание экологических интересов Российской Федерации. Рассмотрены возможности правовой защиты экологических интересов в национальной и международной юрисдикции, выделенных в соответствующие уровни. Определено содержание экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе. На примере влияния субъектов Российской Федерации, находящихся в пространственных пределах водосборного бассейна Балтийского моря, подтвержден подход к установлению пространственных пределов Балтийского региона для моделирования регионального уровня системы правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе. Определены экологические интересы Российской Федерации в Балтийском регионе, установлены формы их правовой защиты, выявлены элементы данной системы правовой защиты и их функции.

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

² ООО «Центр экспертизы и правовой защиты», 236016, Россия, Калининград, пл. Маршала Василевского, 2.

Поступила в редакцию 15.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-3

© Волчецкая Т. С., Холопова Е. Н., Григорьев А. Г., 2018

Результатом проведенного авторами исследования является функциональная характеристика модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе, которая может использоваться для совершенствования коммуникационных связей элементов защиты законных интересов Российской Федерации в Балтийском регионе.

Ключевые слова: международное право, публичные интересы, экологические интересы, региональная модель, Балтийский регион

Введение

Государственные границы многих стран проходят по естественной границе водной среды и суши, которые зачастую не ограничивают пределы функционирования экологических систем как единого природного комплекса. Последствия хозяйственной деятельности на суше неизбежно оказывают неблагоприятное воздействие на соседствующие водные объекты. Области вовлечения береговых ресурсов в сферу хозяйственной деятельности могут простираться далеко за пределы территориальных вод государства, на территории которого такая деятельность ведется [1]. Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Я. Чайка на встрече руководителей прокурорских служб ряда иностранных государств по вопросам борьбы с экологическими преступлениями отметил, что проблемы изменения климата, сокращения биоразнообразия, загрязнения водной и воздушной среды, уменьшения площади лесов приобрели транснациональный характер, при этом указал на сложности международного сотрудничества в связи с различным законодательным регулированием охраны окружающей среды и характером мер, направленных на устранение вредных последствий [2].

Балтийское море является объектом сосредоточения экологических интересов государств, территория которых примыкает к нему. К водам Балтийского моря кроме Российской Федерации выход имеют еще восемь стран: Германия, Польша, Дания, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Территории данных стран полностью или частично относятся к Балтийскому региону. В состав данного региона могут включаться не только административно-территориальные образования стран, имеющих выход к Балтийскому морю, но и страны, пространственно отделенные от него, с учетом геологических, гидрографических и других характеристик, имеющих значение для функционирования экосистемы Балтийского моря [3].

Законные интересы каждой страны Балтийского региона по развитию своей экономики сопряжены с влиянием увеличения хозяйственной деятельности на состояние окружающей среды [4]. Негативное изменение качества окружающей среды в одной стране неизбежно приводит к ущемлению экологических интересов всех стран, территория которых входит в единый природный комплекс. Экологические проблемы становятся общими, приобретая характер региональных.

Для защиты экологических интересов стран Балтийского региона заключены важные природоохранные соглашения под эгидой Организации Объединенных Наций. Н. К. Харлампьева справедливо отмечает, что нормотворческий опыт по охране окружающей среды с использованием европейских региональных договоров и практики международного сотрудничества по их реализации открывает возможности их применения в других регионах, а регион Балтийского моря мог бы стать моделью региональной защиты и охраны морской среды [5].

В то же время авторы считают, что объективная необходимость защиты экологических интересов Российской Федерации в пространственных пределах Балтийского региона сопряжена с отсутствием региональной системы правовой защиты экологических интересов Российской Федерации. Данные обстоятельства ограничивают объект и предмет исследования, а также определяют его цели и задачи.

Объект исследования — общественные отношения в сфере правовой защиты публичных прав и законных интересов.

Предмет исследования — системные свойства идеальной модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе.

Целью исследования является моделирование регионального уровня системы правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе.

Задачи исследования: детерминация экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе; установление формы правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе; выявление элементов системы правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе и их функции.

Методология исследования

Интерес в праве может быть побудительным, стимулирующим фактором при создании правовых нормы. Общественные отношения не могут возникать при отсутствии интересов у их участников [6]. Родовой категорией для понятия «экологические интересы Российской Федерации» является категория «публичные интересы». К публичным интересам относятся интересы общества, государства, национальные интересы [7]. Условность различия частного и публичного интереса обусловлена конвергенцией интересов личности, общества в интересах государства и проявляется в балансе частных и публичных интересов в каждой правовой норме, основой которой выступает Конституция Российской Федерации [8]. В Конституции Российской Федерации категория «интересы» используется исключительно применительно к личности. Категории «интересы общества» и «интересы государства» широко применяются в документах стратегического планирования в родовой категории «национальные интересы».

Следует отметить отсутствие прямой связи законного интереса и правовой нормы в законодательстве Российской Федерации. Так, в научной методологии исторического периода существования СССР публичный интерес не включался в содержание права, допускалось лишь говорить об отражении его в праве [9]. Исторически обусловленный подход к правовой категории «интерес» может приводить к провалу в регулировании общественных отношений, когда цели, определенные в документах стратегического планирования в качестве публичного интереса, не когерентны правовым категориям, используемым для правового регулирования соответствующих правовых отношений.

Взаимосвязь интереса и права в данном аспекте раскрыта через категорию «законный интерес» в трудах последователей научной школы А. В. Малько [10], но законные интересы рассматриваются в конституционно-правовом аспекте законных интересов личности, более соответствующих частным правовым отношениям. В то же время законные экологические интересы более характерны для публичных правовых отношений.

Важнейшим публичным интересом в сфере взаимодействия общества и природы является сохранение и восстановление благоприятного состояния окружающей среды в части ее качественных показателей, касающихся чистоты атмосферного воздуха, воды и почвы [11]. Конвергенция частных и публичных законных интересов наглядно проявляется в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. В работах российских ученых данные направления деятельности часто отождествляются [12; 13] или, наоборот, категорически разделяются [14; 15]. Между тем объектом, на который направлена эта деятельность, всегда является человек. Так, целью охраны окружающей среды является создание благоприятной окружающей среды человека [16], а целью обеспечения экологической безопасности — обеспечение экологической безопасности для человека [17]. В работах зарубежных авторов понимание категории *environmental* [18, p. 146—160] в большей степени соответствует понятию природной среды в понятийном аппарате закона РСФСР от 19.12.1991 года №2060-1 «Об охране окружающей природной среды». В трактовке ст. 1 федерального закона от 10.01.2002 года №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» окружающая среда уже не тождественна природной среде, поскольку включает в себя и антропогенные объекты, что создает сложности в правоприменительной практике для определения состава экологического преступления [19].

Авторы считают, что категорию «обеспечение экологической безопасности» нельзя отграничивать от категории «охрана окружающей среды», поскольку охрана окружающей среды от последствий хозяйственной деятельности человека производится до уровня, при котором соблюдается экологическая безопасность человека. Так, например, радиоактивное загрязнение Чернобыльской АЭС создало неблагоприятную экологическую обстановку для человека, но в то же время отчуждение территории, на которой прекращена его хозяйственная деятельность, создало благоприятные условия для природной среды и способствовало восстановлению ранее нарушенных биоценозов. Экологические интересы Российской Федерации взаимосвязаны с интересами развития экономики Российской Федерации [20].

При традиционных формах и способах промышленного, сельскохозяйственного и других видов производств качество окружающей среды снижается при росте производства. И наоборот, качество окружающей среды повышается при его снижении. Во многих регионах стабилизировалась и улучшилась экологическая обстановка до уровня безопасной в связи с прекращением производства. Использование наилучших доступных технологий производства снижает прямую зависимость повышения уровня экологической опасности от роста производства, но в то же время возможность использования этих технологий находится в прямой зависимости от возможностей экономики по их внедрению.

Учитывая требования документов стратегического планирования, в качестве экологического интереса Российской Федерации нельзя признать снижение уровня производства или его полное прекращение, поскольку родовым для понятия «экологический интерес» является понятие «национальные интересы». В то же время прекращение хозяйственной деятельности, создающей неблагоприятную экологическую обстановку, другими государствами, находящимися в едином природном комплексе с нашей страной, вполне соответствует экологическим интересам Российской Федерации.

Авторы пришли к выводу, что экологические интересы Российской Федерации — это законные интересы личности, общества и государства по обеспечению состояния их защищенности исключительно от экологических преступлений.

Правовая защита экологических интересов может происходить как в пределах национальной юрисдикции, так и международной. Экологические интересы Российской Федерации, определенные документами стратегического планирования, включаются в структуру правовых норм Российской Федерации, и их защита осуществляется национальным правом. Возможности использования юрисдикции Российской Федерации для защиты ее экологических интересов за пределами своей территории ограничены пределами континентального шельфа и особой экономической зоны Российской Федерации после имплементации соответствующих норм международного права.

В структуре правовой нормы экологические интересы следует отграничить от экологических прав Российской Федерации (табл. 1). В отличие от экологического права экологический законный интерес подвержен динамическим изменениям под влиянием внешней и внутренней среды соответствующей системы, что приводит к конфликту целей введения правовой нормы и ее формального выражения в диспозиции правовой нормы.

Таблица 1

**Отличительные признаки экологического права
и экологического законного интереса**

Элемент структуры правовой нормы	Экологическое право	Экологический интерес
Гипотеза	В прямой постановке как правило отсутствует	Является целью введения правовой нормы
Диспозиция	Определена нормативным правовым актом	Не предусмотрена
Санкция	Уголовное наказание	Исключительно при формальном совпадении с диспозицией соответствующей правовой нормы

Национальное право обеспечивает качество окружающей среды средствами правового регулирования, которое заключается в разработке, принятии и применении норм права на основе экологических требований.

Защита экологических интересов Российской Федерации, соответствующих законным интересам Российской Федерации, может осуществляться в международной юрисдикции. Данным условиям также удовлетворяют имплементация норм международного права в законодательство стран, находящихся в пределах одного природного комплекса, и защита нарушенных законных интересов в суде международной юрисдикции.

Таким образом, система правовой защиты экологических интересов Российской Федерации образует два самостоятельных уровня защиты: национальный и наднациональный.

На национальном уровне экологические интересы Российской Федерации защищены правовой нормой, в которой экологический интерес проявляется в гипотезе правовой нормы.

Правоохранительные нормы по защите экологических интересов присутствуют в структуре правовых норм отечественного законодательства, определенных гл. 26 УК РФ, и распространяются как на территорию Российской Федерации, так и за пределы юрисдикции Российской Федерации на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации.

Наднациональный уровень обеспечивает защиту экологических интересов Российской Федерации в случае, если страны, находящиеся в едином природ-

ном комплексе, провели имплементацию норм международного права, соответствующего законным интересам Российской Федерации, в свое законодательство или заключили соглашения о рассмотрении споров о нарушении экологических интересов в судах международной юрисдикции.

Международные правовые нормы защиты экологических интересов Российской Федерации состоят из норм и принципов международного права как результата деятельности международных фондов, организаций ООН.

В пространственных пределах Балтийского региона к таким международным организациям можно отнести Хельсинкскую комиссию (далее — ХЕЛКОМ) с целями защиты морской среды Балтийского моря¹. Предложения по имплементации норм ХЕЛКОМ² Российской Федерацией не реализуемы без системного подхода к обеспечению экологической безопасности Балтийского региона и определения системно-функциональной характеристики модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе.

С. А. Кондратьев указывает на отсутствие централизованной и комплексной научно обоснованной отечественной системы охраны и рационального использования Балтийского моря и его водосбора [21]. Несмотря на многообразие экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе, ключевое значение для их формирования имеет Балтийское море. Физические свойства водного объекта ограничивают источники, оказывающие влияние на защищенность экологических интересов стран Балтийского региона. Соответственно, из объекта исследования исключены экологические интересы в сфере охраны лесов и животного мира, находящиеся в пространственных пределах Балтийского региона.

Для ограничения пространственных пределов защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе необходимо определить перечень субъектов, оказывающих влияние на состояние защищенности экологических интересов в Балтийском регионе.

В статье [3] выделено несколько подходов к определению «Балтийский регион» в зависимости от удаления территории от моря и степени его влияния на социально-экономическое развитие регионов: узкое, расширенное, широкое. Из предложенных определений пространственные пределы защиты экологических интересов Российской Федерации соответствуют широкому пониманию категории Балтийского региона как не имеющего четких границ и испытывающего лишь косвенное влияние Балтийского моря.

Границей Балтийского региона применительно к настоящему исследованию следует считать границы водосборного бассейна Балтийского моря (рис. 1). Так, площадь дренажа с территории стран Балтийского региона в четыре раза больше площади Балтийского моря³, занимающего около 420 000 км².

¹ *Communication Strategy: As adopted in HELCOM Annual Meeting 2014.* URL: <http://www.helcom.fi/Lists/Publications/HELCOM%20Communication%20Strategy.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

² *Towards a healthier Baltic sea — implementation of the Baltic sea action plan in Russia // HELCOM : [official site].* URL: <http://www.helcom.fi/Lists/Publications/BASE%20Final%20Report%20-%20Implementation%20of%20BSAP%20in%20Russia.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

³ *First version of the 'state of the Baltic sea' report — June 2017: to be updated in 2018 // HELCOM : [official site].* URL: <http://www.helcom.fi/Lists/Publications/State%20of%20the%20Baltic%20Sea%20-%20First%20version%202017.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

Рис. 1. Фрагмент границы водосборного бассейна Балтийского моря, включающий территорию Российской Федерации⁴

В пределы дренажа попадают не только субъекты Российской Федерации с выходом к Балтийскому морю — Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская области, но и большая часть территорий Псковской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Вологодской областей, Республики Карелия.

Уровень развития экономики многих из выделенных субъектов не позволяет в полной мере очищать сточные воды, которые в итоге попадают в бассейн Балтийского моря. Например, по данным Правительства Калининградской области, воды большинства рек Калининградской области характеризуются

⁴ First version of the 'state of the Baltic sea' report — June 2017: to be updated in 2018 // HELCOM : [official site]. URL: <http://www.helcom.fi/Lists/Publications/State%20of%20the%20Baltic%20Sea%20-%20First%20version%202017.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

ются в пределах от загрязненных до грязных⁵. Причиной этому может являться сброс в поверхностные источники загрязненных вод. По данным Росстата⁶, минимальные показатели соотношения сброса загрязненных сточных вод в поверхностные источники к общему объему сброса относятся к Ленинградской области — 4,7% (рис. 2).

Рис. 2. Сброс сточных вод Ленинградской областью, находящейся в пределах дренажа Балтийского моря, за 2016 год (млн м³)

В других субъектах Российской Федерации данные показатели существенно выше: Санкт-Петербург — 91,8%; Калининградская область — 91,9%; Псковская область — 45,7%; Новгородская область — 91,8%; Тверская область — 6,1%; Ярославская область — 73,8%; Вологодская область — 44,6%; Республика Карелия — 92,7% (рис. 3). Максимальное количество загрязненных сточных вод приходится на Санкт-Петербург и Калининградскую область, примыкающие к Балтийскому морю, где на незагрязненные сточные воды приходится 8,1—8,2% от общего объема сброса.

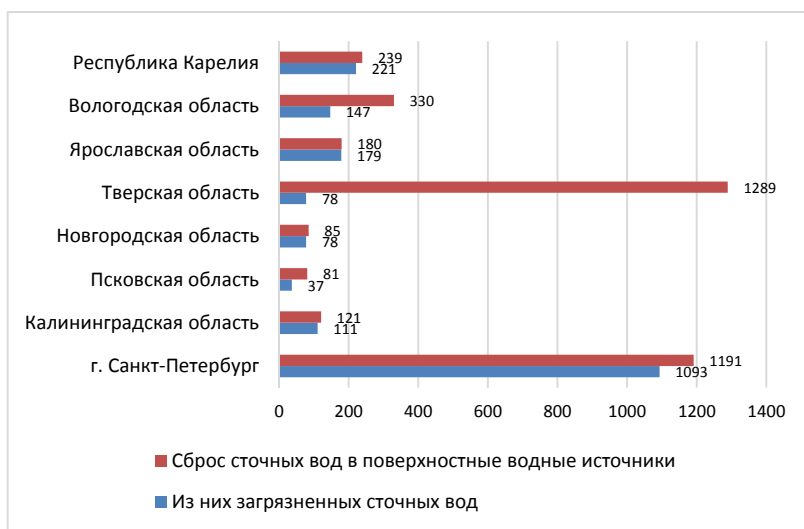

Рис. 3. Сброс сточных вод в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах дренажа Балтийского моря, за 2016 год (млн м³)

⁵ Доклад об экологической обстановке в Калининградской области в 2015 году / ГАУ КО «Экологический центр ЕКАТ — Калининград». URL: <http://www.ecat.ru/download/dockad2015.gag> (дата обращения: 20.04.2018).

⁶ Забор воды для использования, потери воды и сброс сточных вод в 2016 г. // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.gks.ru/bgd/regl/b_oxr17/IssWWW.exe/Stg/3-07.doc (дата обращения: 20.04.2018).

Исследование абсолютных показателей сброса загрязненных сточных вод показало, что у третьего субъекта Российской Федерации, примыкающего к Балтийскому морю, — Ленинградской области, хотя и зафиксировано всего 4,7% загрязненных сточных вод, этот объем в 2,45 раза больше, чем сбросы загрязненных сточных вод Калининградской области.

Кроме прямых стоков в дренаж включаются места захоронения твердых бытовых отходов, зачастую не оборудованные элементарными средствами защиты от дренирования. По данным Росстата⁷, объем использованных и обезвреженных отходов производства и потребления от общего объема образовавшихся отходов производства и потребления составил: Санкт-Петербург — 58,5%; Ленинградская область — 78%; Калининградская область — 10%; Псковская область — 88,4%; Новгородская область — 112% (с учетом ранее накопленных отходов); Тверская область — 54,3%; Ярославская область — 78,9%; Вологодская область — 67,7% (рис. 4).

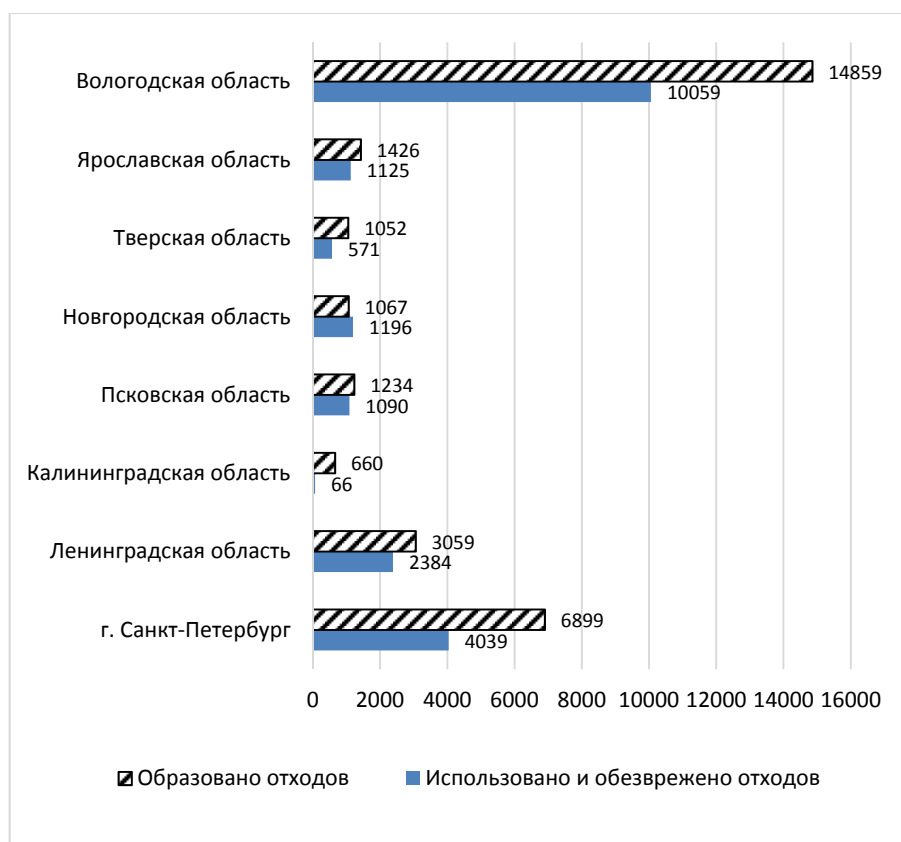

Рис. 4. Образованные и обезвреженные отходы в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах дренажа Балтийского моря, за 2016 год (тыс. т)

⁷ *Образование, использование, обезвреживание и размещение отходов производства и потребления в 2016 г.* // Федеральная служба государственной статистики : [официальный сайт]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.gks.ru/bgd/regl/b_oxr17/IssWWW.exe/Stg/3-08.doc (дата обращения: 20.04.2018).

В Республике Карелия данный показатель составил 13,1 % (рис. 5). Самый низкий уровень использования и обезвреживания отходов приходится на Калининградскую область, примыкающую к Балтийскому морю, где на долю необезвреженных отходов приходится 90 % от общего объема образовавшихся отходов производства и потребления.

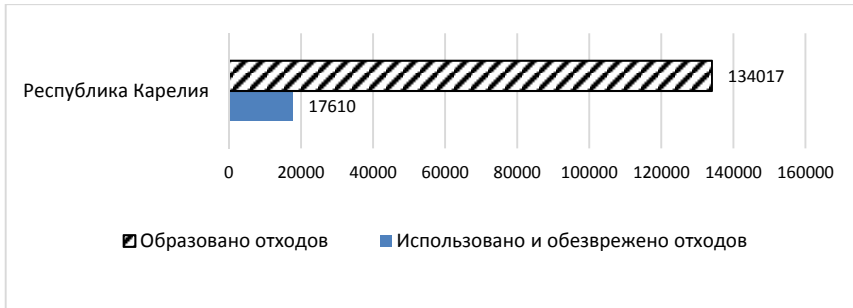

Рис. 5. Образованные и обезвреженные отходы в Республике Карелия, находящейся в пределах дренажа Балтийского моря, за 2016 год (тыс. т)

По абсолютным показателям из регионов, примыкающих к Балтийскому морю, объем необезвреженных отходов превышает объемы Калининградской области: Санкт-Петербург в 4,8 раза, Ленинградская область в 5,1. Из регионов, находящихся в территориальных пределах дренажа Балтийского моря, максимальная доля неиспользованных и необезвреженных отходов приходится на Республику Карелия, где она превышает объемы Калининградской области в 196 раз. Захоронение 99,5 % этих необезвреженных отходов на территории предприятий Республики Карелия не снижает неблагоприятного влияния на экологию Балтийского региона.

Необезвреженные отходы зачастую размещаются на полигонах, при проектировании которых еще не предъявлялись высокие требования к безопасности окружающей среды. Например, в Калининградской области на свалках с высоким риском размещено около 93 % всех отходов; на свалках со средним риском — 6 %, а на свалках без риска и с низким риском — только около 0,8 %. При этом четыре свалки с высоким риском расположены вблизи Балтийского моря. Поскольку сбор фильтрата свалки на каждой из них либо отсутствует, либо недостаточен, фильтрат может поступать в Балтийское море⁸.

В исследовании, проведенном в 2010 году, Д. М. Нечипорук указывал на низкую эффективность деятельности исполнительных органов власти по решению экологических проблем, связывая ее с отстранением субъектов Российской Федерации от исполнения обязательств Российской Федерации по ХЕЛКОМ [22]. Тем не менее в современных условиях субъекты Российской Федерации принимают меры к снижению загрязнения Балтийского моря. В марте 2018 года, по сообщению Правительства Калининградской области, приняты меры по рекультивации ряда горячих точек списка ХЕЛКОМ⁹.

⁸ *Снижение рисков от опасных отходов в России // ХЕЛКОМ : [официальный сайт]. URL: http://helcom.ru/media/hazardous_rus.pdf (дата обращения: 20.04.2018).*

⁹ *Калининградская область подготовила заявки на исключение трех региональных «горячих точек» из списка ХЕЛКОМ // Министерство природных ресурсов и экологии Калининградской области : [официальный сайт]. URL: <http://minprirody.gov39.ru/news/1633> (дата обращения: 20.04.2018).*

На примере субъектов Российской Федерации видно, что их перечень не может ограничиваться лишь субъектами, находящимися на побережье Балтийского моря. Экологические интересы Российской Федерации в Балтийском регионе как публичные интересы должны решаться в пространственных пределах природных экологических комплексов, границы которых не связаны с административными территориями государства.

В других странах Балтийского региона отмечаются аналогичные системные проблемы, которые каждая страна в отдельности решить не в состоянии в силу природных качеств бассейна Балтийского моря.

Так, высокие поступления азота и фосфора за счет водосбора приводят к эвтрофикации вод Балтийского моря, от которой страдает 95 % водоема. Объем пластиковых отходов в бытовом мусоре, выброшенном на побережье, достигает 70 %. Регистрация некоренных видов фауны и флоры в Балтийском море (около 140 неместных видов) свидетельствует о дестабилизации экологической системы водоема. Неселективные методы рыболовства приводят к снижению запасов видов и категорий биологических ресурсов, не являющихся объектом промысла. Половина морского дна Балтийского моря оценивается как потенциально нарушенная¹⁰.

Таким образом, пространственными пределами, в которых необходимо защищать экологические интересы Российской Федерации в Балтийском регионе, будут являться территории иностранных государств и их административно-территориальных образований, субъектов Российской Федерации, входящих в природный комплекс Балтийского моря.

Имплементация норм ХЕЛКОМ в законодательство Российской Федерации не позволяет обеспечивать экологические интересы Российской Федерации при трансграничном загрязнении. Она обеспечивает лишь экологические интересы других стран. В то же время Российская Федерация заинтересована в имплементации ими правовых норм международного права, соответствующих законным интересам Российской Федерации в сфере экологии.

Цели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации следует подразделить в зависимости от вектора угроз по отношению к государству.

В отношении внутренних угроз состоянию их защищенности — повышение результативности правоохранительной деятельности, связанной с экологическими преступлениями [23]. При этом специфика уголовного законодательства не позволяет выделять субъекты Российской Федерации Балтийского региона среди других субъектов Российской Федерации.

Правовая защита экологических интересов Российской Федерации фактически находится в неудовлетворительном состоянии. Так, по информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации в период с 2015 по 2017 год зарегистрировано 60 901 экологическое преступление на территории Российской Федерации¹¹. Результаты правоохранительной деятельности в данный

¹⁰ First version of the 'state of the Baltic sea' report — June 2017: to be updated in 2018 // HELCOM : [official site]. URL: <http://www.helcom.fi/Lists/Publications/State%20of%20the%20Baltic%20Sea%20-%20First%20version%202017.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

¹¹ *Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 года* // Генеральная прокуратура Российской Федерации: Главное управление правовой статистики и информационных технологий : [офф. сайт]. URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/29f/Ежемесячный%20сборник%20июнь%202015.pdf> (дата обращения: 20.04.2018) ; *Состояние преступности в России за январь — декабрь 2016 года* // Там же. URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/f8b/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202016.pdf> (дата обращения: 20.04.2018) ; *Состояние преступности в России за январь — декабрь 2017 года* // Там же. URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202017.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

период показывают, что наибольшее количество экологических преступлений выявляется органами внутренних дел МВД Российской Федерации (рис. 6), компетенция которых сосредоточена на территории Российской Федерации. Ими выявлено более 53 804 экологических преступлений, что составило 88% от общего количества экологических преступлений в эти годы. Динамика выявления экологических преступлений характеризуется как стабильный рост.

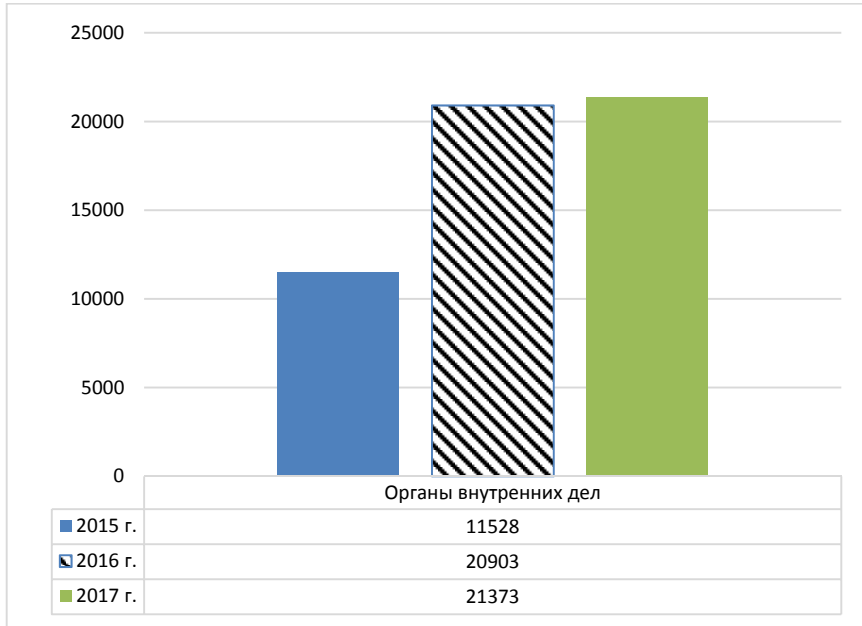

Рис. 6. Результативность выявления экологических преступлений органами внутренних дел МВД Российской Федерации в пределах территории Российской Федерации

Органы Федеральной службы безопасности, наделенные компетенцией за пределами государственной территории на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, в период с 2015 по 2017 год выявили менее 1349 экологических преступлений, что составляет всего 2% от общего количества экологических преступлений в данный период (рис. 7). Динамика выявления экологических преступлений характеризуется как нестабильная. Так, увеличение показателей 2016 года к показателям 2015-го в 4 раза закончилось их снижением в 2017 году на 4%.

В то же время, по материалам ХЕЛКОМ, уровень загрязнения акватории Балтийского моря остается высоким¹². Объективные сложности выявления экологических преступлений на морских пространствах, включающих в себя и воды с правовым режимом открытого моря, зачастую приводят к экологическому бедствию. Так, например, в северной части Тихого океана было обнаружено мусорное пятно, состоящее из пластика, общей массой от 45 до 129 тыс. т и площадью 1,6 млн км² [24].

¹² First version of the 'state of the Baltic sea' report — June 2017: to be updated in 2018 // HELCOM : [official site]. URL: <http://www.helcom.fi/Lists/Publications/State%20of%20the%20Baltic%20Sea%20-%20First%20version%202017.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

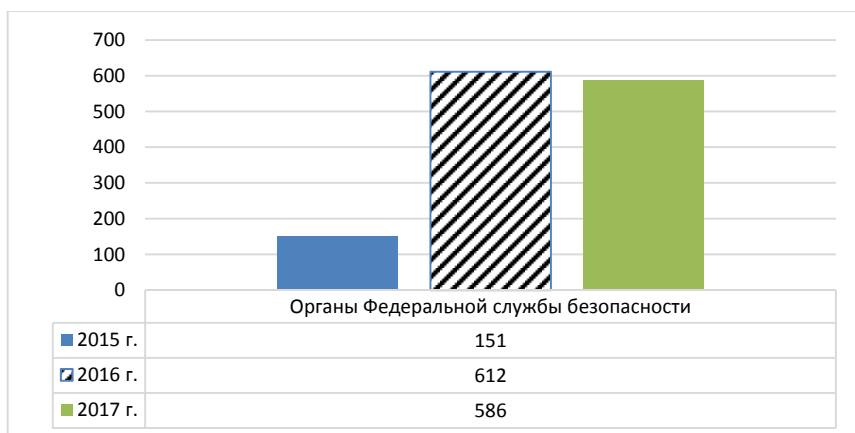

Рис. 7. Результативность выявления экологических преступлений органами Федеральной службы безопасности в пределах континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации

Подобные факты актуализируют наднациональный уровень защиты экологических интересов Российской Федерации, субъектом взаимодействия с которым являются органы исполнительной власти Российской Федерации, уполномоченные в сфере защиты экологических интересов Российской Федерации за пределами государственной территории.

Способами правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе следует признать их имплементацию в законодательство других стран Балтийского региона и судебную защиту в судах международной юрисдикции.

Деятельность программ, фондов и организаций ООН формирует правовую основу для имплементации законных интересов, формально совпадающих с экологическими интересами Российской Федерации, в законодательство стран Балтийского региона.

Судебная защита экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе может осуществляться в Международном суде ООН и Постоянной палате третейского суда. Планетарная проблема антропогенного загрязнения окружающей среды и необходимость защиты законных интересов стран, находящихся в пределах одного природного комплекса, актуализируют формирование специализированного Международного экологического суда [25—28]. В рамках региональной защиты экологических интересов Российской Федерации возможно его учреждение на межправительственном уровне странами Балтийского региона.

Результаты

Региональная система защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе реализуется на наднациональном и национальном уровнях. Пространственные пределы Балтийского региона для целей правовой защиты экологических интересов Российской Федерации ограничиваются на национальном уровне субъектами Российской Федерации, находящимися в пределах дренажной системы Балтийского моря; на наднациональном уровне — в пределах единого природного комплекса Балтийского моря.

Защищенность экологических интересов как интегративный результат функционирования соответствующей системы обеспечивается ресурсными возможностями элементов, коммуникационные связи между которыми образуют структуру модели системы защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе.

Структуру наднационального уровня системы защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе составляют такие элементы, как программы, фонды и специализированные учреждения ООН, международные организации (табл. 2).

Таблица 2

Функциональная характеристика наднационального уровня системы защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе

Элемент системы	Функциональная характеристика
ЭКОСОС, ИМО, МАРПОЛ, ХЕЛКОМ	Формируют правовую основу для имплементации законных интересов, формально совпадающих с экологическими интересами Российской Федерации в Балтийском регионе, в законодательство стран Балтийского региона
Международный суд ООН, Постоянная палата третейского суда	Могут использоваться для судебной защиты законных интересов Российской Федерации в Балтийском регионе, формально совпадающих с экологическими интересами стран Балтийского региона
Международный экологический суд	Может использоваться для судебной защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе в случае его учреждения

Структуру национального уровня составляют органы государственной власти федерального уровня.

Система правовой защиты экологических интересов Российской Федерации включает в себя три элемента: органы исполнительной власти Российской Федерации, наделенные компетенцией в сфере защиты экологических интересов на территории Российской Федерации; органы исполнительной власти Российской Федерации, наделенные компетенцией в сфере защиты экологических интересов в пределах юрисдикции Российской Федерации на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации; органы исполнительной власти Российской Федерации, наделенные компетенцией в сфере защиты экологических интересов в международных отношениях (табл. 3).

Таблица 3

Функциональная характеристика национального уровня системы защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе

Элемент системы	Функциональная характеристика
Органы исполнительной власти Российской Федерации, наделенные компетенцией в сфере защиты экологических интересов на территории Российской Федерации	Экологические интересы не могут быть реализованы в отдельных ее субъектах. Модель правовой защиты может использоваться лишь на всей территории Российской Федерации в связи со спецификой уголовного законодательства

Элемент системы	Функциональная характеристика
Органы исполнительной власти Российской Федерации, наделенные компетенцией в сфере защиты экологических интересов в пределах юрисдикции Российской Федерации на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации	Экологические интересы могут реализовываться лишь во взаимодействии со странами Балтийского региона в сфере расследования экологических преступлений
Органы исполнительной власти Российской Федерации, наделенные компетенцией в сфере защиты экологических интересов в международных отношениях	Заключение международных соглашений для защиты экологических интересов Российской Федерации в судах международной юрисдикции

Использование методов системного подхода позволило выделить функциональную модель региональной системы защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе.

Интерпретация результатов

Полученные результаты показали, что региональная модель защиты экологических интересов Российской Федерации отличается от модели охраны окружающей среды. Так, к субъектам правовой защиты экологических интересов не относятся регионы страны, несмотря на то, что именно они оказывают существенное влияние на состояние защищенности экологических интересов Российской Федерации.

К ограничениям исследования следует отнести особенность Балтийского региона, который образуют восемь стран Европейского союза и Российская Федерация.

Формирование структуры модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации представляет сложность по военно-политическим и организационным основаниям.

Так, 8 из 9 стран Балтийского региона интегрированы в Европейский союз и аффилированы с НАТО. Целями этого интеграционного образования и военной организации является экономическое и военное сдерживание Российской Федерации [29; 30]. Решение совместных задач по разрешению экологических проблем находится в зависимости от конкурентной экономической борьбы Европейского союза за рынки сбыта, военно-политической обстановки.

Опыт интеграции Российской Федерации в международную правовую систему показал возможность использования международной правовой системы для достижения целей экономического сдерживания Российской Федерации.

Включение Российской Федерации в международную правовую систему на данном этапе имеет неблагоприятные правовые последствия для Российской Федерации. В то же время цели НАТО по экономическому ослаблению Российской Федерации не соответствуют интересам стран Балтийского региона по увеличению возможностей экономики Российской Федерации для финансирования охраны окружающей среды Балтийского моря в целом и внедрения наилучших доступных технологий в частности.

Формирование международного экологического суда и участие Российской Федерации в соглашениях по разрешению споров в нем могут использо-

ваться для недобросовестной конкурентной борьбы на рынках, связанных с прокладкой коммуникаций для транспортировки углеводов в районах Мирового наследия.

Полученные научные результаты могут быть использованы для совершенствования коммуникационных связей между элементами защиты законных интересов Российской Федерации в Балтийском регионе для целей обеспечения экологической безопасности Российской Федерации.

В качестве направления дальнейшего исследования следует определить организационно-правовые основы учреждения Российской Федерацией международных организаций с целью правовой и информационной поддержки экологических интересов Российской Федерации в странах Балтийского региона.

Заключение

Расширение хозяйственной деятельности человека приводит к масштабному загрязнению морской среды, состояние которой имеет большое значение для экологической безопасности существования человека. Уровень развития международного права в современных условиях не позволяет обеспечивать правовую защиту экологических интересов отдельно взятой страны. Формирование региональных моделей и внедрение их в правоприменительную практику в конечном счете позволит достичь глобальных целей обеспечения экологической безопасности человечества.

Список литературы

1. Спиридонова Е. С., Викторов С. В. Некоторые особенности идентификации объектов накопленного экологического ущерба в береговой зоне восточной части Финского залива // Региональная экология. 2017. №2 (48). С. 71—76.
2. Егоров И. А. Прокуроры спасут лес: Юрий Чайка заявил о снижении экологических преступлений // Российская газета — Федеральный выпуск №7357 (191). URL: <https://rg.ru/2017/08/27/chislo-ekologicheskikh-prestuplenij-upalo-v-dva-raza.html> (дата обращения: 20.04.2018).
3. Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т. и др. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7—28.
4. Buletova N. Ye., Gorelova I. V., Golomanchuk A. V., Orlova Ye. R. New Interaction Paradigm of Ecological, Social and Economic Structures of Human Activity // Экономика региона. 2015. №2 (42). С. 59—71.
5. Харлампьева Н. К. Методология исследования международного сотрудничества по защите и охране морской среды: опыт региона Балтийского моря для северных морей // Балтийский регион. 2011. №1 (7). С. 15—23.
6. Иванова Н. Н. Интерес в праве как основополагающий элемент национальной правовой системы России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. №3 (84). С. 128—131.
7. Альхименко В. В., Салищева Н. Г., Гришковац А. А. Публичный интерес в административном праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. №4. С. 98—129.
8. Дудиков М. В. Публичные интересы в горном праве: понятие и признаки // Lex Russica. 2014. Т. 96, №8. С. 928—939.
9. Шепелев Д. В. Публичный интерес как правовая категория // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1, №2. С. 6—13.
10. Субочев В. В. Основные доктринальные положения научной школы профессора А. В. Малько // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. №4 (111). С. 25—28.

11. *Гиззатуллин Р. Х.* Экологическое право как средство обеспечения публичных интересов // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2017. Т. 27, № 4. С. 94—103.
12. *Велиева Д. С.* Охрана окружающей среды и экологическая безопасность: российские проблемы в условиях глобализации // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2006. № 10. С. 110—117.
13. *Воронцова Е. В., Воронцов А. Л.* Теоретические аспекты правового регулирования природоохранной деятельности: соотношение понятий «обеспечение экологической безопасности» и «охрана окружающей среды» // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1 (70). С. 198—208.
14. *Виноградов В. А., Солдатова Л. В., Тайбаков А. А.* Отдельные аспекты реализации конституционных прав на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 203—207.
15. *Ильин А. А., Опалева А. А.* Правовое конституирование охраны и защиты в системе обеспечения права на благоприятную окружающую среду // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 74—77.
16. *Ефремова А. Ю., Тихонова А. Н.* Охрана окружающей среды человека — объект права // Научные исследования: от теории к практике. 2015. Т. 2, № 2 (3). С. 436—437.
17. *Быковский В. К.* Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 2 (7). С. 90—99.
18. *Louka E.* International Environmental Law: Fairness, Effectiveness, and World Order. Cambridge University Press, 2006.
19. *Забавко Р. А.* Понятие и система преступлений против компонентов окружающей природной среды и установленных правил их использования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 63—68.
20. *Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б.* Тенденции и перспективы совершенствования государственной политики в области экологического развития // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 162—173.
21. *Кондратьев С. А.* Основные положения концепции снижения негативного антропогенного воздействия на Финский залив и научная обоснованность плана действий ХЕЛКОМ по Балтийскому морю в отношении России // Региональная экология. 2010. № 4 (30). С. 44—50.
22. *Нечипорук Д. М., Ноженко М. В.* Проблемы охраны Балтийского моря в регионах Российской Федерации: пример Калининградской области // Балтийский регион. 2010. № 2 (4). С. 122—130.
23. *Курочкина И. П., Маматова Л. А., Миронова О. А., Шувалова Е. Б.* Экологическая безопасность: экономический механизм ее обеспечения // Инновационное развитие экономики. 2017. № 3 (39). С. 251—258.
24. *Lebreton L., Slat B., Ferrari F. et al.* Evidence that the Great Pacific Garbage Patch is rapidly accumulating plastic // Scientific Reports. 2018. Vol. 8, № 4666. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-018-22939-w#Abs1> (дата обращения: 20.04.2018).
25. *Гусейнов Т. И.* Современные тенденции развития институционального механизма разрешения межгосударственных споров в сфере обеспечения экологической безопасности // Российское право онлайн. 2017. № 4. С. 5—16.
26. *Bruce S.* An international court for the environment? // Climate 2020. URL: <http://www.climate2020.org.uk/international-court-environment> (дата обращения: 20.04.2018).
27. *Ezeizabarrena X.* Protection of Environmental Rights: International Court of Environmental Arbitration and Conciliation // Outreach 2015. URL: <http://earthsummit2002.org/es/preparations/global/Outreach%20Issue%20VIII.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).
28. *Pring G., Pring C.* Environmental Courts & Tribunals: A Guide for Policy Makers. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/10001/environmental-courts-tribunals.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 20.04.2018).
29. *Грибанова Г. И., Косов Ю. В.* Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 56—72.
30. *Ерохов В. А.* Геополитические интересы стран ЕС и США как угроза национальной безопасности РФ // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 427—432.

Об авторах

Татьяна Станиславовна Волчецкая, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: larty777@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9870-680X

Елена Николаевна Холопова, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: elchol@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9077-1348

Алексей Григорьевич Григорьев, кандидат юридических наук, специалист ООО «Центр экспертизы и правовой защиты», Россия.

E-mail: g585ag@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7721-4029

Для цитирования:

Волчецкая Т. С., Холопова Е. Н., Григорьев А. Г. Функциональная характеристика модели правовой защиты экологических интересов Российской Федерации в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 39—59. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-3.

A FUNCTIONAL DESCRIPTION OF THE MODEL FOR THE PROTECTION OF THE ENVIRONMENTAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE BALTIC SEA REGION

T. S. Volchetskaya¹

E. N. Cholopova¹

A. G. Grigoriev²

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University*

14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

² *ООО «Centre of Expertise and Legal Protection»,*

2 Marshal Vasilevsky Sq., Kaliningrad, Russia, 236016

Submitted on May 15, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-3

This article identifies the objective conditions of the conflict between the interests of development and those of environmental security. The latter are given added urgency when, within the same ecological unit, one country needs to develop and another to protect its environmental interests. The borders of the countries and regions, the economies of which affect the safety of Russia's interests in the Baltic, do not coincide with the boundaries of the eco-

systems. This calls for a study of the legal protection of Russia's environmental interests in the Baltic Sea region. There is no legal mechanism for ensuring a balance between the interests of development and those of environmental security of the countries that have shorelines along the Baltic Sea. Thus, it is necessary to give a functional description of the regional model for the legal protection of the environmental interests of the Russian Federation in the Baltic region. To this end, we identify the juridical content of the environmental interests of the Russian Federation. We consider the possibilities of the legal protection of the environmental interests in the national and international jurisdiction. The interests are divided into two groups respectively. We reveal the essence of the environmental interests of the Russian Federation in the Baltic Sea region. We analyse the case of the Russian regions located within the Baltic Sea catchment area to test an approach to identifying the region's boundaries. This approach may be used in modelling the regional level of the legal protection of Russia's environmental interests in the Baltic region. We identify the environmental interests of the Russian Federation in the Baltic Sea region, as well as the forms of legal protection of the country's interests in this territory. We describe the elements of the system of the legal protection of Russia's interests in the Baltic region and examine the functions of these elements.

The result of this study is a functional description of the model of legal protection of the environmental interests of the Russian Federation in the Baltic region. This model may be used to strengthen the links between the elements of the protection of the legitimate interests of the Russian Federation in the Baltic region.

Keywords: international law, public interests, environmental interests, regional model, Baltic Sea region

References

1. Spiridonova, E. S., Viktorov, S. V. 2017, Some features of the identification of objects of accumulated environmental damage in the coastal zone of the eastern part of the Gulf of Finland, *Regionalnaya ekologiya* [Regional ecology], no. 2 (48), p. 71—76 (in Russ.).
2. Egorov, I. A. 2017, Prosecutors save the forest: Yuri Chaika announced the reduction of environmental crimes, *Rossiyskaya gazeta*, no. 7357 (191), available at: <https://rg.ru/2017/08/27/chislo-ekologicheskikh-prestuplenij-upalo-v-dva-raza.html> (accessed 20.04.2018) (in Russ.).
3. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 4—20. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.
4. Buletova, N. Ye., Gorelova, I. V., Golomanchuk, A. V., Orlova, Ye. R. 2015, New interaction paradigm of ecological, social and economic structures of human activity, *Ekonomika regiona* [Economy of the region], no. 2 (42), p. 59—71. doi: 10.17059/2015-2-5 (in Russ.).
5. Kharlampyeva, N. 2011, A methodology for research on international cooperation on marine environment protection: application of the Baltic Sea practices to the northern seas, *Balt. Reg.*, no 1 (7), p. 12—19. doi: 10.5922/2079-8555-2011-1-2.
6. Ivanova, N. N. 2008, Interest in law as a fundamental element of the national legal system of Russia, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], no. 3 (84), p. 128—131 (in Russ.).
7. Alkhimenko, V. V., Salishcheva, N. G., Grishkovets, A. A. 2011, Public interest in administrative law, *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], no. 4, p. 98—129 (in Russ.).
8. Dudikov, M. V. 2014, Public Interests in Mining Law: Concept and Signs, *Lex Russica*, Vol. XCVI, no. 8, p. 928—939 (in Russ.).
9. Shepelev, D. V. 2017, Public interest as a legal category, *Aktualnyye problemy gosudarstva i prava* [Actual problems of the state and law], Vol. 1, no. 2, p. 6—13 (in Russ.).
10. Subochev, V. V. 2016, The main doctrinal provisions of the scientific school of Professor A. V. Malko, *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], no. 4 (111), p. 25—28 (in Russ.).

11. Gizatullin, R. Kh. 2017, Ecological Law as a Means of Providing Public Public Interests, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. A series of economics and law], Vol. 27, no. 4, p. 94—103 (in Russ.).
12. Velieva, D.S. 2006, Environmental protection and environmental safety: Russian problems in the context of globalization, *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [Bulletin of the Volga Academy of Civil Service], no. 10, p. 110—117. (in Russ.).
13. Vorontsova, E. V., Vorontsov, A. L. 2017, Theoretical aspects of the legal regulation of nature protection activities: the relation between the concepts "ensuring environmental safety" and "environmental protection", *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Southwestern State University], no. 1 (70), p.198—208. doi: 10.21869/2223-1560-2017-21-1-198-208 (in Russ.).
14. Vinogradov, V. A., Soldatova, L. V., Taybakov, A. A. 2017, Some aspects of the realization of constitutional rights to protect health and a favorable environment, *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], no. 4 (62), p. 203—207 (in Russ.).
15. Ilyin, A. A., Opaleva, A. A. 2016, Legal formation of protection and protection in the system of ensuring the right to a favorable environment, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 3, p. 74—77 (in Russ.).
16. Efremov, A. Yu., Tikhonova, A. 2015, The protection of the human environment — the object of law, *Nauchnyye issledovaniya: ot teorii k praktike* [Scientific research: from theory to practice], Vol. 2, no. 2 (3), p. 436—437 (in Russ.).
17. Bykovsky, V.K. 2016, Ecological safety in the national security system of the Russian Federation, *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo yevraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International cooperation of Eurasian states: politics, economy, law], no. 2 (7), p. 90—99 (in Russ.).
18. Louka, E. 2006, *International Environmental Law: Fairness, Effectiveness, and World Order*, Cambridge University Press, 518 p.
19. Zabavko, R.A. 2015, The concept and system of crimes against components of the environment and established rules for their use, *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Jurisprudence and law enforcement practice], no. 3 (33), p. 63—68 (in Russ.).
20. Zhavoronkova, N.G., Agafonov, V.B. 2017, Trends and prospects for improving the state policy in the field of environmental development, *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], no. 7 (80), p. 162—173 (in Russ.).
21. Kondratiev, S.A. 2010, The main provisions of the concept of reducing the negative anthropogenic impact on the Finnish Gulf and the scientific justification of the HELCOM Baltic Sea Action Plan for Russia, *Regional'naya ekologiya* [Regional ecology], no. 4 (30), p. 44—50 (in Russ.).
22. Nechiporuk, D., Nozhenko, M. 2010, The problems of the protection of the Baltic Sea in the regions of the Russian Federation: the example of the Kaliningrad region, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 108—115. doi: 10.5922/2079-8555-2010-2-11.
23. Kurochkina, I. P., Mamatova, L. A., Mironova, O. A., Shuvalova, E. B. 2017, Environmental security: the economic mechanism for its maintenance, *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki* [Innovative development of the economy], no. 3 (39), p. 251—258 (in Russ.).
24. Lebreton, L., Slat, B., Ferrari, F., Sainte-Rose, B., Aitken, J., Marthouse, R., Hajbane, S., Cunsolo, S., Schwarz, A., Levivier, A., Noble, K., Debeljak, P., Maral, H., Schoeneich-Argent, R., Brambini, R. & Reisser, J. 2018, *Evidence that the Great Pacific Garbage Patch is rapidly accumulating plastic*, Scientific Reports, Vol. 8, no. 4666, available at: URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-018-22939-w#Abs1> (accessed 20.04.2018).
25. Guseinov, T.I. 2017, Current trends in the development of the institutional mechanism for resolving interstate disputes in the sphere of ensuring environmental security, *Rossiyskoye pravo* [Russian law], no. 4, p. 5—16. doi: 10.17803/2542-2472.2017.4.4.005-016 (in Russ.).
26. Bruce, S. 2016, An international court for the environment? *Climate 2020*, available at: URL: <http://www.climate2020.org.uk/international-court-environment> (accessed 20.04.2018).
27. Ezeirzabarrena, X. 2015, Protection of environmental rights: International Court of Environmental Arbitration and Conciliation, *Outresach*, available at: <http://earthsummit2002.org/es/preparations/global/Outreach%20Issue%20VIII.pdf> (accessed 20.04.2018).

28. Pring, G. 2016, *Environmental Courts & Tribunals: A Guide for Policy Makers*, *UNEP*, available at: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/10001/environmental-courts-tribunals.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 20.04.2018).

29. Gribanova, G. I., Kosov, Yu. V. 2018, NATO Policies in the Baltics: Objectives and Priorities, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 56—72. doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-4.

30. Erokhov, V. A. 2016, The geopolitical interests of the EC countries and the US as a threat to the national security of the Russian Federation, *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economic and management], Vol. 5, no. 4 (17), p. 427—432 (In Russ.).

The authors

Prof. Tatiana S. Volchetskaya, Institute of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: larty777@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9870-680X

Prof. Elena N. Cholopova, Institute of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: elchol@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9077-1348

Dr Aleksey G. Grigoriev, Centre of Expertise and Legal Protection, Russia.

E-mail: g585ag@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7721-4029

To cite this article:

Volchetskaya, T. S., Cholopova, E. N., Grigoriev, A. G. 2018, A functional description of the model for the protection of the environmental interests of the Russian Federation in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 39—59. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-3.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА РЕЛИГИОЗНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ БАЛТИИ

В. Ю. Сморгунова¹

А. А. Дорская¹

Т. В. Толстухина²

Проводится сравнительный анализ правовых режимов имущества религиозного назначения в России и странах Балтии, установившихся после распада СССР. Показано огромное значение данной проблемы в процессе выстраивания новых отношений государств с религиозными организациями, заключения ими соглашений, в развитии идей межконфессионального мира и межгосударственных отношений. Целью исследования является выявление общих и отличительных черт правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в имущественной сфере, их экономической составляющей. Работа построена на анализе нормативно-правовых документов Российской Федерации, Латвии, Литвы и Эстонии, закрепляющих передачу (возврат) имущества религиозного назначения религиозным организациям, которое было незаконно изъято в России в первые годы Советской власти или в период присоединения Прибалтийских республик к СССР, сравнении реституции, проведенной в странах Балтии, с российским умеренным подходом передачи религиозных объектов религиозным организациям. Сделаны выводы о значении международного фактора в решении конфессионально-имущественных вопросов, о не вполне обоснованной экономической выгоде такой передачи, сопровождающейся массой дополнительных расходов для государств, причинах невозможности передачи (возврата) всего имущества религиозных организаций, изъятого в советский период.

Ключевые слова: имущество религиозного назначения, государство, религиозная организация, государственный бюджет

Введение

Практически все современные государства, ранее являвшиеся республиками Советского Союза, последнюю четверть века имеют проблемы, связанные с имуществом религиозных организаций, которое было изъято после установления Советской власти.

Уже в последние годы существования СССР, не дожидаясь постановлений из центра, местные власти стали отдавать церковную недвижимость. Поворотным стал 1988 год, когда неожиданно торже-

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.

² Тульский государственный университет, 300012, Россия, Тула, просп. Ленина, 92.

Поступила в редакцию 12.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-4

© Сморгунова В. Ю., Дорская А. А., Толстухина Т. В., 2018

ственно было отмечено тысячелетие Крещения Руси. Во многом это было связано с тем, что судьба имущества религиозных организаций была печальной. Так, только на территории РСФСР к 1989 году не использовались по назначению 9574 культовых объекта, из них пустовали и постепенно приходили в негодность — 3984, были переоборудованы для разнообразных хозяйственных целей — 3656, были перепланированы под социально-культурные мероприятия — 1934 [1].

Местные власти, восприняв празднование 1000-летнего юбилея Крещения Руси как поворотное событие во взаимоотношениях государства и Церкви, начали процесс передачи имущества религиозного назначения. Позже было подсчитано, что за десять лет (1988 — осень 1998) религиозным организациям в пользование было передано более 4000 объектов недвижимого имущества, более 15 000 музейных предметов [2, с. 55].

Фактическое положение дел должно было быть подкреплено нормативно-правовой базой. В 1990 году началась разработка закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях»¹. Позиция Русской православной церкви была определена на Поместном соборе 1990 года. В Заявлении по поводу проекта закона было сформулировано, что «Поместный собор просит законодательно передать в собственность Церкви в лице религиозных обществ и других церковных учреждений используемое ими недвижимое имущество» (цит. по: [3, с. 71]).

В главе II принятого в 1990 году закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» была закреплена классификация религиозных организаций, признаваемых в Советском Союзе.

Согласно статье 7 религиозными организациями в СССР признавались, во-первых, религиозные общества, образуемые гражданами для совместного исповедания веры и удовлетворения иных религиозных потребностей на добровольных началах, о которых необязательно было уведомлять государственные органы, во-вторых, управления и центры, действовавшие на основании своих уставов (положений), не противоречивших действующему на тот момент законодательству, в-третьих, монастыри, религиозные братства, миссионерские общества (миссии), духовные учебные заведения, а также объединения, состоящие из религиозных организаций, которые представлялись своими центрами (управлениями).

Огромное значение имела статья 13 данного Закона: «Религиозные организации признаются юридическими лицами с момента регистрации их устава (положения).

Религиозные организации как юридические лица пользуются правами и несут обязанности в соответствии с законодательством и своими уставами (положениями)». Таким образом, была упразднена норма, просуществовавшая 72 года, согласно которой религиозные организации были лишены прав юридических лиц.

Двадцать пятого октября 1990 года, то есть фактически сразу после союзного, был принят закон РСФСР «О свободе вероисповеданий»², статья 18 которого также была посвящена правам юридического лица религиозной организации: «Религиозное объединение совершеннолетних граждан, в состав кото-

¹ *О свободе совести и религиозных организациях* : закон СССР от 1 октября 1990 г. №1689-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. №41. Ст. 813.

² *О свободе вероисповеданий* : закон РСФСР от 25 октября 1990 г. №267-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. №21. Ст. 240.

рого входит не менее 10 человек, пользуется правами юридического лица с момента регистрации его устава (положения) в порядке, предусмотренном ст. 20 настоящего Закона.

Религиозное объединение, пользующееся правами юридического лица, может учреждать другие религиозные объединения с правами юридического лица».

Сравнительный анализ союзного и российского законов показывает, что каждый из них имел свои плюсы и минусы, но в целом их содержание свидетельствовало о том, что начался новый этап во взаимоотношениях государства и Церкви.

Сразу встал вопрос о передаче имущества религиозного назначения религиозным организациям. В статье 9 союзного Закона, регламентировавшей имущественное положение религиозных организаций, справедливо проводилась грань между пожертвованиями и иными доходами религиозных организаций, которые не подлежали налогообложению, и доходами предприятий, создаваемых религиозными организациями, а поэтому облагаемых налогами как предприятия общественных организаций.

Так, 29 декабря 1990 года было издано постановление Совета Министров СССР № 1372 «О порядке передачи религиозным организациям в собственность культовых зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства». В нем был закреплен безвозмездный принцип передачи имущества конфессиям: «1. Установить, что передача религиозным организациям в собственность культовых (молитвенных) зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства, производится безвозмездно, применительно к порядку передачи его общественным организациям, установленному Постановлением Совета Министров СССР от 16 октября 1979 года № 940 "О порядке передачи предприятий, объединений, организаций, учреждений, зданий и сооружений"»³.

Таким образом, к моменту распада Советского Союза на нормативно-правовом уровне была подготовлена почва для передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, которое было незаконно изъято в годы Советской власти.

Далее каждое новое государство стало по-своему решать данный вопрос. Интерес представляет опыт стран Балтии и Российской Федерации, так как изначально их подходы к возвращению имущества религиозным организациям существенно различались. Однако постепенно они столкнулись с некоторыми общими проблемами, которые требуют разрешения.

Методология

Проблема правового регулирования имущественных отношений религиозных организаций вызывает теоретический и практический интерес в разных странах в связи с самыми разнообразными сюжетами. Так, на современном этапе активно изучается вопрос об использовании в США земель для религиозных целей согласно закону RLUIPA — Religious Land Use and Institutionalized Persons Act of 2000 [4—6]. Также предметом научных исследований стало

³ О порядке передачи религиозным организациям в собственность культовых зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства : постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1990 г. № 1372. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

регулирование деятельности мусульманских эндаумент-фондов, то есть целевых фондов, созданных для некоммерческих целей, в Англии и Уэльсе [7]. Соотношение библейского учения о земле рассматривается на примере реституции в Южной Африке, которой противостоят землевладельцы, державы, ранее имевшие колонии, и крупные корпорации [8]. Открытие сокровищ в храме Падманабхасвами в Тривандруме (штат Керала) в 2011 году вызвало продолжительную дискуссию о владении храмовыми активами, а также судебные разбирательства, которые в конечном итоге дошли до Верховного суда Индии [9]. Исследуются вопросы земельной собственности греческого православного патриархата в Иерусалиме [10], проблемы судебных процессов, на которых рассматриваются вопросы религиозной собственности [11] и т. д.

Несмотря на то что вопросы правового регулирования имущественных отношений религиозных организаций в странах Балтии получили свое законодательное решение еще в 1990-е годы, нельзя сказать, что данная тема нашла широкое освещение в научной литературе. Исключением являются работы Кристофера Хилла [12], Микко Кетолы [13], Робертаса Пукениса [14], Миранды Запор Круз [15].

В России вопросы правового режима имущества религиозного назначения на современном этапе изучаются все более активно. В целом можно констатировать формирование нового научного направления. Вопросы истории правового регулирования имущественных отношений религиозных организаций в России, экономической составляющей их деятельности освещаются и канонистами, и историками, и юристами.

Рассмотрим методологические особенности изучения проблем правового регулирования имущественных отношений религиозных организаций.

В данном вопросе нельзя ограничиваться только позитивным правом, так как каждая конфессия имеет свою собственную нормативную систему: каноническое право, церковное право, религиозное право и т. п. Необходимо сочетание публично-правового и частноправового элементов. Конституционно-правовые и гражданско-правовые подходы могут рассматриваться только в комплексе.

Государственные структуры и религиозные организации стран, ранее входивших в Российскую империю, а затем в Советский Союз, должны смириться с тем, что практически во все эпохи существовали достаточно приблизительные представления об объеме имущества религиозного назначения.

Исследование вопросов, связанных с имущественными правами религиозных организаций, затруднено тем, что, несмотря на широкое применение данного понятия, законодательно его юридическое содержание не охарактеризовано. Если с вещными правами ситуация более-менее понятна, то обязательственные имущественные права религиозных организаций, их наследственные, смешанные права пока остаются недостаточно определенными.

В связи с тем что на религиозных организациях всегда лежит такая важная функция, как социальное служение, в вопросах передачи имущества религиозного назначения должен преобладать индивидуальный подход в каждой конкретной ситуации. Если в незаконно экспроприированном здании находится больница, образовательное или социальной учреждение, религиозная организация может не требовать его возвращения в общественных интересах.

Гражданско-правовые вопросы деятельности религиозных организаций требуют такого же такта и беспристрастия, как и остальные вопросы взаимодействия государства, религиозных организаций, общества и конкретной личности. Они не должны затрагивать чувства как верующих, так и атеистов. Передача имущества религиозного назначения религиозным организациям имеет смысл, только если способствует духовному обновлению общества.

Результаты

Большинство бывших республик Советского Союза не спешили решать вопрос об имуществе религиозного назначения и о правовом регулировании свободы совести [16], однако страны Балтии пошли по другому пути.

Закон Латвийской Республики «О возврате собственности религиозным организациям»⁴ был принят 12 мая 1992 года и содержал следующие положения.

Согласно ст. 1 были признаны утратившими силу все принятые с 21 июля 1940 года и до 13 октября 1990 года нормативно-правовые документы об отчуждении собственности религиозных организаций. Исключением стали только земли, предоставленные физическим лицам в постоянное пользование, а также объекты, возмездно перешедшие в собственность добросовестных приобретателей (физических лиц) на основании нотариально удостоверенного договора.

В ст. 3 было закреплено, что при невозможности возврата объекта собственности религиозной организации его стоимость компенсируется. Исключением стали объекты, утраченные в годы Второй мировой войны или перешедшие в собственность юридических и физических лиц.

Право на возвращение собственности получили только религиозные организации, зарегистрированные в Департаменте церкви и конфессий Министерства внутренних дел Латвийской Республики и восстановившие права юридического лица, или преемники религиозных организаций, действовавших до 1940 года (ст. 6).

Право на подачу заявок на возвращение религиозной собственности давалось на 1,5 года с момента вступления закона в силу. Если бывший собственник культового здания или его преемник не подали заявку, здание переходило государству, но с сохранением статуса культового.

Однако данный закон не разрешил многих проблем, которые возникали и возникают до сих пор. Например, в 2009—2012 годах остро был поставлен вопрос о компенсации за собственность, которой до Второй мировой войны владели еврейские семьи и организации в Латвии. Закон Латвийской Республики не предполагал такой компенсации, так как большинство религиозных объектов иудеев было либо целенаправленно уничтожено нацистами, либо разрушено в период военных действий, а многие лица, владевшие имуществом, и их наследники убиты. Несмотря на это еврейская община Латвии начала переговоры с правительством о денежной компенсации за оба вида имущества, собираясь потратить ее на оказание помощи тем, кто пережил Холокост [17, с. 114].

В 2015 году начался новый виток этой проблемы, поскольку еврейская община в Латвии заявила свои права на 270 зданий. В 2016 году латвийский Сейм принял закон о возвращении пяти зданий, однако это только начало сложного процесса. Столкновение мнений происходит не только среди парламентариев, но и внутри еврейской общины⁵.

Серьезную дискуссию вызвали и поправки в латвийский закон о возврате собственности религиозным организациям, которые были приняты в сентябре 2009 года. Недовольство глав религиозных организаций вызвало то, что в Латвии было ликвидировано Управление по делам религии, одной из функций

⁴ *О возврате собственности религиозным организациям*: закон Латвийской Республики от 12 мая 1992 г. URL: [file:///C:/Users/%D0%A1%D0%B0%D1%88%D0%B0/Downloads/Latvia_Law_On_Religious_Organisations_1995_am2002_ru%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/%D0%A1%D0%B0%D1%88%D0%B0/Downloads/Latvia_Law_On_Religious_Organisations_1995_am2002_ru%20(1).pdf) (дата обращения: 20.04.2018).

⁵ *Кириллова Е.* Возврат еврейской собственности: Латвия отдаст 270 зданий // Sputnik Latvia. URL: <https://ru.sputniknews.lv/Latvia/20160419/1365146.html> (дата обращения: 11.03.2018).

которого была выдача справок о непрерывности работы общин, приходов и религиозных организаций, а взамен аналогичной структуры создано не было. В результате было решено, что эту информацию смогут выдавать действующий в Латвии Регистр предприятий, а также Министерство юстиции⁶.

Вопросы об имуществе религиозного назначения имеют международно-правовой характер и в связи с заключением договоров государства с религиозными центрами. Так, 8 ноября 2000 года Латвийская Республика подписала Соглашение со Святым престолом, в ст. 10 которого Латвийское государство гарантировало католической церкви восстановление незаконно отчужденного имущества на основании согласия компетентных органов государственной власти и Конференции католических епископов Латвии⁷.

Несмотря на то что исторически в Латвии всегда преобладали лютеране (на современном этапе их число составляет 55 %, католиков — 24 %, православных — 9%⁸), согласно ст. 22 Соглашения от 8 ноября 2000 года культурное и художественное наследие католической церкви рассматривается как важная часть национального достояния Латвийской Республики, государство и католическая церковь делят расходы на охрану католического культурного и художественного наследия.

Анализируя данное Соглашение, Р.В. Тупикин отнес Латвию к странам, где проявляется наибольшая активность Римско-католической церкви [18].

Литовская Республика 21 марта 1995 года приняла закон «О порядке восстановления права религиозных общин на сохранившееся недвижимое имущество». Его положения базировались на следующих принципах:

1) точкой отсчета стало 21 июля 1940 года, то есть право на возврат недвижимого имущества получили только те религиозные общины, которые действовали до указанной даты;

2) возврат имущества не коснулся земли, внутренних вод, лесов и парков, а также имущества, являющегося исключительной собственностью государства на основании ст. 47 Конституции Литовской Республики⁹;

3) право на возврат недвижимого имущества распространяется на религиозные общины, которые признаны правопреемниками религиозных общин до 1940 года;

4) право собственности на недвижимое имущество может быть восстановлено двумя способами: путем возврата недвижимого имущества либо путем выкупа государством (безвозмездная передача в собственность общины такого же вида имущества или такой же стоимости, выплата денежной компенсации, оказание помощи в проведении ремонта, аренда земельного участка в порядке проведения аукциона)¹⁰.

По оценке П. А. Шашкина, предпринятые в Литве меры не были слишком радикальными, была осуществлена выборочная реституция церковного имущества, в том числе Русской православной церкви [19]. В 2008 году, давая ха-

⁶ Президент Латвии утвердит спорные поправки к закону «О возврате собственности религиозным организациям» // Каталог христианских церквей. URL: <https://cerkvi.com/news/30522> (дата обращения: 12.03.2018).

⁷ Par Latvijas Republikas un Svētā Krēsla līgumu // Latvijas republikas tiesību akti. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=66742> (дата обращения: 19.04.2018).

⁸ Страны мира. Латвия. URL: <http://www.straniymira.ru/latvia.html> (дата обращения: 18.04.2018).

⁹ Конституция Литвы // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=178> (дата обращения: 19.04.2018).

¹⁰ О порядке восстановления права религиозных общин на сохранившееся недвижимое имущество : закон Литовской Республики от 21 марта 1995 г. // Ведомости Литовской Республики. 1995. 20 апр. № 11.

рактическую характеристику государственно-конфессиональным отношениям в Литве, представители Московского патриархата констатировали, что храмовые здания и в целом объекты церковной недвижимости возвращены на 95% [20].

Об успешности литовского подхода можно судить по отзывам старообрядцев, проживающих на территории Литовской Республики. В частности, в работе Г.В. Поташенко указывается, что представители старообрядческих общин приобрели автономию, вернули свое имущество, ежегодно получают от Правительства определенную финансовую помощь [21].

Как и Латвия, Литва заключила договор со Святым престолом — Соглашение от 5 мая 2000 года о сотрудничестве в области образования и культуры¹¹.

Несмотря на то что доля католического населения в Литве всегда была выше, чем в Латвии, данное Соглашение отличает очень взвешенный подход, соответствующий интересам как государства, так и Церкви. В частности, в ст. 2 закреплено, что архивы Римско-католической церкви, экспроприированные в период между 15 июня 1940 года и 11 марта 1990 года и хранящиеся в Государственном архиве, остаются на месте, а уполномоченные Церкви получают на безвозмездной основе право на свободный доступ к исследованию и публикации материалов из этих архивов.

В Соглашении подчеркнуто, что приобретение, управление, использование и распоряжение имуществом религиозного назначения церковные юридические лица осуществляют в соответствии с каноническим правом и законодательством Литовской Республики (ст. 10 п. 1).

В Эстонии Закон о церквях и приходах был принят Государственным собранием 20 мая 1993 года. Однако очень скоро последовали драматические события, которые имеют отклик до сих пор. В 1996 году часть приходов Эстонской православной церкви перешла под юрисдикцию Константинопольского патриархата, зарегистрировавшись в качестве преемников церковной структуры Православной церкви, существовавшей до Второй мировой войны. Приходы, оставшиеся при Московском патриархате, согласились с таким положением дел, но добивались признания такого же статуса. Однако этого не произошло.

Двенадцатого февраля 2002 года был принят новый закон Эстонской Республики «О церквях и религиозных общинах»¹². Основные нововведения коснулись следующих вопросов: 1) деятельность религиозных объединений была переведена из компетенции исполнительной власти в компетенцию судебной власти; 2) законодательно были определены понятия «Церковь», «монастырь», «община», «приход»; 3) фактически Эстонская православная церковь Московского патриархата лишилась права предъявлять свои права на возврат собственности религиозного назначения. Ситуация не была разрешена и в более поздний период. На Архиерейском соборе 4 февраля 2011 года было принято определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской православной церкви», в п. 10 которого было выражено сожаление о том, что имущественное неравноправие многих общин Эстонской православной церкви Московского патриархата по сравнению с общинами, находящимися в юрисдикции Константинопольской церкви, продолжается.

¹¹ Lietuvos Respublikos ir Šventojo Sosto sutartis dėl bendradarbiavimo švietimo ir kultūros srityje // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.106813> (дата обращения: 19.04.2018).

¹² О церквях и религиозных общинах : закон Эстонской Республики от 12.02.2002 г. (в ред. от 05.12.2012 г.) // Riigi Teataja. URL: file:///C:/Users/%D0%97%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%83%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%B9/Downloads/Kirikute_ja_koguduste_seadus.pdf (дата обращения: 21.04.2018).

Нормативно-правовое регулирование передачи имущества религиозного назначения религиозным организациям в России представляет собой долгий процесс постепенной выработки позиций, устраивающих и государство, и общество, и конфессии.

Поворотным пунктом стало принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 8 в России были признаны частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. №6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. №7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. №2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. №11-ФКЗ)¹³, в том числе религиозная собственность. В 1994 году принята Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно ст. 50 религиозные организации в классификации юридических лиц были отнесены к некоммерческим организациям¹⁴. При этом постоянно издавались подзаконные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы собственности религиозных организаций: распоряжение президента Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. №281-рп «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества», постановление Правительства Российской Федерации от 14 марта 1995 г. №248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения», указ президента Российской Федерации от 14 марта 1996 г. №378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» и т. д.

Двадцать шестого сентября 1997 года был принят федеральный закон Российской Федерации №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в ст. 21 которого было несколько важных положений относительно имущества религиозного назначения: 1) объектами религиозного имущества были признаны здания, земельные участки, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительского и иного назначения, предметы религиозного назначения, денежные средства и иное имущество, в том числе памятники истории и культуры; 2) право собственности религиозных организаций было распространено на имущество, приобретенное или созданное ими за счет собственных средств, пожертвованное гражданами, организациями или переданное религиозным организациям в собственность государством либо приобретенное иными способами, не противоречащими закону; 3) передача религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности, осуществляется безвозмездно¹⁵.

Только 30 ноября 2010 года президент Российской Федерации подписал федеральный закон Российской Федерации №327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»¹⁶, который вступил в силу

¹³ *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2018).

¹⁴ *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.04.2018).

¹⁵ *О свободе совести и о религиозных объединениях*: федер. закон Рос. Федерации от 26 сентября 1997 г. №125-ФЗ (в ред. от 05.02.2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ *О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности*: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2010 г. №327-ФЗ (в ред. от 23.06.2014 г.) // *Российская газета*. 2010. 3 дек. №274.

14 декабря того же года. При небольшом объеме (всего 12 статей) Закон содержит целый ряд новелл: 1) был четко определен перечень имущества религиозного назначения с той особенностью, что к нему было отнесено и имущество нерелигиозного характера, обеспечивающее религиозную деятельность; 2) была предусмотрена передача только в безвозмездное пользование, а не в собственность имущества, не подлежащего отчуждению из государственной или муниципальной собственности, которое является помещением, находящимся в здании, строении, не относящихся к имуществу религиозного назначения.

Кроме нормативно-правового регулирования на федеральном уровне активное нормотворчество шло в субъектах Российской Федерации. По подсчетам В. В. Багана, субъектами было принято 116 нормативно-правовых и административно-распорядительных актов, посвященных регулированию имущественных отношений государства и религиозных организаций [22].

Религиозная ситуация в каждом субъекте существенно отличается. Например, закон Калининградской области от 28 октября 2010 г. №502 «О безвозмездной передаче в собственность централизованной религиозной организации "Калининградская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)"» предусматривал передачу 15 объектов, среди которых многие в силу исторических причин ранее принадлежали протестантским общинам [23, с. 44].

Передача имущества религиозного назначения в Российской Федерации и странах Балтии, безусловно, имела и имеет экономическую составляющую.

Во-первых, ставшая классической идея Макса Вебера о роли религиозного фактора в развитии экономики с точки зрения мировоззренческих установок продолжает развиваться и находит подтверждение в современных исследованиях [24].

Во-вторых, все бывшие республики Советского Союза, став независимыми государствами, конституционно остались светскими государствами. А поэтому государственные органы заинтересованы в том, чтобы религиозные организации осуществляли свою деятельность на принципах самофинансирования и самообеспеченности. Так, канадский философ Ч. Тейлор обращает внимание на то, что светскость является комплексным требованием, которое направлено на достижение не одного, а многих благ. Ученый выделяет три цели, которые он формулирует в категориях триады Французской революции: свобода (религиозная свобода: никто не может быть принужден к религии или убеждениям, а также свобода не верить), равенство (равенство между людьми разных конфессий или основных убеждений, никакое религиозное или нерелигиозное мировоззрение не может иметь особый статус), братство (должны быть услышаны все духовные семьи, включенные в непрерывный процесс определения того, чем является общество (его политическая идентичность) и как оно реализует достижение целей (точный режим прав и привилегий)) [25].

Однако на примере Российской Федерации видно, что пока попытки перевести религиозные организации на самофинансирование к ожидаемому результату не приводят. В 2012—2015 годах Русская православная церковь получила от государства 14 млрд рублей. В бюджете на 2016 год было заложено 2,6 млрд¹⁷. Во многом такой размер сумм определяется тем, что большое количество объектов религиозного назначения является культурным наследием [26], поэтому у собственников возникают особые обязательства по их сохранению, обеспечению к ним доступа и т. д. Государство в данном случае субсидирует поддержание объектов культуры в надлежащем состоянии.

¹⁷ Рейтер С., Напалкова А., Голунов И. Сколько зарабатывает РПЦ. Главные результаты расследования РБК о бизнесе Русской православной церкви // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/02/24/skolko-zarabatyvaet-rpts> (дата обращения: 05.04.2018).

В-третьих, ряд конфессий, благодаря возвращению имущества религиозного назначения, превратились в крупнейших собственников. Так, на современном этапе стоимости активов Русской православной церкви считаются сопоставимыми с активами РЖД и Газпрома.

В-четвертых, в России и других странах бывшего Советского Союза зарегистрированные религиозные организации пользуются огромным количеством налоговых льгот.

В-пятых, перевод объектов культурного наследия из категории музейного в имущество религиозного назначения может привести к тому, что на содержание музеев, деятельность которых не только самоокупается, но и приносит государственному или городским бюджетам значительный доход, перешедших в разряд религиозных объектов, потребуются субсидии, которые ложатся на плечи налогоплательщиков. Именно такая ситуация вызвала в 2017 году резонанс относительно передачи Русской православной церкви Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге.

Обсуждение

Сравнительный анализ правового режима имущества религиозного назначения в Российской Федерации, Латвии, Литве и Эстонии позволяет сделать следующие выводы.

В странах Балтии в нормативно-правовых актах был применен термин «возврат религиозного имущества», в то время как в российском законодательстве используется понятие «передача имущества религиозного назначения», подчеркивающее, что религиозные организации в России не являются привилегированным субъектом гражданского права, в отношении которого проводится реституция. Термин «возвращение религиозного имущества» применяется в России в основном представителями Русской православной церкви, в юридической среде оно не нашло широкого употребления.

В отношении частичности передачи имущества религиозного назначения Россия, видимо, постепенно идет по пути стран Балтии: все большее количество объектов передается религиозным организациям, в том числе здания, которые с советских времен были заняты музеями, архивами, библиотеками, образовательными и медицинскими учреждениями. Это не всегда имеет экономическое обоснование, так как для культурных или социальных объектов приходится либо строить новые здания, либо переоборудовать старые.

По законодательству постсоветского времени передача (возврат) имущества религиозного назначения религиозным организациям осуществляется, только если оно принадлежит государственным или муниципальным органам. Если данное имущество оказалось в собственности частных лиц, такая передача не проводится. Это единственно разумный подход, позволяющий избежать серьезных конфликтов в обществе.

Вопрос об имуществе религиозного назначения как в России, так и в странах Балтии имеет не только внутригосударственное, но и международное измерение. Однако если для России это выразилось прежде всего в обязательствах при вступлении в Совет Европы, то есть на уровне участия в международных организациях, то для Латвии, Литвы и Эстонии — и в процессе вступления в Европейский союз, и в двусторонних отношениях, в частности с Израилем.

Ни в России, ни в странах Балтии невозможна полная передача имущества религиозного назначения, которое религиозные организации утратили соответственно в 1918 году или в начале 1940-х годов. Подход к переходу конкретного имущества от государства к религиозным организациям должен быть взвешенным и индивидуальным применительно к каждому объекту.

Список литературы

1. Шмелев Г. И. Экономический аспект взаимоотношений церкви и государства // Образование и православие. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/shmelev.htm (дата обращения: 19.04.2018).
2. Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2011.
3. Шведов О. В. Энциклопедия церковного хозяйства. М., 2003.
4. MacLeod A. J. A non-fatal collision: Interpreting RLUIPA where religious land uses and community interests meet (Review) // *Urban Lawyer*. 2010. №42 (1). P. 41—93.
5. Serkin Ch., Tebbe N. Condemning religion: RLUIPA and the politics of eminent domain (Review) // *Notre Dame Law Review*. 2009. №85 (1). P. 1—54.
6. Salkin P. E., Lavine A. The genesis of RLUIPA and federalism: Evaluating the creation of a federal statutory right and its impact on local government (Review) // *Urban Lawyer*. 2008. №40 (2). P. 195—267.
7. Akhtar Z. Charitable Trusts and Waqfs: Their Parallels, Registration Process, and Tax Reliefs in the United Kingdom (Article) // *Statute Law Review*. 2013. №34 (3). P. 281—295.
8. Vorster J., Martinus M. The ethics of land restitution (Article) // *Journal of Religious Ethics*. 2006. №34 (4). P. 685—707.
9. Das Acevedo D. Divine Sovereignty, Indian Property Law, and the Dispute over the Padmanabhaswamy Temple (Article) // *Modern Asian Studies*. 2016. №50 (3). P. 841—865.
10. Katz I., Kark R. The church and landed property: The greek orthodox patriarchate of Jerusalem (Article) // *Middle Eastern Studies*. 2007. №43 (3). P. 383—408.
11. Schmalzbach B. Confusion and coercion in church property litigation (Article) // *Virginia Law Review*. 2010. №96 (2). P. 443—494.
12. Hill Ch. The nordic and baltic churches (Article) // *Ecclesiastical Law Journal*. 1955. №3 (17). P. 420—423.
13. Ketola M. The Baltic Churches and the Challenges of the Post-Communist World // *International Journal for the Study of the Christian Church*. 2009. №9 (3). P. 225—239.
14. Pukenis R. Administration of the church property in the Republic of Lithuania (Article) // *Bažnyčios turtų administravimas Lietuvos Respublikoje, Logos (Lithuania)*. 2011. №68. P. 114—128.
15. Zapor Cruz M. The role of catholicism in the development of Lithuanian national identity (Article) // *Church History and Religious Culture*. 2014. №94 (4). P. 479—504.
16. Smorgunova V. Yu., Dorskaia A. A., Malysheva N. I. et al. Processes of Harmonization of the Eurasian Economic Community Member States' Laws on Freedom of Conscience // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2015. Vol. 5. P. 90—98.
17. Якимова Е. А. Формирование израильской внешнеполитической концепции в отношении стран Балтии в 2009—2012 годах // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2014. Вып. 6 : Гуманитарные науки. С. 111—117.
18. Тушикин П. В. Зарубежный опыт договорного регулирования имущественных отношений религиозных организаций // *Право и образование*. 2016. №10. С. 122—137.
19. Шашкин П. А. Управление церковным имуществом: правовые аспекты // *Журнал Московской патриархии*. 2010. №12. URL: http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc_2012/jmp/10/12-10/18.html (дата обращения: 04.03.2018).
20. Чаплин В. Состояние и актуальные вопросы церковно-государственных и церковно-общественных отношений // *Иркутская епархия. Региональный православный портал*. URL: <http://iemp.ru/monitor.php?ID=1504> (дата обращения: 11.03.2018).
21. Потащенко Г. В. Староверы Литвы: веки истории (вторая половина XVII — начало XXI в.) // *Антираскол*. 2010. Информационно-справочный портал по расколоведению. URL: <http://anti-raskol.ru/pages/1023> (дата обращения: 04.03.2018).
22. Баган В. В. Правовой режим имущества религиозного назначения в России // *Нравственные императивы в праве*. 2016. №4. С. 103—129.
23. Добровольский М. В. Отчуждение государственного и муниципального имущества в собственность религиозных организаций в Российской Федерации: вопросы теории и практики // *Юридическая мысль*. 2012. №4 (72). С. 40—47.
24. Grytten O. H. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: Entrepreneurship of the Norwegian Puritan Leader Hans Nielsen Hauge // *Review of European Studies*. 2013. №5/1. P. 31—44.

25. *Taylor Ch.* The Meaning of Secularism // *The Hedgehog Review*. 2010. № 12. P. 23—34.

26. *Кулагин М.А.* Правовой режим имущества религиозного назначения относящегося к объектам культурного наследия // *Научная перспектива*. 2013. № 7. С. 19—20.

Об авторах

Валентина Юрьевна Сморгунова, доктор философских наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой теории права и гражданско-правового образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: prof_smorgunova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0388-8167

Александра Андреевна Дорская, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8723-8673

Татьяна Викторовна Толстухина, доктор юридических наук, профессор, Тульский государственный университет, Россия.

E-mail: tat_tolstuhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7996-8828

Для цитирования:

Сморгунова В.Ю., Дорская А.А., Толстухина Т.В. Правовой режим имущества религиозного назначения в России и странах Балтии // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10, № 4. С. 60—73. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-4.

LEGAL REGIME FOR CHURCH PROPERTY IN RUSSIA AND THE BALTIC STATES

V. Yu. Smorgunova¹

A. A. Dorskaia¹

T. V. Tolstukhina²

¹ *Herzen State Pedagogical University of Russia,
48 Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russia*

² *Tula State University,
92 Lenin Prospekt, Tula, 300012, Russia*

Submitted on May 12, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-4

In this article, we carry out a comparative analysis of the legal regimes for church property in the Baltic States and in Russia after the demise of the USSR. We stress the significance of this problem for the newly established relations between the state and the religious organisations, for the conclusion of agreements between these actors, and for the development of the ideas of interdenominational peace and intergovernmental relations. In this study,

we aim at identifying the similarities and differences between the legal regulation of the state/denomination relations regarding church property, as well as the economic component of these relations. We analyse the regulatory documents of Russia, Latvia, Lithuania, and Estonia that enshrine the transfer (return) of the church property, which was seized illegally in the first Soviet years in Russia and during the incorporation of the Baltic republics into the USSR, to the religious organisations. We compare the restitution, which was carried out in the Baltics, with Russia's moderate approach to the transfer of religious objects to religious organisations. We conclude that the international factor affects the resolution of the church property issue and that the economic benefits of the property transfer are unclear. The transfer of the church property is associated with additional expenditure incurred by the state. In conclusion, we consider the reasons why the complete transfer (return) of the church property seized in the Soviet period is impossible.

Keywords: church property, state, religious organization, state budget

References

1. Shmelev, G.I. 2004, Economic aspect of church-state relations, *Obrazovaniye i pravoslaviye* [Education and Orthodoxy], available at: http://www.orthedu.ru/ch_hist/shmelev.htm (accessed 19 April 2018).
2. Shakhov, M.O. 2011, *Pravovyye osnovy deyatelnosti religioznykh ob'yedineniy v Rossiyskoy Federatsii* [Legal basis for the activities of religious associations in the Russian Federation], Publishing House of the Sretensky Monastery, 348 p. (in Russ.).
3. Shvedov, O.V. 2003, *Entsiklopediya tserkovnogo khozyaystva* [Encyclopedia of church economy], 736 s. (in Russ.).
4. MacLeod, A.J. 2010, A non-fatal collision: Interpreting RLUIPA where religious land uses and community interests meet, *Urban Lawyer*, Vol. 42, no. 1, December, p. 41—93.
5. Serkin, Ch., Tebbe, N. 2009, Condemning religion: RLUIPA and the politics of eminent domain, *Notre Dame Law Review*, Vol. 85, no. 1, November, p. 1—54.
6. Salkin, P., Lavine, A. 2008, The genesis of RLUIPA and federalism: Evaluating the creation of a federal statutory right and its impact on local government, *Urban Lawyer*, Vol. 40, no. 2, March, p. 195—267.
7. Akhtar, Z. 2013, Charitable Trusts and Waqfs: Their Parallels, Registration Process, and Tax Reliefs in the United Kingdom, *Statute Law Review*, Vol. 34, no. 3, October, p. 281—295.
8. Vorster, J., Martinus, M. 2016, The ethics of land restitution, *Journal of Religious Ethics*, Vol. 34, no. 4, December, p. 685—707.
9. Das Acevedo, D. 2016, Divine Sovereignty, Indian Property Law, and the Dispute over the Padmanabhaswamy Temple, *Modern Asian Studies*, Vol. 50, no. 3, 1 May, p. 841—865.
10. Katz, I., Kark, R. 2007, The church and landed property: The greek orthodox patriarchate of Jerusalem, *Middle Eastern Studies*, Vol. 43, no. 3, May, p. 383—408.
11. Schmalzbach, B. 2010, Confusion and coercion in church property litigation, *Virginia Law Review*, Vol. 96, no. 2, April, p. 443—494.
12. Hill, Ch. 1995, The nordic and baltic churches, *Ecclesiastical Law Journal*, Vol. 3, no. 17, July, p. 420—423.
13. Ketola, M. 2009, The Baltic Churches and the Challenges of the Post-Communist World, *International journal for the Study of the Christian Church*, Vol. 9, no. 3, August, p. 225—239.
14. Pukenis, R. 2011, Administration of the church property in the Republic of Lithuania, *Logos (Lithuania)*, no. 68, p. 114—128 (in Lit.).
15. Zapor Cruz, M. 2014, The role of catholicism in the development of Lithuanian national identity, *Church History and Religious Culture*, Vol. 94, no. 4, 1 January, p. 479—504.
16. Smorgunova, V. Yu., Dorskaia, A. A., Malysheva, N.I., Orlova, I. A., Pashentsev, D. A. 2015, Processes of Harmonization of the Eurasian Economic Community Member States' Laws on Freedom of Conscience, *International Journal of Economics and Financial Issues*, no. 5, p. 90—98.
17. Yakimova, E. 2014, The formation of Israeli foreign policy concept towards the Baltics in 2009—2012, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennyye nauki* [IKBFU's Vestnik. Ser. The humanities and social science], no. 6, p. 111—117 (in Russ.).

18. Tupikin, R. V. 2016, Foreign experience of contractual regulation of property relations of religious organizations, *Pravo i obrazovanie* [Law and education], no. 10, p. 122—137 (in Russ.).
19. Shashkin P. A. 2010, Management of church property: legal aspects, *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], no. 12, available at: http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc_2012/jmp/10/12-10/18.html (accessed 04 March 2018) (in Russ.).
20. Chaplin, V. 2008, The state and current issues of church-state and church-public relations, *Patriarchy.ru*, available at: <http://iemp.ru/monitor.php?ID=1504> (accessed 11 March 2018) (in Russ.).
21. Potashenko, G. V. 2010, Lithuanian Old Believers: Milestones in History (the second half of the 17th — early 21st centuries), *Antiraskol*, Information and reference portal on secession, available at: <http://anti-raskol.ru/pages/1023> (accessed 04 March 2018) (in Russ.).
22. Bagan, V. V. 2016, The legal regime of religious property in Russia, *Nravstvennye imperativy v prave* [Moral imperatives are right], no. 4, p. 103—129 (in Russ.).
23. Dobrovolsky, M. V. 2012, The alienation of state and municipal property into the ownership of religious organizations in the Russian Federation: questions of theory and practice, *Yuridicheskaya mysl* [Juridical thought], no. 4 (72), p. 40—47 (in Russ.).
24. Grytten, O. H. 2013, The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: Entrepreneurship of the Norwegian Puritan Leader Hans Nielsen Hauge, *Review of European Studies*, Vol. 5, no. 1, p. 31—44.
25. Taylor, Ch. 2010, The Meaning of Secularism, *The Hedgehog Review*, no. 12, p. 23—34.
26. Kulagin, M. A. 2013, The legal regime of religious property related to the objects of cultural heritage, *Nauchnaya perspektiva* [Scientific perspective], no. 7, p. 19—20 (in Russ.).

The authors

Prof. Valentina Yu. Smorgunova, Dean of Faculty of Law, Head of Department of Theory of Law and Civil-Legal Education, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: prof_smorgunova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0388-8167

Prof. Aleksandra A. Dorskaya, Head of Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: adorskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8723-8673

Prof. Tatyana V. Tolstukhina, Tula State University, Russia.

E-mail: tat_tolstuhina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7996-8828

To cite this article:

Smorgunova, V. Yu., Dorskaia, A. A., Tolstukhina, T. V. 2018, Legal regime for church property in Russia and the Baltic states, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 60—73. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-4.

ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА

К. Н. Нилов¹

Целью исследования является определение основных тенденций развития законодательства о специальном правовом режиме предпринимательства в регионе, выявление проблем функционирования Особой экономической зоны в Калининградской области и выработка предложений по совершенствованию правового регулирования. Анализируется опыт 12-летнего применения на практике Федерального закона об ОЭЗ в Калининградской области, имеющиеся в нормативно-правовых актах пробелы и коллизии. Рассматриваются основные положения законодательства, определяющие требования, предъявляемые к резидентам ОЭЗ в Калининградской области и к реализуемым ими инвестиционным проектам, предоставляемые резидентам гарантии. Исследуется вопрос о цели создания Особой экономической зоны, эффективности предлагаемых инвесторам льгот и порядка их использования, причинах, снижающих инвестиционную привлекательность региона. Отмечаются новые изменения, внесенные в 2017 году в Федеральный закон об ОЭЗ в Калининградской области, сформулированы конкретные предложения в сфере развития законодательного регулирования и правоприменительной практики. Обосновывается необходимость унификации особого порядка уплаты налога на прибыль и налога на имущество резидентов ОЭЗ в Калининградской области.

Ключевые слова: особая экономическая зона, специальный правовой режим, совершенствование правового режима, инвестиции, налоговые льготы, Калининградская область

Введение

Особая экономическая зона в Калининградской области (далее — ОЭЗ в Калининградской области) представляет собой одну из самых обширных по территории и продолжительности действия зон с преференциальным режимом хозяйствования в России. Она является своего рода визитной карточкой инвестиционной привлекательности Калининградской области.

Важнейшей составляющей, определяющей инвестиционный климат той или иной территории, которая актуаль-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 04.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-5

© Нилов К. Н., 2018

на для инвесторов, выступает стабильное нормативно-правовое обеспечение условий хозяйствования на этой территории. При этом учитывается, конечно, экономическая эффективность и гарантированность предоставляемых инвесторам преференций.

Формирование льготного режима предпринимательства, имеющее своей целью привлечение дополнительных инвестиций, началось с правового режима свободной экономической зоны «Янтарь»¹ и получило дальнейшее развитие в федеральном законе от 22 января 1996 года № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области»². Эти шаги предопределялись особым географическим положением региона и, как справедливо отмечается в литературе, должны были ускорить социально-экономическое развитие области в условиях возрастающей оторванности региона от основной территории России [1, с. 90].

Последние 12 лет специальный правовой режим предпринимательства в Калининградской области определяется федеральным законом от 10 января 2006 года № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ»³ (далее — ФЗ об ОЭЗ в Калининградской области). Важную роль в определении гармонизированных правил хозяйствования в рамках Евразийского экономического союза играет также Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны от 18 июня 2010 года⁴.

Специальный правовой режим предпринимательства в Калининградской области существенно отличается от других особых экономических зон России, поскольку ОЭЗ в Калининградской области не относится ни к одному из четырех типов особых экономических зон, закрепленных в федеральном законе от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»⁵. При этом важно подчеркнуть, что положения названного закона на ОЭЗ в Калининградской области не распространяются. Особая экономическая зона в Калининградской области по правовому режиму экономической деятельности по сути занимает промежуточное положение между особыми экономическими зонами и территориями опережающего социально-экономического развития [2, с. 29].

Использование одинаковых терминов для обозначения разных правовых режимов представляется не вполне удачным и юридически не корректным, так же как и применение родового понятия для характеристики не попадающего

¹ О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны в Калининградской области: распоряжение Председателя Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1991 года № 1356-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 23.

² Об Особой экономической зоне в Калининградской области : федер. закон Рос. Федерации от 22 января 1996 года № 13-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 4, ст. 224.

³ Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2006 года № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3, ст. 280.

⁴ Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (Санкт-Петербург, 18 июня 2010 г.) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7.

⁵ Об особых экономических зонах в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 52, ч. 3, ст. 5743.

под его действие правового режима. В юридической литературе для обозначения специальных правовых режимов предпринимательства, не попадающих под действие общего закона об особых экономических зонах в Российской Федерации (Калининградская область, Магаданская область, Крым, Севастополь) используют в качестве родового понятия словосочетание «территории ускоренного социально-экономического развития» [3]. Но и такой подход является весьма условным, поскольку законодательство не предусматривает названного понятия, а перечисленные правовые режимы предпринимательства существенно отличаются друг от друга.

Другие авторы, указывая на необходимость системных изменений законодательства о территориях с особыми условиями экономического развития, предлагают унифицировать их правовой режим и урегулировать их правовое положение в едином федеральном законе, содержащем исчерпывающий перечень видов таких территорий с их определениями и характеристикой случаев, в которых может быть создана каждая из них [4, с. 109]. Многообразие видов территорий с особыми условиями хозяйствования не означает многообразия используемых правовых средств стимулирования предпринимательской деятельности. «Законодатель почти дословно заимствует из действующих законов целые статьи, что, с одной стороны, вызывает вполне обоснованный вопрос о необходимости плодить федеральные законы с учетом того, что действующие могут быть дополнены специальными нормами в отношении вновь создаваемых территорий, а с другой — лишь доказывает, что арсенал эффективных правовых средств государственного регулирования функционирования территорий со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности устоялся» [5, с. 63].

Следует признать, что исследования проблем развития предпринимательства применительно к ОЭЗ в Калининградской области в большей степени носят фрагментарный характер. Освещаются лишь отдельные экономические аспекты развития конкретных отраслей [6—8], вопросы налогообложения и таможенного регулирования [9; 10]. Предпринимаются попытки оценить перспективы развития Особой экономической зоны и региона [11—14]. При этом мало внимания уделяется правовым аспектам совершенствования специального режима предпринимательства в регионе. В имеющихся публикациях, как правило, дается лишь общая характеристика предоставляемых инвесторам льгот без должного анализа проблем их реализации в практической деятельности. Причина этого видится в локальном характере возникающих проблем, актуальных лишь для одного из регионов Российской Федерации.

Эффективность специального правового режима предпринимательства

Федеральный закон об ОЭЗ в Калининградской области предусматривает установление на территории области специального правового режима осуществления хозяйственной, производственной, инвестиционной и иной деятельности. В юридико-техническом плане данная формулировка представляется неудачной, поскольку предусматривает открытый перечень видов деятельности и использует пересекающиеся в смысловом значении понятия.

Важнейшим направлением совершенствования специального правового режима предпринимательской деятельности в Калининградской области является повышение его эффективности. Понятие эффективности — одно из ключевых при оценке деятельности особых экономических зон. Сам смысл установления специальных правовых режимов предпринимательства на отдельной территории предполагает более высокую эффективность хозяйствования, чем

при общем режиме предпринимательства. Важнейшими аспектами при оценке эффективности правовых режимов особых экономических зон специалисты называют экономический, социальный и правовой. Соответственно, можно говорить об экономической эффективности ОЭЗ, социальных аспектах эффективности и эффективности правового регулирования.

Экономическая эффективность функционирования ОЭЗ рассматривается как комплексное свойство, определяющее различные аспекты деятельности как резидентов ОЭЗ, так и органов управления. Под эффективностью функционирования ОЭЗ предлагается понимать комплексное свойство, охватывающее разные стороны деятельности ОЭЗ и ее резидентов, учитывающее отношение доходов от функционирования ОЭЗ к расходам на ее существование [15, с. 520]. Как правило, оценка эффективности заключается в сопоставлении результатов функционирования ОЭЗ с затратами на ее существование [16, с. 309]. На практике экономическая эффективность деятельности ОЭЗ оценивается через призму экономических показателей, закрепленных в нормативно-правовых актах. В качестве примера можно привести постановление Правительства РФ от 7 июля 2016 года №643 «О порядке оценки эффективности функционирования особых экономических зон»⁶, хотя установленные им критерии распространены не на все особые экономические зоны, имеющиеся в России. В частности, как раз к ОЭЗ в Калининградской области названное постановление Правительства РФ не применяется. Конкретных экономических показателей для оценки экономической эффективности ОЭЗ в Калининградской области до сих пор не закреплено. По умолчанию таким сводным показателем считается формирование благоприятного инвестиционного климата, позволяющего привлечь значительные дополнительные инвестиции для развития экономики Калининградской области. За истекший период применения специального правового режима в Калининградской области в реестр резидентов ОЭЗ было включено 216 коммерческих организаций (из них действующими резидентами на 14 марта 2018 года остаются 152). Общий объем заявленных инвестиций по состоянию на 14 марта 2018 года составил 106,1 млрд руб. После существенного спада количества регистрируемых резидентов в 2013—2015 годах, когда в реестр резидентов ежегодно включалось всего от 3 до 8 инвесторов, наметился заметный рост. В 2016 году реестр пополнился 26 резидентами, в 2017 — еще 27 и более 10 было зарегистрировано за первые два с половиной месяца 2018 года⁷.

Несколько в другом ракурсе оценивается правовой аспект эффективности. В юриспруденции используется понятие эффективности правового регулирования, под которым в теории права понимается соотношение между целями правовых норм и результатом их действия [17, с. 505]. Эффективность правовых режимов, соответственно, может рассматриваться через призму достижения тех целей, которые были определены при их установлении. Это в полной мере относится и к специальным (особым) правовым режимам предпринимательской деятельности, устанавливаемым в особых экономических зонах, включая ОЭЗ в Калининградской области.

⁶ *О порядке* оценки эффективности функционирования особых экономических зон : постановление Правительства РФ от 7 июля 2016 года №643 // Собрание законодательства РФ. 2016. №29, ст. 4820.

⁷ *Особая* экономическая зона Калининградской области — новые возможности для развития бизнеса // Официальный сайт Министерства по промышленной политике, развитию предпринимательства и торговли Калининградской области. URL: <https://oez.gov39.ru> (дата обращения: 22.04.2018)

Целью создания ОЭЗ в Калининградской области было названо ускорение социально-экономического развития региона. В юридической литературе указывалось на неудачность приведенной формулировки [18, с. 45]. Очевидно, что ускорение предполагает какой-то ограниченный период времени и может быть рассчитано на лишь краткосрочную перспективу. Первоначальный 25-летний срок действия названного закона (до 2031 года) уже не позволял говорить о том, что в течение столь длительного периода будет продолжаться постоянно ускорение социально-экономического развития. После внесения изменений в ФЗ об ОЭЗ в Калининградской области⁸ срок его действия продлен еще на 15 лет (до 2045 года) без изменения формулировки цели правового режима, что сделало ее несовершенством еще более очевидным. Удачней представляется формулировка, используемая в ранее действующем федеральном законе от 22 января 1996 года № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», которая в качестве цели называла создание благоприятных условий для социально-экономического развития Калининградской области. Можно было бы в качестве цели обозначить обеспечение устойчивого социально-экономического развития области без использования термина ускорение. Именно так обозначена цель в государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года»⁹. Приведенные формулировки представляются более корректными.

Анализ динамики основных экономических показателей (валовой региональный продукт, индекс промышленного производства, инвестиции в основной капитал и др.) за последние 10 лет¹⁰ не позволяет сделать вывод, что цель ускорения социально-экономического развития области достигнута, хотя положительный эффект от применения правового режима ОЭЗ в Калининградской области никто не оспаривает.

Стабильность нормативно закреплённых условий хозяйствования — один из важнейших параметров эффективности правового режима. Совершенствование законодательства необходимо. Характеризуя правовые режимы осуществления предпринимательской деятельности, профессор А. А. Мохов справедливо отмечает, что установленный режим не является раз и навсегда заданным, он может меняться с учетом различных факторов (цикличности развития рыночной экономики, решаемых макроэкономических задач, появления новых форм отношений и т. д.) [19, с. 9]. В этом случае изменения правового режима выглядят оправданными. Но ежегодные изменения закона, не обеспечивающие должной стабильности регулирования, вряд ли могут быть признаны обоснованными.

Активное развитие правового режима ОЭЗ в Калининградской области подтверждается количеством вносимых изменений в нормативно-правовую

⁸ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области* : федер. закон Рос. Федерации от 5 декабря 2017 года № 393-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2017. № 50, ч. 3, ст. 7564.

⁹ *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Калининградской области до 2020 года»* : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 311 // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 18, ч. 2, ст. 2157.

¹⁰ *Калининградская область в цифрах 2017 (краткий сборник)* // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области URL: http://kaliningrad.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kaliningrad/ru/publications/official_publications/electronic_versions/ (дата обращения: 22.04.2018).

базу. За 12 лет применения действующего Закона об ОЭЗ в Калининградской области изменения в него вносились одиннадцать раз, что для основного нормативного акта, определяющего условия инвестиционной деятельности в регионе, представляется значительным. Многие из положений Закона подвергались и продолжают подвергаться серьезной критике. Особенно это касалось положений ныне утратившей силу главы 8 Закона, которая регламентировала правила переходного периода до 1 апреля 2016 года. Специалистами отмечалось, что «конкурентоспособность региональной экономики была сформирована на предоставленных таможенных льготах и в результате фактически стала опираться на ренту, возникающую за счет разницы в себестоимости сырья и компонентов в произведенных товарах на территории ОЭЗ и остальной территории нашей страны. Такая рента, тесно связанная с логистическими и финансовыми потоками, сформировала систему недобросовестной конкуренции по отношению к производителям аналогичной продукции, расположенным на основной территории России» [20, с. 23].

Очередным значимым этапом совершенствования специального правового режима предпринимательства в Калининградской области после завершения переходного периода стала подготовка пакета нормативно-правовых актов в 2017 году. В частности, по поручению президента России правительством области совместно с бизнес-сообществом и Минэкономразвития РФ был подготовлен проект федерального закона «О социально-экономическом развитии Калининградской области» от 15 марта 2016 года¹¹. К сожалению, многие из включенных в него предложений не были поддержаны на федеральном уровне и лишь отдельные положения нашли отражение в двух федеральных законах, принятых в ноябре-декабре 2017 года¹².

В качестве самостоятельного элемента повышения эффективности правового регулирования следует рассматривать также повышение эффективности правовых гарантий инвесторам. На неэффективность существующей системы гарантий для иностранных инвесторов вполне обоснованно указывается в юридической литературе [21, с. 12].

Правовой статус резидентов

Возможность получения инвесторами преференций законодательство связывает с необходимостью приобретения статуса резидента ОЭЗ в Калининградской области. Предъявляемые к резидентам требования связаны с необходимостью включения в реестр резидентов, наличием государственной регистрации в Калининградской области, производством товаров исключительно на территории Калининградской области, ограничением осуществления отдельных видов деятельности и установлением требований к инвестиционным проектам.

Первоначально правовой режим ОЭЗ в Калининградской области был рассчитан на привлечение достаточно крупных хозяйствующих субъектов, способных осуществлять значительные инвестиции. Обязательным условием,

¹¹ *О социально-экономическом развитии Калининградской области* : проект федерального закона. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социально-экономического развития Калининградской области* : федер. закон Рос. Федерации от 5 декабря 2017 года №393-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2017. №50, ч. 3, ст. 7564 ; *О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации* : федер. закон Рос. Федерации от 27 ноября 2017 года №353 // *Собрание законодательства РФ*. 2017. №49, ст. 7325.

предъявляемым к инвестиционным проектам резидентов ОЭЗ в Калининградской области, было установление объема капитальных вложений в размере не менее 150 млн руб. в течение трех лет с момента включения их в реестр. Такой подход в значительной степени лишал возможности приобрести статус резидента ОЭЗ многих субъектов малого и среднего предпринимательства, планирующих реализацию менее объемных инвестиционных проектов. В юридической литературе неоднократно высказывались предложения о снижении названной минимальной планки объема инвестиций в 2—3 раза и увеличении срока реализации инвестиционных проектов с 3 до 5 лет [22, с. 66] для привлечения более широкого круга инвесторов и расширения спектра возможных инвестиционных проектов. Указанные предложения были учтены в законодательстве. В частности, с 2016 года для инвестиционных проектов в области туристско-рекреационной деятельности, обрабатывающего производства, а также рыболовства, рыбоводства, сельского хозяйства минимальный объем капитальных вложений снижен до 50 млн руб. Еще более низкая планка с 2018 года установлена для инвестиционных проектов в области здравоохранения (объем капитальных вложений в соответствии с представленным инвестиционным проектом должен составлять в сумме не менее чем 10 млн руб.) и в области разработки компьютерных технологий, создания программного обеспечения, информационных технологий, научных исследований и разработок (не менее чем 1 млн руб.).

Совершенствование особого порядка уплаты налогов

Наиболее значимыми преференциями в рамках специального режима предпринимательства ОЭЗ в Калининградской области являются налоговые льготы для резидентов ОЭЗ. При этом следует согласиться с авторами, утверждающими, что современное правовое регулирование налогообложения резидентов ОЭЗ «отличается неконкретностью формулировок, многообразием подходов к установлению особых налоговых режимов, отсутствием научности и единого подхода к определению системы налоговых преференций в рамках особых налоговых режимов» [23, с. 29].

Актуальным представляется в этих условиях продолжение совершенствования особого порядка уплаты налогов резидентами ОЭЗ в Калининградской области. В частности, важным нововведением стало изменение порядка определения льготного периода для освобождения резидента ОЭЗ от уплаты налога на прибыль. Если раньше срок исчислялся с момента включения резидента в реестр, то теперь он будет определяться с 1 января того года, когда резидент начнет получать прибыль от реализуемого инвестиционного проекта. В том случае если прибыль не появится в течение первых трех налоговых периодов, то отсчет начнется с четвертого года, то есть максимальный период возможно получения налоговых льгот увеличен с 12 до 15 лет.

При этом порядок исчисления льготного периода по налогу на имущество не изменился, что выглядит не вполне логичным. Эта проблема уже вызывала споры в судебной практике¹³. Льгота по налогу на имущество начинается со

¹³ *Решение* Арбитражного суда Калининградской области от 11 марта 2016 года (по делу № А21-3415/2014). URL: <http://www.ras.arbitr.ru> (дата обращения: 31.03.2018); *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 сентября 2016 года (по делу № А21-3415/2014). URL: <http://www.ras.arbitr.ru> (дата обращения: 31.03.2018); *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2017 года № 307-КГ16-18094. URL: <http://www.ras.arbitr.ru> (дата обращения: 31.03.2018).

дня включения резидента ОЭЗ в реестр и не совпадает с законодательно установленным налоговым периодом. Резиденты ОЭЗ, включенные в реестр в начале календарного года и в его конце, оказываются в неравном положении. В полном объеме шестилетний льготный период по налогу на имущество не может использовать ни один резидент.

Для резидентов ОЭЗ в Калининградской области в отношении земельных участков, используемых при реализации инвестиционного проекта сроком на пять лет с месяца возникновения права собственности на него, устанавливается земельный налог в размере 0%.

Следует признать, что возможности расширения налоговых льгот для резидентов ОЭЗ в значительной степени исчерпаны. В юридической литературе высказывается мнение, что российские ОЭЗ «должны привлекать иностранных инвесторов не столько налоговыми льготами и дешевой рабочей силой, сколько общими перспективами российской экономики. Главными факторами, способствующими развитию зон и привлечению инвестиций, должны стать экономическая стабильность, защита инвестированного капитала, состояние инфраструктуры, административные процедуры при осуществлении предпринимательской деятельности» [24, с. 57]. Это в полной мере относится и к ОЭЗ в Калининградской области.

Новые направления развития специального правового режима

Наряду с совершенствованием применяемых ранее отдельных элементов специального правового режима предпринимательства, о которых говорилось ранее, законодателем предусмотрены новые положения, направленные на повышение инвестиционной привлекательности режима ОЭЗ в Калининградской области.

Во-первых, речь идет о расширении спектра льгот, установленных для резидентов ОЭЗ в Калининградской области. С 2018 года предусмотрены новые существенные льготы для субъектов предпринимательства, приобретающих статус резидентов ОЭЗ в Калининградской области. В частности, из правового режима территорий опережающего развития были позаимствованы льготы по тарифам обязательных страховых взносов для резидентов.

Для юридических лиц, включенных в единый реестр резидентов ОЭЗ в Калининградской области в период с 1 января 2018 года по 31 декабря 2022 года, будет применяться тариф страховых взносов 7,6%¹⁴. Причем применяться этот тариф будет только в том случае, если резиденты начнут создавать новые рабочие места. Их перечень разрабатывает и предлагает сам резидент ОЭЗ, согласовывая его с администрацией ОЭЗ в Калининградской области и налоговой службой. Предельный срок применения пониженных тарифов — 31 декабря 2025 года.

Первоначально предлагалось распространить эту льготу на широкий круг хозяйствующих субъектов, и это могло оказать серьезное стимулирующее воздействие. В принятой редакции норма коснется очень ограниченного круга резидентов ОЭЗ (буквально нескольких десятков) и вряд ли сможет оказать заметное влияние на инвестиционный климат.

¹⁴ О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 27 ноября 2017 года №353 // Собрание законодательства РФ. 2017. №49, ст. 7325.

Во-вторых, законодательно закреплена и продлена до 1 января 2031 года программа государственной поддержки юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Калининградской области, и резидентов ОЭЗ в Калининградской области в целях создания и содержания рабочих мест, импортозамещения и локализации сборочного производства, а также улучшения экономических и социальных условий проживания в Калининградской области, действующая с 1 апреля 2016 года и осуществляемая в соответствии с порядком и условиями, установленными Правительством Калининградской области¹⁵. Общий объем субсидий за 2016 год составил 25,9 млрд руб., а за 2017 год — 49,6 млрд руб.¹⁶.

В-третьих, отменяется утилизационный сбор в отношении транспортных средств, с года выпуска которых прошло менее трех лет и которые помещаются под таможенную процедуру свободной таможенной зоны, применяемую на территории ОЭЗ в Калининградской области. Эта норма применяется в отношении сельскохозяйственной, а также строительной техники, за исключением транспортных средств международной перевозки.

В-четвертых, Федеральный закон об ОЭЗ в Калининградской области дополнен новыми главами: 5.1 — об особенностях проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий объектов и 5.2 — об особенностях проведения экологической экспертизы проектов, находящихся на территории Калининградской области. Предусмотрено сокращение срока государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий объектов с 60 до 45 дней и государственной экологической экспертизы проектной документации объектов — с 3 месяцев до 45 дней.

В-пятых, регламентирована процедура возможного получения иностранцами виз для посещения Калининградской области в упрощенном порядке. Заявку на визу можно будет подать за 4 дня в онлайн-режиме. Выдаваться документ будет на 8 дней. Цель поездки может быть деловой, туристической или гуманитарной. При этом консульский сбор за оформление визы брать не будет. Данный порядок вступит в силу сразу после финансирования и выполнения необходимых работ со стороны Пограничной службы ФСБ и установления особенностей выдачи Правительством РФ, но не позднее 1 июля 2019 года.

Возможности совершенствования правового режима предпринимательства этим не исчерпываются. В юридической литературе предлагаются дополнительные меры поддержки, в частности «мотивирование компании к переориентации на внешние рынки; создание систем подготовки и переподготовки менеджеров в сфере внешнеэкономической деятельности с использованием опыта стран-соседей и региональных особенностей; изменение (упрощение) режима транзита грузов из Калининградской области, включая таможенное оформление. Предполагается, что облегчит жизнь экспортерам и упрощение административных и фискальных процедур, которые будут полностью соответствовать международным стандартам» [25, с. 61—62].

¹⁵ Об установлении порядка и условий предоставления субсидий из областного бюджета на поддержку юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Калининградской области, и резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области : постановление Правительства Калининградской области от 16 февраля 2016 года № 83. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Особая экономическая зона Калининградской области — новые возможности для развития бизнеса // Официальный сайт Министерства по промышленной политике, развитию предпринимательства и торговли Калининградской области. URL: <https://oez.gov39.ru> (дата обращения: 22.04.2018).

Заключение

Анализ результатов двенадцатилетнего применения специального правового режима предпринимательства в Особой экономической зоне в Калининградской области позволяет сделать вывод о недостаточности используемых правовых средств для достижения цели, сформулированной в Федеральном законе об ОЭЗ в Калининградской области. Ускорение социально-экономического развития области не может быть достигнуто только за счет предоставления преференций очень ограниченному кругу хозяйствующих субъектов. Из числа возможных резидентов ОЭЗ практически исключена основная масса субъектов малого и среднего предпринимательства, не могут стать резидентами ОЭЗ индивидуальные предприниматели.

Не вполне справедливым представляется законодательное закрепление существенных различий в правовом статусе резидента ОЭЗ в зависимости от даты включения в реестр резидентов. Речь идет о возможности применения льготных тарифов обязательных страховых взносов.

Определенные сложности в правоприменительной практике вызывают законодательно не согласованные положения, устанавливающие разный порядок применения льгот по налогу на прибыль и налогу на имущество резидентов ОЭЗ. Законодательное закрепление положений о несовпадающих по времени периодах применения налоговых льгот по налогам на прибыль и имущество представляется неоправданным.

Необходимость повышения эффективности правового режима ОЭЗ требует дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Основными направлениями совершенствования правового режима ОЭЗ в Калининградской области могут стать:

- 1) предоставление возможности приобретения правового статуса резидента ОЭЗ для более широкого круга субъектов предпринимательской деятельности за счет снижения минимальной планки инвестиций в ряде отраслей экономики, актуальных для региона;
- 2) распространение положений законодательства о льготных тарифах обязательных страховых взносов на всех резидентов ОЭЗ в Калининградской области;
- 3) установление совпадающего по времени периода использования льгот по налогу на прибыль и налогу на имущество.

Список литературы

1. Саленко А. В. Калининградская область: 70-летие особого субъекта Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 88—96.
2. Мохов А. А., Балашов А. Е., Шевченко О. А. и др. Инновационные кластеры: доктрина, законодательство, практика / отв. ред. А. А. Мохов. М., 2018.
3. Афанасьева Е. Г., Белицкая А. В., Вайпан В. А. и др. Предпринимательское право Российской Федерации : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М., 2017.
4. Гасников К. Д., Оболонкова Е. В. Правовое регулирование территорий с особыми условиями экономического развития в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 101—109.
5. Белицкая А. В. Государственно-частное партнерство в рамках территорий со специальным режимом осуществления предпринимательской деятельности: новое в законодательстве // Закон. 2015. № 3. С. 60—66.

6. *Губина В. С.* Особенности ведения инвестиционной деятельности в сфере сельского хозяйства на территории Калининградской области как особой экономической зоны // *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*. 2015. №4 (124). С. 22—25.
7. *Шабалина Е. И., Ерофеева О. И.* Таможенное регулирование ОЭЗ в Калининградской области как инструмент обеспечения экономического развития на примере мясоперерабатывающего производства // *Вопросы экономики и управления*. 2016. №3—1. С. 24—28.
8. *Чекрыгин А. А.* Публично-правовые образования как участники транспортных обязательств в условиях особой экономической зоны в Калининградской области: актуальные проблемы // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. №1 (42). С. 240—244.
9. *Красавин В. И.* Особенности регулирования налогообложения хозяйствующих субъектов в особой экономической зоне Калининградской области // *Экономика и управление*. 2011. №4 (66). С. 26—28.
10. *Харин А. Г., Томкович А. В.* Исследование фискального механизма стимулирования частных инвестиций в особой экономической зоне в Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. №1. С. 26—35.
11. *Кузнецова А. Л.* О направлениях создания устойчивой и динамичной экономики в Калининградской области // *Балтийский регион*. 2015. №3 (25). С. 108—125. doi: 10.5922/2074-9848-2015-3-7.
12. *Прохорова О. В.* Перспективы развития Калининградской области в рамках Евразийского экономического союза // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. №2. С. 69—74.
13. *Харин А. Г., Усанов А. Н.* О некоторых тенденциях и особенностях инвестиционной деятельности в Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №2. С. 75—85.
14. *Городилов А. А., Дударев М. С., Каргаполов С. Г. и др.* XXI век: Интеграция Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский союз. Калининград, 2003.
15. *Павлов П. В.* Оценка эффективности функционирования особых экономических зон: правовое регулирование и экономическое содержание // *Административное и муниципальное право*. 2014. №6. С. 520—532.
16. *Особые экономические зоны. Теоретико-методологические аспекты развития*. Кн. 1 / под ред. И. А. Майбурова, Ю. Б. Иванова. М., 2017.
17. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. М., 2009.
18. *Нилов К. Н.* Проблемы повышения эффективности правового режима Особой экономической зоны в Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2014. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. С. 44—48.
19. *Мохов А. А.* Правовые режимы осуществления экономической деятельности и саморегулирования предпринимательской или профессиональной деятельности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. №4. С. 9—14.
20. *Конюшенко А. Н.* Новации антимонопольного законодательства и влияние конкуренции на формирование предпринимательской среды в Калининградской области // *Конкурентное право*. 2017. №1. С. 20—24.
21. *Нилов К. Н.* Правовые гарантии осуществления иностранных инвестиций по законодательству Российской Федерации // *Балтийский регион*. 2011. №3. С. 6—12. doi: 10.5922/2074-9848-2011-3-1.
22. *Нилов К. Н.* Вопросы совершенствования специального правового режима предпринимательства в Калининградской области // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. С. 62—68.
23. *Королева Л. П., Васяева Е. С.* Проблемы правового регулирования налогообложения резидентов особых экономических зон в России // *Финансовое право*. 2011. №8. С. 26—29.
24. *Чернышев А. И.* Государственное регулирование особых экономических зон в России // *Российская юстиция*. 2016. №4. С. 55—57.

25. Граве О.И., Серебрякова А.А. Судьба особой экономической зоны в Калининградской области на фоне вступления России в ВТО // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №2. С. 58—62.

Об авторе

Константин Николаевич Нилов, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского права Юридического института, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KNilov@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-8378-6560

Для цитирования:

Нилов К.Н. Особая экономическая зона в Калининградской области: совершенствование правового режима // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 74—87. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-5.

THE SPECIAL ECONOMIC ZONE IN THE KALININGRAD REGION: TOWARDS A MORE EFFECTIVE LEGAL REGIME

K. N. Nilov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on May 04, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-5

In this article, I aim at identifying the main trends in the development of the laws on the special legal regime of entrepreneurship in the Kaliningrad region. I address the problems of the Special Economic Zone (SEZ) in the Kaliningrad region and provide recommendations for improving its legal regulation. I analyse the 12 years experience of the practical application of the federal law on the regional SEZ and examine the gaps and conflicts in the regulatory legal acts. In this study, I consider the legal requirements for the SEZ residents and their investment projects, as well as benefits provided to the residents. Another focus is the goals of the SEZ. I investigate the effectiveness of the benefits to the investors and of the applicable procedures and analyse the factors reducing the region's investment attractiveness. I outline the 2017 amendments to the federal law on the SEZ in the Kaliningrad region and provide recommendations for the development of regulation and enforcement. I stress the need for tax harmonisation and the introduction of special procedures for the payment of taxes on profits and properties by the SEZ residents.

Keywords: special economic zone, special legal regime, legal regime improvement, investment, tax benefits, Kaliningrad region

References

1. Salenko, A. V. 2016, Kaliningrad region: 70th anniversary of a special subject of the Russian Federation, *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian legal journal], no. 6, p. 88—96 (in Russ.).

2. Mokhov, A. A., Balashov, A. E., Shevchenko, O. A. et al., 2018, *Innovatsionnyye klasteri: doktrina, zakonodatel'stvo, praktika* [Innovative clusters: doctrine, legislation, practice], Moscow, 100 p. (in Russ.)
3. Afanasyeva, E. G. Belitskaya, A. V. Vaipan, V. A. et al. 2017, *Predprinimatel'skoye pravo Rossiyskoy Federatsii* [The Entrepreneurial Law of the Russian Federation], Moscow, 992 p. (in Russ.)
4. Gasnikov, K. D., Obolonkova, E. V. 2017, Legal regulation of territories with special conditions of economic development in the Russian Federation, *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], no. 1, p. 101—109 (in Russ.).
5. Belitskaya, A. V. 2015, Public-private partnership within the territories with a special regime for the implementation of entrepreneurial activities: new in legislation, *Zakon* [Law], no. 3, p. 60—66 (in Russ.).
6. Gubina, V. S. 2015, Peculiarities of conducting investment activity in the sphere of agriculture on the territory of the Kaliningrad region as a special economic zone, *Zemleustroystvo, kadastr i monitoring zemel* [Land management, cadastre and land monitoring], no. 4 (124), p. 22—25 (in Russ.).
7. Shabalina, E. I., Yerofeyeva, O. I. 2016, Customs regulation of SEZ in the Kaliningrad region as an instrument for ensuring economic development by the example of meat processing industry, *Voprosy ekonomiki i upravleniya* [Economics and Management], no. 3—1, p. 24—28 (in Russ.).
8. Chekrygin, A. A. 2018, Public legal entities as participants in transport obligations in the conditions of a special economic zone in the Kaliningrad region: actual problems, *Biznes. Obrazovaniye. Pravo* [Business. Education. Law], no. 1 (42), p. 240—244 (in Russ.).
9. Krasavin, V. I. 2011, Peculiarities of regulation of taxation of economic entities in the special economic zone of the Kaliningrad Region, *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management], no. 4 (66), p. 26—28 (in Russ.).
10. Kharin, A. G., Tomkovich, A. V. 2018, Investigation of the fiscal mechanism for stimulating private investment in a special economic zone in the Kaliningrad region, *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [IKBFU's Vestnik: Humanities and social science], no. 1, p. 26—35 (in Russ.)
11. Kuznetsova, A. 2015, Towards a Stable and Dynamic Economy in the Kaliningrad Region, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 108—125. doi: 10.5922/2079-8555-2015-3-7.
12. Prokhorova, O. V. 2017, Prospects for the Development of the Kaliningrad Region within the Framework of the Eurasian Economic Union, *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [IKBFU's Vestnik: Humanities and social science], no. 2, p. 69—74 (in Russ.).
13. Kharin, A. G., Usanov, A. N. 2016, About some tendencies and features of investment activity in the Kaliningrad region, *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [IKBFU's Vestnik: Humanities and social science], no. 2, p. 75—85 (in Russ.).
14. Gorodilov, A. A., Dudarev, M. S., Kargapolov, S. G. et al. 2003, *XXI vek: Integratsiya Kaliningradskogo sub'yekta Rossiyskoy Federatsii v Yevropeyskiy soyuz: monografiya* [XXI Century: Integration of the Kaliningrad Region of the Russian Federation into the European Union: monograph], Kaliningrad, 530 p. (in Russ.).
15. Pavlov, P. V. 2014, Assessment of the effectiveness of special economic zones: legal regulation and economic content, *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* [Administrative and municipal law], no. 6, p. 520—532 (in Russ.).
16. Mayburova, I. A. Ivanova, Yu. B. et al. 2017, *Osobyie ekonomicheskiye zony. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty razvitiya. Kniga 1* [Special economic zones. Theoretical and methodological aspects of development. Book 1], Moscow, 351 p. (in Russ.).
17. Matuzov, N. I., Malko, A. V. 2009, *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, 528 p. (in Russ.).
18. Nilov, K. N. 2014, Problems of increasing the effectiveness of the legal regime for the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region, *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [IKBFU's Vestnik: Humanities and social science], no. 9, p. 44—48 (in Russ.).

19. Mokhov, A. A. 2015, Legal regimes for the implementation of economic activities and self-regulation of entrepreneurial or professional activities, *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The laws of Russia: experience, analysis, practice], no. 4, p. 9—14 (in Russ.).

20. Konyushenko, A. N. 2017, Innovations in the Antimonopoly Legislation and the Impact of Competition on the Formation of the Entrepreneurial Environment in the Kaliningrad Region, *Konkurentnoye pravo* [Competition Law], no 1, p. 20—24 (in Russ.).

21. Nilov, K. 2011, Legal guarantees for international investment according to the legislation of the Russian Federation, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 5—10. doi: 10.5922/2079-8555-2011-3-1.

22. Nilov, K. N. 2012, Issues of improving the special legal regime of entrepreneurship in the Kaliningrad region, *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i oshchestvennyye nauki* [IKBFU's Vestnik: Humanities and social science], no. 9, p. 62—68 (in Russ.).

23. Koroleva, L. P., Vasyaeva, E. S. 2011, Problems of the legal regulation of the taxation of residents of special economic zones in Russia, *Finansovoye pravo* [Financial Law], no. 9, p. 26—29 (in Russ.).

24. Chernyshev, A. I. 2016, State regulation of special economic zones in Russia, *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice], no. 4, p. 55—57 (in Russ.).

25. Grave, O. I., Serebryakova, A. A. 2013, The fate of the special economic zone in the Kaliningrad region against the backdrop of Russia's accession to the WTO, *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The laws of Russia: experience, analysis, practice], no. 2, p. 58—62 (in Russ.).

The author

Dr Konstantin N. Nilov, Associate Professor, Head of the Department of Business Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KNilov@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-8378-6560

To cite this article:

Nilov, K. N. 2018, The special economic zone in the Kaliningrad region: towards a more effective legal regime, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 74—87. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-5.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

БЕЗРАБОТИЦА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ ЛАТГАЛЬСКОГО РЕГИОНА ЛАТВИИ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

В. В. Воронов^{1, 2}
*О. П. Ружа*¹

Безработица среди молодежи является серьезной проблемой в Латвии, так как безработная молодежь в возрасте 15—24 лет составляет 16,3% от общего числа безработных в стране, в то время как в Латгальском регионе ее количество — 18,8% в 2015 году. Цель исследования заключается в определении основных современных причин высокого уровня безработицы среди молодежи Латгальского региона Латвии в возрасте 15—24 лет. Эта категория выступила целевой группой для социологического исследования на основе квотной выборки (по полу и возрасту) при онлайн-опросе респондентов в 2016 году. Обработка результатов исследования проводилась с использованием программы «Статистика».

Трансформация социально-экономических процессов в мире, Европе и постсоветском пространстве обусловила преобразование и на рынке труда молодежи, которые носят объективный и субъективный противоречивый характер и продолжают и в настоящее время. Установлено, что поведенческий рационализм молодежи (трудова́я мобильность, получение профессионального образования и др.) на региональном рынке труда сочетается с иррационализмом (отсутствие желания работать по разным причинам, не-обходимость контактов с родными и близкими и т. п.). Это связано с ростом неопределенности на рынке труда молодежи из-за повышения уровня конкуренции, появления и развития гибких форм трудоустройства, лишаящих молодежь ясности трудовой карьеры и уверенности в завтрашнем дне.

Результаты опроса также показывают, что большая часть безработной молодежи Латгальского региона сознательно отказывается эмигрировать за пределы Латвии и хотела бы связать свое будущее с регионом и страной.

Ключевые слова: проблемы безработицы, безработица среди молодежи, экономическое поведение молодежи, региональный рынок труда

¹ Даугавпилский университет, LV-5401, Латвия, Даугавпилс, ул. Виенибас, 13.
² Институт социологии ФНИСЦ РАН, 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

Поступила в редакцию 26.06.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-6

© Воронов В. В., Ружа О. П., 2018

Введение

Молодежь, по классификации ООН, — это люди, чей возраст составляет от 15 до 24 лет¹. Аналогично в соответствии с принятой классификацией Международной организации труда в ключевых индикаторах рынка труда «Безработица среди молодежи» (*Key Indicators of the Labour Market — KILM 10 — Youth unemployment*) к молодым людям относят лиц в возрасте 15—24 лет². Среди экономически активной части молодежи безработными являются те, кто не имеет работы, но занимается ее поиском и готов приступить к ней в соответствии с имеющейся квалификацией. Уровень безработицы этой группы молодежи в странах Евросоюза зоны евро, куда входит Латвия, достиг в 2015 году 22,4%³ [1, 1. 27]. Индикаторы официальной статистики Латвии сопоставимы с международными подходами. При этом статистические данные (как по стране в целом, так и в региональном аспекте) свидетельствуют о том, что молодежь — наиболее уязвимая категория на рынке труда. Уровень безработицы среди молодежи устойчиво выше общего уровня безработицы экономически активного населения в Латвии и в ее регионах. В качестве объекта исследования выступил Латгальский регион — самый русскоязычный регион Латвии, где проблема занятости молодежи наиболее острая в стране. С опорой на официальные данные статистики, исследования других авторов по теме работы за 2007—2016 годы, а также прикладное исследование авторов статьи осуществлены анализ и оценка регионального рынка труда молодежи.

Основная проблема исследования связана с перспективами и ограничениями возможностей молодежи на региональном рынке труда из-за его взаимосвязи с текущими внешними и внутренними социально-экономическими процессами в обществе, а также с глобальными тенденциями в сфере занятости. Рассматривая такие процессы, можно отметить, что жители балтийских стран назвали главными актуальными проблемами в ЕС социальное неравенство, рост цен (Литва), безработицу (Латвия) и миграцию (Эстония). По данным «Евробарометра», 30% жителей Латвии в 2016 году считали первоочередной проблему безработицы в ЕС⁴.

Один из авторов уже рассматривал ранее социально-экономические предпосылки ситуации, сложившейся в Латвии в экономике и на рынке труда [2, с. 437—445]. Данные проведенного исследования подтверждают их. Поясним эту ситуацию. Экономика Латвии с 2004 года, с момента вступления в Европейский союз, росла за счет сектора услуг, долговых ресурсов при сильной зависимости от притока иностранного капитала, в основном финансового, от «вливаний» структурных фондов ЕС. В настоящее время структура экономики Латвии на 75% состоит из сферы услуг (традиционных и различных посреднических), а доля обрабатывающей промышленности сократилась до менее

¹ ЮНЕСКО: работа с молодежью и для молодежи. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/social-and-human-sciences/themes/youth> (дата обращения: 08.04.2018).

² KILM 10. Youth unemployment. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_422439.pdf (дата обращения: 08.04.2018).

³ Eurostat Statistics Explained. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/> (дата обращения: 08.04.2018).

⁴ European Commission. Standard Eurobarometer 86. Public opinion in the European Union. Fieldwork: November 2016. What do you think are the two most important issues facing (OUR COUNTRY) at the moment? Autumn 2016. P. 14. URL: https://ec.europa.eu/finland/sites/finland/files/eb86_first_en.pdf (дата обращения: 28.12.2017).

15% ВВП. В Латвии низкий технологический уровень производства: почти 70% добавленной стоимости, созданной в промышленности, приходится на низкотехнологичные отрасли. Доля продукции высокой и средней технологичности производства составляет только 2 и 29% соответственно от общего объема производства. Бюджетно-налоговая политика проводится в интересах олигархов и чиновничества: уровень бюджетной нагрузки на экономику — 43,9% от ВВП, один из самых высоких в ЕС. По мнению международных экспертов, латвийское налоговое бремя резко подняло стоимость труда и капитала, делая промышленность и сельское хозяйство страны настолько дорогостоящими, что они стали неконкурентоспособными, а ее пространство превращено в экспортную зону для промышленности и банков ЕС [3]. Вместо ликвидированных в стране и ее регионах крупных, ориентированных на производство экспортной продукции промышленных предприятий (ВЭФ, «Альфа», РАФ, «Химволокно» и десятки других) были созданы малые предприятия, играющие скромную роль в создании ВВП страны. Построены многочисленные торговые центры и центры отдыха как сюрреалистическое свидетельство экономического «расцвета» экономики Латвии. В условиях трудностей с увеличением доходов бюджета страны усилия правительства направлены на сокращение его расходов, включая социальную политику в области занятости. Сферы услуг, производства и аграрный сектор в силу узости внутреннего рынка и слабости экспортного потенциала не могут предложить квалифицированные рабочие места всем нуждающимся, в том числе молодежи. В политическом аспекте решение проблем занятости экономически активного населения, включая молодежь, наталкивается на полное доминирование чуждых интересам латвийского народа политических сил в форме бюрократической этнократии, представленной национально-радикальными и либеральными партиями. Это показывает и низкий уровень доверия населения к политическим институтам из-за проводимой ими политики дискриминации значительной части общества (лишь 25% населения страны доверяет им), слабость институтов гражданского общества, особенно ассоциаций работодателей и наемных работников. Будущее Латвии неопределенно из-за массовой эмиграции, обусловленной безработицей людей трудоспособного возраста, невысокой заработной платой, низким уровнем рождаемости ввиду отсутствия ясных жизненных перспектив у молодежи: страна уже потеряла треть своего населения после обретения независимости в 1991 году. Внутри страны те же проблемы представлены дифференцировано в региональном аспекте. Например, уровень заработной платы в Латгалии в 2016 году был почти в два раза меньше, чем в центральном Рижском регионе, а средний уровень доходов жителей Латгалии составлял менее 600 евро в месяц (в других регионах — от 700 до более 900 евро в месяц). Низкий уровень доходов и заработков побуждает в первую очередь молодежь уезжать в центральный регион и Ригу, а часть — за границу в поисках лучшей жизни⁵.

В Латгалии, где проблема занятости стоит особенно остро, существуют различные причины высокой безработицы среди молодежи. Традиционные причины: отсутствие профессиональных знаний, опыта работы; возрастная дискриминация на рынке труда; отсутствие спроса на приобретенные профессии; закрытие производств и предприятий или их переупаковка из-за

⁵ Минус 70 человек в день. Можно ли остановить вымирание Латвии? // Иносми.ру. Россия сегодня. URL: <https://inosmi.ru/social/20170601/239491154.html> (дата обращения: 01.06.2017).

экономического кризиса в ЕС и мире. Современные причины: низкий уровень знания языков (латышского, русского, английского), коммуникативных умений и навыков, IT-навыков; отсутствие у работодателей частных предприятий желания инвестировать средства в обучение молодых специалистов, а также несоответствие между профессиональными знаниями и навыками, приобретенными в учебных заведениях региона, и структурой рабочей силы, востребованной на рынке труда. Кроме того, значимой причиной является отсутствие субсидий и дотаций предприятиям разных форм собственности при создании рабочих мест для молодежи или ее трудоустройстве. В связи с этим исследование возможностей и ограничений занятости молодежи на региональном рынке труда приобретает особый интерес и актуальность.

Методы исследования

Целью статьи является исследование поведения латгальской молодежи в возрасте от 15 до 24 лет на рынке труда и определение причин высокого уровня безработицы в этой возрастной группе. Для достижения этой цели были разработаны следующие задачи: изучение и обработка источников литературы и информации о занятости молодежи; определение динамики и структуры безработицы среди молодежи в Латгальском регионе Латвии в 2007—2015 годах; выявление причин безработицы среди молодежи в Латгальском регионе; подготовка выводов и предложений.

Оценка причин безработицы среди молодежи в Латгальском регионе выполнена методом квотной выборки (по полу и возрасту) на основе социологического опроса респондентов ($N = 402$), проведенного авторами в 2016 году для определенной возрастной группы: молодежи 15—24 лет. Квотная выборка соответствует структуре генеральной совокупности, отраженной в статистических данных латвийского Государственного агентства занятости⁶. Авторы использовали метод интернет-опроса, разместив онлайн анкету с 23 вопросами, касающимися поведения и мотивации молодежи на региональном рынке труда, а также особенностей его состояния и динамики⁷ [17; 18]. Обработка данных проводилась с использованием программы SPSS.

⁶ *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2007. gadā* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=241> (дата обращения: 17.12.2015); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2008. gadā* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=241> (дата обращения: 17.12.2015); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2009. gadā* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=272> (дата обращения: 04.01.2016); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2010. gadā* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=297> (дата обращения: 28.12.2015); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2011. gada* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=330> (дата обращения: 11.01.2016); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2012. gadā* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=404> (дата обращения: 18.01.2016); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2013. gada* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=444> (дата обращения: 27.02.2016); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2014. gada* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=470> (дата обращения: 18.11.2016); *Bezdarba raditaji un NVA aktivitātes 2015. gada* // NVA. URL: <http://www.nva.lv/index.php?cid=6&mid=494> (дата обращения: 10.10.2016).

⁷ *Jauniešu bezdarbs Latgales reģionā vecumā no 15 līdz 24 gadiem*. URL: <https://www.survio.com/survey/d/L2C9O8T9C0C7U7M8> (дата обращения: 08.04.2016); *Генеральная совокупность и выборочный метод* // Grandars.ru. URL: <http://www.grandars.ru/student/statistika/generalnaya-sovokupnost.html> (дата обращения: 02.10.2017); *Jauniesu bezdarbs Latgales reģionā vecumā no 15 līdz 24 gadiem* // Survio. URL: <https://www.survio.com/survey/d/L2C9O8T9C0C7U7M8J> (дата обращения: 08.04.2016).

Всего на начало 2016 года в Латгальском регионе насчитывалось 29 345 молодых людей указанной возрастной группы, согласно данным Центрального статистического управления Латвии.

В процессе исследования использовались логический (синтез и анализ), сравнительный, статистические методы, частотный анализ (SPSS) и графический метод.

Согласно официальной статистике Латвии в 2016 году, молодежь в возрасте от 15 до 24 лет в Латгальском регионе (крупные, средние и малые города с прилегающими районами) представлена следующим образом. Молодежь Даугавпилса и его районов составляла 38% от ее общей численности в Латгальском регионе. В соответствии с этим там было опрошено 152 молодых человека (78 мужчин и 74 женщины) из квотной региональной выборки в 402 респондента. В Резекне и районе — 23%, то есть количество респондентов — 92 молодых человека (48 мужчин и 44 женщины). В Прейльском районе — 13%, или 52 человека (28 мужчин и 24 женщины); в Балвском районе — 9%, или 36 человек (18 мужчин и 18 женщин); в Лудзенском районе — 9%, или 36 человек (20 мужчин и 16 женщин); в Краславском районе — 9%, или 34 человека (18 мужчин и 16 женщин).

Результаты исследования

Уровень безработицы среди молодежи в странах ЕС, в том числе в Латвии, выше, чем в других возрастных группах, и остается высоким [4, с. 43—58; 5].

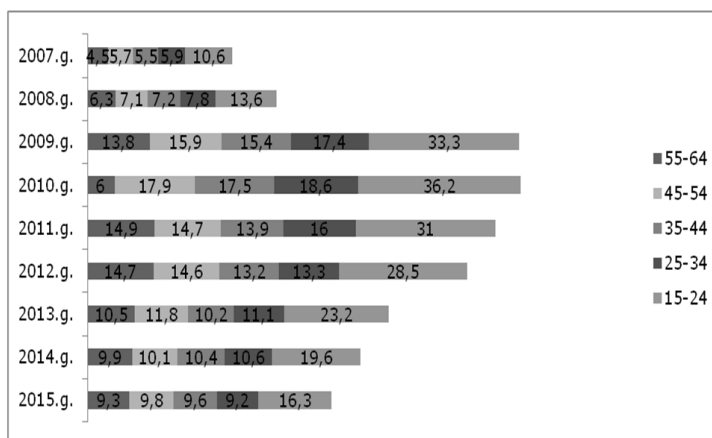

Рис. Уровень безработицы в Латвии по всем возрастным группам за 2007—2015 годы

Источник: составлено авторами на основе статистических данных⁸.

Изучение проблемы безработицы среди молодежи требует комплексного подхода, который сочетает в себе анализ изменений в экономической сфере в

⁸ NBG02. Ekonomikas aktivitātes, nodarbinātības un bezdarba līmenis (%). Centrālās statistikas pārvaldes datubāzes. URL: http://data.csb.gov.lv/pxweb/lv/Sociala/Sociala_ikgad_nodarb/NB0020.px/?rxid=562c2205-ba57-4130-b63a-6991f49ab6fe (дата обращения: 08.04.2016); *Statistical Yearbook of Latvia*. Riga, 2018. P. 117, 119—121.

части гибкости рынка труда, развития навыков, спроса работодателей, а также семейного наследия, определяющего, иногда однозначно, наиболее предпочтительное место работы для молодого человека. Успех политических инициатив и инвестиций ЕС будет зависеть от способности национального субъекта и его эффективности [6—11].

Проведенное нами исследование включало различные вопросы, связанные с возможностями предложений на рынке труда и будущими планами занятости и деятельностью молодежи. С помощью полученных результатов было проанализировано, какие проблемы, трудности и осложнения испытывают молодые люди Латгальского региона при активном поиске работы [12—17].

Число безработных со средним образованием среди молодежи Латгальского региона наиболее велико в возрастной группе от 15 до 24 лет. Для целей нашего исследования было важно понять видение молодежью будущего и ее планы относительно возможностей и желаний получения высшего образования. Проведенный анализ показывает, что более половины респондентов (61,1%, или 380 человек) предполагают получить высшее образование, 5,8% (22 респондента) рассматривают возможность получения второго высшего образования. Существует множество причин для повышения уровня образования, которые определяют будущие планы молодых людей: финансовые возможности, завершение текущих исследований (что указывает на неясность дальнейшего будущего, таким образом, в данный момент они не строят планов), желание начать работу (отсутствие мотивации для дальнейшего образования), в результате чего они выбирают учебные курсы.

Лишь небольшое количество респондентов (8,9%) планируют закончить учебные профессиональные курсы для существенного повышения своей квалификации. Только 10% респондентов собираются использовать возможности переквалификации или работать по другой специальности. Среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет есть и те, кто не планирует получать образование в дальнейшем, их доля составляет 4,2%, и это самый низкий показатель среди респондентов. Существенной причиной отказа от дальнейшего образования является нынешняя занятость и достаточный ежемесячный доход.

Анализ данных о трудоустроенной молодежи, работающей официально или неофициально, показал, что из 402 респондентов 120 имеют основную работу, а 88 — дополнительную. Среди респондентов, имеющих основную работу, 80% официально трудоустроены, остальные работают без государственных социальных гарантий, таким образом, нанимающая их компания не платит за человека установленные государством налоги и не предоставляет социальные гарантии. Только 9,1% респондентов, имеющих дополнительную работу, официально зарегистрировали свои трудовые отношения. Такая ситуация в основном наблюдается среди молодежи, поскольку дополнительная занятость носит эпизодический, нерегулярный характер. Вместе с тем лица, занятые на основной работе, также имеют высокую долю юридически незарегистрированных трудовых отношений. Причиной тому является нежелание работодателя официально устраивать на работу молодых людей (22,7%), часть респондентов в таких ситуациях взаимно договорились с работодателем о неофициальной работе (в случае основной работы — 18,2%, в случае дополнительной — 20,5%). Мы пришли к выводу, что в Латгальском регионе в основном обе стороны добровольно соглашаются на неофициальное трудоустройство для дополнительной работы. Однако молодые люди не понимают, что таким образом они

теряют много льгот: социальные гарантии, официальный опыт работы и послужной список для будущей карьеры. В качестве причины такого поведения респонденты указали на свои надежды найти основную работу на полный рабочий день, которая удовлетворяла бы их требованиям как в отношении выбранной профессии, так и в отношении дохода. В ходе исследования мы выяснили, как молодые люди искали и находили работу.

Молодежь, имеющая основную работу, чаще всего находила рабочее место через родственников, ее доля составила 17,6%, 16,2% устраивались на работу лично в отделе кадров компании или организации, а 11,8% были трудоустроены благодаря средствам массовой информации. Только 7,4% респондентов нашли работу через государственное агентство занятости или агентство по трудоустройству, что свидетельствует о неэффективности сотрудничества этих учреждений с работодателем и работником. Большая часть работодателей в Латгальском регионе использует рекламу, чтобы найти новых сотрудников, а не помощь других учреждений. Данные опроса показывают, что в регионе есть молодые люди, которые достаточно предприимчивы, чтобы рискнуть и начать свой собственный бизнес (4,4% всех опрошенных респондентов). Наименьшую долю (2,9%) составили молодые люди, которые нашли работу по приглашению руководства компании или персонала, а 1,5% — благодаря межличностному общению при занятиях спортом.

Нашли дополнительную работу через средства массовой информации (интернет, телевидение, радио, пресса) 13,6% молодых людей, такая же доля приходится на тех, которые трудоустроились другим способом (не указывали, каким образом). Создали собственный бизнес 9,1%, и 2,3% согласились на дополнительную работу по приглашению руководителей или сотрудников организации.

В общем относительно возможностей трудоустройства в Латгальском регионе для молодых людей, занятых на основной или дополнительной работе, можно сделать вывод, что наиболее часто используемые возможности поиска работы — через друзей, знакомых или родственников.

На вопрос об основных причинах увольнения с работы большая часть респондентов (25,6% работающих на основной работе и 25,6% — на дополнительной) ответила, что это связано с тем, что они начинают учебу в учебных заведениях. Другими причинами прекращения занятости на основной работе стали неудовлетворенность работников условиями труда, графиком работы и удаленностью от дома (16,7%), а также размер заработной платы (14,4%). Для 10% опрошенных молодых людей, работающих на основной работе, причинами увольнения были расторжение трудового договора, сокращение штата и даже ликвидация предприятия, в результате чего они потеряли работу. Другие респонденты назвали иные причины, например неудовлетворенность во взаимоотношениях с коллегами и начальством, переезд, изменение семейных обстоятельств (рождение детей, брак, уход за членом семьи, содержание семьи и т.д.), состояние здоровья, увольнение работодателем. Из опрошенных лиц, занятых на дополнительной работе, 5,9% прекратили трудовую деятельность из-за того, что не были удовлетворены размером заработной платы или истек срок трудового договора (2,9%).

Проведенное исследование также включало вопросы мотивационной активности молодежи: есть ли желание работать, найти работу, реализовать себя профессионально. Тех, кто работает, но не доволен текущей работой, спрашивали, ищут ли они другие возможности трудоустройства. В резюме результатов исследования делается вывод о том, что желание найти работу или другое

рабочее место, если оно уже есть, является мотивирующим для 78,3% опрошенных молодых людей Латгальского региона. Однако пятая часть (21,7%) открыто заявила, что у них нет желания работать.

Изучение значимых причин отказа от поиска работы среди молодежи показало, что определяющим фактором стала мотивация завершения своего профессионального образования: в этот момент респонденты учились в течение полного рабочего дня в учебных заведениях, смещая свои приоритеты в сторону получения профессионального образования. Часть молодых людей пользовалась только сезонными предложениями работы, когда летом не было учебы, и у них была возможность работать полный рабочий день. Принимая во внимание высокий уровень безработицы в Латгальском регионе, респонденты отметили также такие причины, как невозможность найти работу независимо от вида деятельности и времени, затраченного на поиск работы. В качестве других причин были упомянуты невозможность трудоустройства в непосредственной близости от дома (особенно в сельской местности), отсутствие соответствующего опыта, состояние здоровья.

Потеряли мотивацию и надежду найти работу 4,4% опрошенных молодых людей. Приведенные данные показывают, что учреждения социальной сферы должны принять меры по поддержке молодых людей Латгальского региона в вопросах трудоустройства с тем, чтобы исключить будущие риски значительного увеличения числа клиентов социальных учреждений. Лишь небольшая часть (3,3%) респондентов была удовлетворена своим нынешним местом и содержанием работы.

В целом наибольшие трудности, с которыми сталкиваются молодые люди при поиске работы, связаны с отсутствием опыта (46,3%). Это логично, так как молодежь в возрасте от 15 до 24 лет в основном продолжает учебу или только что закончила одно из учебных заведений. Латвия должна также обеспечить более активную занятость молодежи, опираясь на опыт других стран Европейского союза. Например, многие страны ЕС (Великобритания, Ирландия, Германия, Нидерланды, Франция и др.) реализуют национальные программы для работодателей по трудоустройству молодежи: адресность помощи трудоустройства, доплаты мастерам за профессиональную подготовку молодежи, субсидии предприятиям при найме молодежи, расширение сети общественных работ и др. Таким образом, молодые люди получают представление о работе, приобретают необходимый опыт и навыки. В то же время принятые национальные программы по содействию занятости молодежи в Греции, Испании, Италии, Португалии не дали желаемого результата — уровень молодежной безработицы здесь высокий и растет. Поэтому общей перспективной тенденцией в странах и регионах ЕС является повышение гибкости рынка труда молодежи (неполная и временная занятость).

В Латвии, в том числе в Латгальском регионе, существует серьезная проблема на рынке труда в отношении спроса на профессиональных работников требуемого профиля — учебные заведения готовят специалистов, которые не отвечают потребностям рынка труда. Проведенное исследование показало, что молодежь испытывает трудности в поиске работы по приобретенной профессии (22,7%). Молодые люди также считают, что знания и навыки, полученные в учебном заведении, не соответствуют требованиям работодателей (3,4%), а 2% респондентов столкнулись с ситуацией, когда работодатель частного предприятия не заинтересован в молодом специалисте и не желает вкладывать в него средства.

На вопрос, какие варианты трудоустройства являются наиболее предпочтительными для молодых людей, более четверти респондентов (27%) указали, что хотят открыть собственное дело. Это может положительно сказаться на общей картине занятости Латгальского региона, так как деловая активность в этом регионе оценивается как низкая по сравнению с другими регионами Латвии. Такое желание можно объяснить тем, что молодежь готова реализовывать собственные идеи, она не хочет подчиняться кому-либо и быть «поставленной в рамки».

Возможности трудовой миграции в другие страны Европейского союза также отражены в планах молодежи. Почти четверть опрошенных (21,2%) планируют выехать за границу в поисках работы. Считают латвийские крупные национальные компании привлекательным местом работы 18,9% молодых людей; такая же доля (18,9%) хочет устроиться на работу в небольшую местную частную компанию.

Меньшинство респондентов по-прежнему рассматривают возможность продолжения образования; только 10,8%, или 56 человек, планируют и желают продолжить учебу, чтобы получить высшее образование, в магистратуре, докторантуре или аспирантуре.

После изучения услуг, оказываемых Национальным агентством занятости (NEA), авторы пришли к выводу, что молодые люди не особенно активно ими пользуются. Только 17,4% полагаются и надеются на помощь NEA в поиске работы. Из всех опрошенных молодых людей только 46,4% (306 человек) зарегистрированы в Национальном агентстве занятости. В качестве причины отсутствия регистрации респонденты упомянули тот факт, что они продолжают учебу или уже трудоустроены. В свою очередь за последние три месяца NEA помогло найти работу, пройти обучение или переквалификацию, а также оказало психологическую поддержку 28,3%, или 82 молодым людям из 290, которые участвовали в опросе. Из тех респондентов, которые были зарегистрированы как безработные в NEA, только 47,9%, или 68 человек, получили помощь. Не были зарегистрированы в качестве безработных 134 молодых человека, или 81,7%, поэтому они не получили никакой помощи от Национального агентства занятости.

Оценивая причину отсутствия желаемой работы, опрошенные указали на недостаточность профессиональных, языковых знаний (английский, латышский, русский) и навыков, а также коммуникативных навыков, которые необходимы для общения с руководством, сотрудниками и клиентами (47,3%). Часть молодых людей (8%) признает, что им не хватает профессиональных навыков для работы с помощью специальных инструментов программного обеспечения для бизнеса, для работы на компьютере, в интернете (3,5%), что имеет большое значение в современном мире. Также отмечается отсутствие некоторых других навыков, например вождения на тракторе (1,5%).

В современном мире, следуя ритму времени и модернизации, каждый должен овладеть способностью быть мобильным. Это качество необходимо для молодых людей, чтобы лучше адаптироваться к современным реалиям жизни, к различным технологиям, к требованиям вакансий на рабочие места и т.д. В исследовании сделана попытка выяснить, понимают ли молодые люди Латгальского региона, что такое трудовая мобильность и как ее интерпретировать, что необходимо для ее активизации. На вопрос о том, что нужно молодым людям для того, чтобы быть мобильными в современном мире, 59,2%

респондентов ответили, что они нуждаются в знании иностранного языка, 48,8% и 48,3% указали, что они нуждаются соответственно в хорошем здоровье и качественном образовании, поскольку это дает более высокие шансы на рынке труда.

Приверженность молодежи своему государству, региону, месту жительства не так значима в современном мире, особенно это проявляется в странах, недавно вступивших в ЕС. Люди приспосабливаются к нынешней ситуации и используют возможности свободной внешней миграции не только на территории ЕС, но и за его пределами. В этом случае внешняя миграция охватывает не только возможности трудоустройства, но и получения образования вне Латвии.

В результате исследования также были выявлены причины, по которым молодежь Латгальского региона планирует жить и получать образование в Латвии. Большая часть опрошенных молодых людей, давших такой ответ (398 из 402 респондентов), указали, что основная причина остаться в Латвии в качестве студента или работника связана с семьей, друзьями и знакомыми, поскольку они являются важной частью их жизни. Эту психологическую причину можно объяснить следующим образом: для человека важны окружающие его люди, их поддержка и эмоциональное общение. В то же время 18,9% респондентов считают, что они могут развивать себя в Латвии, получать хорошее образование и делать то, что нравится и хочется; 11,9% проживают в Латвии из-за своей профессии, их знания и опыт востребованы в стране; 8,5% — латвийские патриоты, которые не могут представить себя живущими в другой стране; 6% остаются в Латвии, потому что она имеет богатое культурное наследие. Только 2,5% респондентов указали, что они смогут выехать за границу, если у них будет достаточно денег, или они планируют сделать это после окончания школы, или они не являются гражданами Латвии. Результаты опроса показывают, что большая часть безработной молодежи Латгальского региона сознательно отказывается эмигрировать за пределы Латвии и хотела бы связать свое будущее с регионом и страной.

На вопрос, есть ли вероятность того, что респонденты в будущем переедут за границу, более половины из них указали, что на данный момент у них нет опыта работы или учебы за границей и они не планируют переезжать за пределы Латвии. Из всех опрошенных молодых людей 17,3% имели возможность и опыт работы за рубежом, но сейчас не желают уезжать. В свою очередь, почти пятая часть опрошенных (23,8%, или 80 молодых людей) имела опыт работы за рубежом и планировала в ближайшее время вновь выехать за границу. Наименьшая доля (6%) приходится на молодых людей, которые не имеют опыта работы за рубежом, но собираются работать там.

Полученные данные свидетельствуют о существующей демографической проблеме миграции населения. Почти 30% молодых людей, которые были опрошены в Латгалии, были готовы поехать работать за границу, что является основанием для беспокойства по поводу такой проблемы, как уменьшение количества молодежи в Латгальском регионе. Авторы исследования считают, что государственным учреждениям, ответственным за решение национальной миграционной проблемы, следует уделять больше внимания демографическому и социально-экономическому вопросам. Указанные вопросы объективно связаны с непростой ситуацией в экономике региона (и страны в целом) из-за слабой деловой активности в промышленной, сельскохозяйственной сферах, а также наукоемкой сфере услуг. Вышеперечисленные сферы несут основную нагрузку в обеспечении экономической стабильности, роста национальной экономики и уровня благосостояния населения страны.

Выводы

Рост конкуренции на рынке труда, появление и распространение гибких форм трудоустройства, включая специализированные виды деятельности по договору, а также работу вне штата для предприятий и организаций, ведут к росту неопределенности в сфере занятости как по времени трудоустройства, видам деятельности, так и по требованиям относительно уровня квалификации наемных работников. Это долгосрочная тенденция современного рынка труда, и на примере его молодежной части она проявляется в наиболее явной форме.

В Латгальском регионе Латвии сложились два типа экономического поведения возрастной группы от 15 до 24 лет. Один тип — активно адаптационный, это лица, которые ищут работу (78,3%), не только постоянную, но и дополнительную. Другой тип — пассивно адаптационный — полагается на услуги Национального агентства занятости (20,2%). В основном молодые люди находят работу с помощью родственников, друзей и знакомых (27,9%) или через вакансии, рекламируемые в СМИ (27,5%).

Довольно часто работодатели хотят, чтобы их потенциальные работники были профессионалами, обладающими опытом и инициативой, и работали за сравнительно низкую зарплату. Эти требования трудновыполнимы, поскольку в основном молодые люди не имеют опыта работы, уровня квалификации и рабочих навыков, соответствующих потребностям рынка труда.

Молодые люди признают, что зачастую знания, предлагаемые в учебных заведениях, не соответствуют запросам на рынке труда. Это приводит к росту безработицы, и молодежь вынуждена уезжать и искать работу за границей. В основном это низкоквалифицированные рабочие места, но с более высокой зарплатой по сравнению с уровнем зарплат в Латвии. Это способствует миграции населения из страны в зарубежные страны, соответственно, вызывая проблему снижения численности населения в Латвии.

Часть молодых людей (30%) воспринимает миграцию в зарубежные страны как решение своих проблем, однако большее число молодежи (53%) Латгальского региона в возрасте от 15 до 24 лет пытается остаться по месту жительства, чтобы получить образование и найти работу в Латвии. Существенными мотивами такого поведения являются как рациональные, так и эмоциональные причины: необходимость тесного контакта с родными и близкими, вера в себя и свои сильные стороны в профессиональной сфере (в том числе создание собственного бизнеса в будущем), патриотизм и желание жить в привычной среде с традиционным культурным уровнем и богатым культурным наследием.

Существенными трудностями при поиске работы, с точки зрения молодежи, является отсутствие:

- опыта работы (46,3%), необходимых рабочих мест (22,7%);
- спроса на приобретенные профессии и возрастная дискриминация на рынке труда (9,4%);
- государственного языкового сертификата, требуемого для допуска к работе разной квалификации; языковых знаний и коммуникативных умений (8,4%);
- интереса и желания обучать молодых специалистов у работодателей частных предприятий (5,9%);
- навыков работы с программным обеспечением, а также несоответствие между знаниями и навыками, приобретенными в профессиональных учебных заведениях, и требованиями работодателей (3,4%).

Лишь небольшая часть (10,8%) латгальской молодежи видит возможность продолжить высшее образование в магистратуре, аспирантуре (докторантуре). Это связано с отсутствием времени, низким уровнем заработной платы на текущем рабочем месте и общей нехваткой получаемых молодежью доходов, что не позволяет повысить ей свой образовательный и профессиональный уровень.

Часть молодежи (11%) Латгальского региона потеряла мотивацию и надежду найти работу, поэтому учреждения социальной сферы должны принимать меры в оказании помощи молодым людям в восстановлении надежды и мотивации в вопросах занятости. Если работа над этой проблемой не начнется сейчас, то в будущем существует риск роста числа клиентов социальных учреждений.

Учитывая опыт стран Европейского союза, необходимо вести более активную национальную политику занятости молодежи Латвии, включая гибкую занятость. Многие страны ЕС (например, Великобритания, Ирландия, Германия, Нидерланды, Франция и др.) реализуют национальные программы для работодателей, связанные с вопросами занятости молодежи, — адресность помощи в трудоустройстве, доплаты мастерам за профессиональную подготовку молодежи, субсидии предприятиям при найме молодежи, расширение сети общественных работ и др. Таким образом, молодые люди учатся специфике выполнения рабочих операций, получают представление о работе, приобретают необходимый опыт и навыки.

Список литературы

1. *Jakovļeva I., Ruža O., Stašāne J.* Bezdarba analīze Latvijā un to mīļiedarbība ar makroekonomiskajiem rādītājiem, no 2009.g.—2014.g. // DU SZF Starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums «Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2015» III.daļa ekonomikas aktualitātes. 2016. L. 16.—27. URL: https://du.lv/wp-content/uploads/2018/10/SZF-krajums_III_Ekonomikas-aktualitates_2016_DRUKA.pdf (дата обращения: 28.03.2018).
2. *Воронов В.В.* Теория и практика социально-экономического развития: Избранные работы по экономической социологии. Saarbrücken, 2012.
3. *Hudson M., Sommers J.* World Economic Crisis: Latvia's Neoliberal Madness. URL: <https://www.globalresearch.ca/world-economic-crisis-latvia-s-neoliberal-madness/17627> (дата обращения: 28.12.2015).
4. *Грейсон К. Дж.* Рынок труда на пороге XXI века. М., 2009.
5. *Junankar P.N.* Economic and Labour Relations Review: The Impact of the Global Financial Crisis on Youth Unemployment // *The Economic and Labour Relations Review*. 2015. Vol. 26, №2. P. 191—217.
6. *Davydenko V., Kazmierczyk J., Romashkina G., Zelichowska E.* Diversity of Employee Incentives from the Perspective of Banks Employees in Poland — Empirical Approach // *The International Journal Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2017. Vol. 5, №1. P. 116—124. doi: 10.9770/jesi.2017.5.1(9)
7. *Demidova O., Marelli E., Signorelli M.* Youth Labour Market Performances in the Russian and Italian Regions // *Economic Systems*. 2015. №1. P. 43—58. doi: 10.1016/j.ecosys.2014.06.003.
8. *Bruno G.S.F., Choudhry M.T., Marelli E., Signorelli M.* Youth Unemployment and the Impact of Financial Crises // *International Journal of Manpower*. 2012. Vol. 33, №1. P. 76—95. doi: 10.1108/01437721211212538.
9. *Janiak A.* Mobility in Europe — Why it is Low, the Bottlenecks and the Policy Solutions // *European Commission Economic Papers*. 2008. №340. P. 10—16.
10. *Молодежная безработица приграничных регионов: опыт компаративного анализа / под науч. ред. Е.В. Ванкевич. Витебск, 2017.*
11. *Beņkovskis K.* Competitiveness of Latvia's Exporters// *Baltic Journal of Economics, Baltic International Centre for Economic Policy Studies*. 2012. Vol. 12, №2. P. 17—45. doi: 10.1080/1406099x.2012.10840516.

12. *Fadejeva L., Optane I.* Internal Labour Market Mobility in 2005—2014 in Latvia: the Micro Data Approach // *Baltic Journal of Economics*. 2016. Vol. 16, №2. P. 152—174. doi: 10.1080/1406099X.2016.1196872.
13. *Maguire S.* NEET, Unemployed, Inactive or Unknown — Why Does it Matter? *Educational Research*. 2015. Vol. 57, №2. P. 121—132, doi: 10.1080/00131881.2015.1030850.
14. *Jenkins J., Chandler M.* Labour Market Gross Flows Data from the Labour Force Survey // *Economic & Labour Market Review*. 2010. Vol. 4, №2. P. 25—30.
15. *O'Reilly J., Eichhorst W., Gabos A. et al.* Five Characteristics of Youth Unemployment in Europe: Flexibility, Education, Migration, Family Legacies, and EU Policy // *SAGE Open*. 2015. Vol. 5, №1. P. 1—19. doi: 10.1177/2158244015574962.
16. *Paci P., Tiangson E. R., Walewski M., Liwinski J.* Internal Labour Mobility in Central Europe and the Baltic Region: Evidence from Labour Force Surveys // *The Labour Market Impact of the EU Enlargement. A New Regional Geography of Europe?* / ed. by F. E. Caroleo and F. A. Pastore. Berlin ; Heidelberg, 2010. P. 197—225.
17. *Blanchard O., Diamond, P. A.* The Flow Approach to Labor Markets // *American Economic Review*. 1992. Vol. 82, №2. P. 354—359.

Об авторах

Виктор Васильевич Воронов, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Россия; приглашенный исследователь, Центр социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук, Даугавпилский университет, Латвия.

E-mail: viktor.voronov@du.lv
ORCID: 0000-0002-1022-3692

Оксана Павловна Ружа, доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник Центра социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук, Даугавпилский университет, Латвия.

E-mail: oksana.ruza@du.lv

Для цитирования:

Воронов В. В., Ружа О. П. Безработица среди молодежи Латгальского региона Латвии: причины и следствия // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10, №4. С. 88—102. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-6.

YOUTH UNEMPLOYMENT IN THE LATGALE REGION OF LATVIA: CAUSES AND CONSEQUENCES

V. V. Voronov^{1, 2}

O. P. Ruza¹

¹ *Daugavpils University*

1 Parades St., Daugavpils, Latvia, LV-5401

² *Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*

24/35 Krzhizhanovsky St., Bldg. 5, Moscow, 117218, Russia

Submitted on June 26, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-6

Youth unemployment is a serious problem in Latvia, as unemployed young people make up 16.3% of the total number of unemployed in the country, while in the Latgale region the number of unemployed young people aged 15—24 years was 18.8% of the total number of unemployed in the country in 2015. The purpose of this study is to identify the main current

causes of high unemployment amongst young people in the Latgale region of Latvia aged 15–24 years. This age group of young people acted as a target group for sociological research based on a quota sample (by sex and age) in an online survey of respondents in 2016. The results of the study were processed using the Statistika program.

The transformation of social and economic processes in the world, Europe and the post-Soviet space has led to changes in the labor market of young people, which are objective and subjective, contradictory, which continue to this day. It is established that the behavioral rationalism of young people (labor mobility, vocational education, etc.) in the regional labor market is combined with its behavioral irrationalism (lack of desire to work for various reasons, the need for contact with family and friends, etc.). This is due to the growing uncertainty in the youth labor market due to the growth of competition, the emergence and growth of flexible forms of employment, depriving young people of the clarity of career and confidence in the future.

The survey results also show that the majority of unemployed youth in the Latgale region deliberately refuses to emigrate outside Latvia and would like to link their future with the region and the country.

Keywords: youth unemployment, unemployment problems, unemployment rate in Latvia, economic behaviour in youth, regional labour market

References

1. Jakovļeva, I., Ruža, O., Stašāne, J. 2015, Bezdarba analīze Latvijā un to mijiedarbība ar makroekonomiskajiem rādītāji, no 2009.g.—2014.g. [Unemployment Analysis in Latvia and its Interaction with Macroeconomic Indicators, 2009—2014] *DU SZF Starptautisko zinātnisko konferenču rakstu krājums „Sociālās zinātnes reģionālajai attīstībai 2015”* [The International Scientific Conference "Social Science for Regional Development 2015"], p. 27 (in Latv.).
2. Voronov, V.V. 2014, *Teoriya i praktika sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: Izbrannye raboty po ekonomicheskoi sotsiologii* [Theory and practice of socio-economic development], Saarbrücken, 567 p. (in Russ.).
3. Hudson, M., Sommers, J. World Economic Crisis: Latvia's Neoliberal Madness, *Global Research*, available at: <https://www.globalresearch.ca/world-economic-crisis-latvia-s-neoliberal-madness/17627> (accessed 28 December 2015).
4. Grayson, C.J. 2009, *Rynok truda na poroge XXI veka* [Labor market on the threshold of the XXI century], Moscow, 315 p. (in Russ.).
5. Junankar, P.N. 2015, Economic and Labour Relations Review: The Impact of the Global Financial Crisis on Youth Unemployment, *The Economic and Labour Relations Review*, Vol. 26, no. 2, p. 191—217.
6. Davydenko, V., Kazmierczyk, J., Romashkina, G., Zelichowska, E. 2017, Diversity of Employee Incentives from the Perspective of Banks Employees in Poland — Empirical Approach, *The International Journal Entrepreneurship and Sustainability Issues*, Vol. 5, no. 1, p. 116—124. doi: 10.9770/jesi.2017.5.1(9).
7. Demidova, O., Marelli, E., Signorelli, M. 2015, Youth Labour Market Performances in the Russian and Italian Regions, *Economic Systems*, no. 1, p. 43—58. doi: 10.1016/j.ecosys.2014.06.003.
8. Bruno, G.S.F., Choudhry, M.T., Marelli, E., Signorelli, M. 2012, Youth Unemployment and the Impact of Financial Crises, *International Journal of Manpower*, Vol. 33, no. 1, p. 76—95. doi: 0.1108/01437721211212538.
9. Janiak, A. 2008, Mobility in Europe — Why it is Low, the Bottlenecks and the Policy Solutions, *European Commission Economic Papers*, no. 340.
10. Vankevich, E.V. 2017, *Molodezhnaya bezrobotitsa prigranichnykh regionov: opyt komparativnogo analiza* [Youth unemployment in border regions: an experience of comparative analysis], Vitebsk, 157 p. (in Russ.).
11. Beņkovskis, K. 2012, Competitiveness of Latvia's Exporters, *Baltic Journal of Economics*, Vol. 12, no. 2, p. 17—45. doi: 10.1080/1406099x.2012.10840516.
12. Fadejeva, L., Opmane, I. 2016, Internal Labour Market Mobility in 2005—2014 in Latvia: the Micro Data Approach, *Baltic Journal of Economics*, Vol. 16, no. 2, p. 152—174. doi: 10.1080/1406099X.2016.1196872.

13. Maguire, S. 2015, NEET, Unemployed, Inactive or Unknown — Why Does it Matter? *Educational Research*, Vol. 57, no. 2, p. 121—132. doi: 10.1080/00131881.2015.1030850.
14. Jenkins, J., Chandler, M. 2010, Labour Market Gross Flows Data from the Labour Force Survey, *Economic & Labour Market Review*, Vol. 4, no. 2, p. 25—30.
15. O'Reilly, J., Eichhorst, W., Gabos, A., Russell, H., Villa, P. 2015, Five Characteristics of Youth Unemployment in Europe: Flexibility, Education, Migration, Family Legacies, and EU Policy, *SAGE Open*, Vol. 5, no. 1, p. 1—19. doi: 10.1177/2158244015574962.
16. Paci, P., Tionsong, E. R., Walewski, M., Liwinski, J. 2010, Internal Labour Mobility in Central Europe and the Baltic Region: Evidence from Labour Force Surveys. In: Caroleo, F. E., Pastore, F. A. (ed.). *The Labour Market Impact of the EU Enlargement. A New Regional Geography of Europe?* Berlin Heidelberg, Springer-Verlag, p. 197—225.
17. Blanchard, O., Diamond, P. A. 1992, The Flow Approach to Labor Markets, *American Economic Review*, Vol. 82, no. 2, p. 354—359.

The authors

Prof. Viktor V. Voronov, Leading Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia; Leading Research Fellow, Social Studies Centre, Institute of the Humanities and Social Sciences, Daugavpils University, Latvia.

E-mail: viktor.voronov@du.lv
ORCID: 0000-0002-1022-3692

Dr Oksana P. Ruza, Research Fellow, Social Studies Centre, Institute of the Humanities and Social Sciences, Daugavpils University, Latvia.

E-mail: oksana.ruza@du.lv

To cite this article:

Voronov, V. V., Ruza, O. P. 2018, Youth unemployment in the Latgale region of Latvia: causes and consequences, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 88—102. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-6.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИЙСКО- ФИНЛЯНДСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

С. В. Степанова¹
Е. А. Шлапеко¹

Рассматривается проблематика развития трансграничной торговли и туризма в российско-финляндском приграничье в XIX—XXI веках. Обосновывается существование трансграничной торговли во все периоды развития российско-финляндского приграничья, формы организации которой определялись проводимой государственной политикой.

Спрос местного населения на определенные виды товаров из-за рубежа в силу их отсутствия или высокой стоимости и возможность получения дополнительного, а иногда основного дохода определяли развитие трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье на протяжении XIX—XXI веков.

Выделены периоды (коробейничество, советско-финляндский туризм, челночный бизнес, современный шопинг-туризм) в развитии трансграничной торговли, выявлены основные тенденции и их специфика. Обобщены практики развития трансграничной торговли в различные исторические периоды и сопоставлены организационные, институциональные и инфраструктурные условия ее обеспечения. Обоснована смена вектора финансовых и товарных потоков в развитии трансграничной торговли: ввоз товаров на территорию приграничных регионов Финляндии и вывоз денег до начала XX века и, начиная с 1920-х годов, обратная тенденция, усиливающаяся в последнее время.

Целью статьи является периодизация и выявление тенденций и специфики развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье на протяжении XIX—XXI веков. В рамках исследования применялся анализ статистической и аналитической информации. Изложены теоретические подходы российских и европейских ученых к исследованию феномена приграничного шопинг-туризма.

Представлен опыт приграничных регионов Финляндии по стимулированию въездного потока российских шопинг-туристов на территорию Финляндии, выделены основные факторы привлекательности сопредельного государства для россиян.

Ключевые слова: приграничный регион, российско-финляндское приграничье, шопинг-туризм, Республика Карелия, Финляндия, коробейничество

Введение

Развитие трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье в исторической ретроспективе XIX—XXI ве-

¹ Институт экономики
Карельского научного центра РАН,
185030, Россия, Республика Карелия,
Петрозаводск, просп. А. Невского, 50.

Поступила в редакцию 11.05.2017 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7

© Степанова С. В., Шлапеко Е. А., 2018

ков (коробейничество, советско-финляндский туризм, челночный бизнес, шопинг-туризм) определяется, с одной стороны, спросом местного населения на определенные виды товаров из-за рубежа в силу их отсутствия или существенной разницы цен, с другой — возможностью получения дополнительного, а иногда основного дохода. Кроме указанных факторов современные возможности проведения досуга и приятного времяпровождения оказывают положительное влияние на развитие шопинг-туризма. Трансграничная торговля существовала во все периоды развития российско-финляндского приграничья, принимая различные формы в зависимости от проводимой государствами политики. Следует подчеркнуть, что коробейничество, советско-финляндские обмены и современный шопинг-туризм способствовали формированию интереса к приграничной территории по обе стороны российско-финляндской границы на протяжении всей истории.

Вместе с тем необходимо указать, что различные аспекты развития разнообразных форм трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье рассматривались в работах российских и финских исследователей. Так, исторические аспекты развития разносной торговли раскрыты в статьях Д. В. Базегского [1], И. С. Нестеровой [3; 4]. Наибольшее число исследований посвящено советскому периоду, доминирующая часть которых представлена работами финских ученых: Л. И. Вавулинской [2], Ю. М. Килина [12] (Россия), А. Костайнена [8], А. Кяюхтю [24], А. Лайне [6; 7], Ю. Г. Шикалова, Т. Хямюнена [11] (Финляндия), которые раскрывают политические, экономические, социокультурные и иные аспекты взаимодействия. Современные работы зарубежных коллег О. Ю. Гуровой и С. Ратилайнен [14], базирующиеся на социологических методах исследования и контент-анализе информационных источников, нацелены на выявление предпочтений российских туристов и рассматривают изменение отношения к ним со стороны локального сообщества. Вместе с тем имеющийся научный задел не позволяет в полной мере изучить феномен трансграничной торговли и оценить его масштабы в российско-финляндском приграничье на протяжении XIX—XX веков. Кроме того, существующие наработки носят фрагментарный характер, локализуясь в конкретных точках (например, в г. Хельсинки, г. Выборге и др.). Актуальность и новизна настоящей работы заключается в проведении комплексного исследования, периодизации, а также выявлении тенденций и специфики развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье в исторической ретроспективе и на современном этапе.

В данной статье основной фокус внимания будет направлен на изучение практик трансграничной торговли и туризма на территории приграничных регионов Финляндии. Высокая степень заинтересованности финской стороны в стимулировании въездного потока российских граждан с целью приобретения товаров и услуг оказывает мультипликативный эффект на локальные экономики приграничных регионов Финляндии. Целью статьи является периодизация и выявление тенденций и специфики развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье на протяжении XIX—XXI веков.

Развитие торговли местного населения в приграничье в XIX — начале XX века: исторические аспекты

Занятие разносной торговлей (коробейничество) на территории Великого княжества Финляндского в XIX—XX веках имело решающее значение в получении «живых» денег, необходимых для уплаты податей и закупки зерна для большинства карельских крестьян, хотя по большей части осуществлялся

натуральный обмен. Развитию коробейничества служили удаленность населенных пунктов друг от друга, слабая сельская торговая сеть в Финляндии, а также сходство языков и культур [1—7]. В Финляндию коробейники обычно доставляли хлеб, муку, соль, лен, кожи, ткани, иголки, зеркала и пр., из Финляндии — пушнину (шкурки лисиц, белок, горностаев и пр.), а также «датские» юбки, чай, кофе, ром, вина и пр., к началу XX века — еще и продукцию химической и целлюлозно-бумажной промышленности, а также металлические изделия [2; 5]. Одновременно карельское население ряда приграничных уездов современной Республики Карелия многие предметы первой необходимости приобретало в Финляндии, что обуславливалось территориальной близостью и экономической целесообразностью [4]. После включения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи масштабы коробейничества значительно возросли [2].

Коробейничеством занимались как бедные, так и зажиточные крестьяне приграничной территории современной Республики Карелия. Бедные («безлошадные») составляли около 40% от общего числа торговцев) попадали в кабалу от зажиточных крестьян, предоставлявших товары в кредит под 20%. Крестьяне-середняки, имевшие небольшой, но устойчивый доход от своего хозяйства, занимались коробейничеством менее активно [5]. Успешная торговля позволяла торговцам в отдельных случаях открывать собственные лавки на территории Финляндии, а со второй половины XIX века появилась тенденция переселения разбогатевших карел на территорию сопредельного государства [1; 3].

Согласно правилам, торговцу необходимо было получить свидетельство у начальника губернии, в которой планировалась торговля, внести в губернское казначейство годовой взнос, уплатить налог общине с дохода от промысла, после чего он получал плакатный паспорт. На деле в вопросе конкретики наличия документов царя не разбирался, большинство крестьян уходило на промысел давно проложенными тайными тропами, при отсутствии документов. В качестве препятствующих развитию разносной торговли карел мер следует указать предписание Сената от 12 марта 1818 года, подписанное Александром I в 1820 году (запрет на разносную торговлю крестьян Архангельской губернии); положение о разрешении сельской торговли в Великом княжестве Финляндском 1859 года (право открытия магазина только финляндским подданным); указ о промыслах, одобренный Александром II в 1868 году (право на торговлю имели только подданные Финляндии, умевшие писать и заполнять книгу счетов, продажа только финских товаров) [3; 4].

С падением товарооборотов ярмарок на Русском Севере коробейники перестали играть прежнюю роль в торговых операциях. Согласно указу от 31 марта 1879 года, ведение торговли разрешалось иностранцам на основании запроса на имя губернатора с приложением удостоверения о хорошем имени подателя и платежного поручительства об уплате казенных повинностей за три года [3; 4; 6; 7]. Вместе с тем в конце XIX века Финляндию ежегодно посещали одна-две тысячи торговцев [6; 7]. В период Крымской войны (1853—1856) стоимость доставленных карельскими коробейниками товаров в Великое княжество составляла примерно половину официального экспорта России в княжество [1]. При этом годовая выручка одного торговца в середине XIX века достигала 250—300 руб. серебром, всего в Финляндию ввозилось товаров на 1,3 млн руб. В 1870-е годы оборот торговли достигал 2 млн руб. в год, общая прибыль — 80—90 тыс. руб. в год, а прибыль на одного торговца — 30—80 руб. В 1870-е годы почти четверть всех товаров, ввозимых в Финляндию из России, доставляли именно коробейники [5].

В начале XX века из-за слухов о переделе земель карельские коробейники стали терпеть притеснения: некоторые финляндские общины давали предписания о том, как следует обращаться с разносными торговцами из Карелии. Местные финские жители, наоборот, чаще помогали торговцам (укрывали их от проверок), за что также несли наказание. Летом 1899 года карельские крестьяне из Ухты, Вокнаволока и Кестеньги составили прошение генерал-губернатору Великого княжества Финляндского с целью узаконить коробейный промысел как единственный дающий средства к существованию [3]. Указ от 2 июля 1900 года уравнивал в правах ведение торговли в княжестве российских и финских крестьян, но вместе с тем существовавший указ о промыслах 1859 года (запрет на сельскую торговлю) оставался в силе. Постепенно конкуренция со стороны финских лавочников, в том числе переселившихся в Финляндию разбогатевших торговцев-карел, сократила доходы коробейников. Так, в 1885—1900 годах заработок одного торговца не превышал 40—60 руб. [5]. Таким образом, на протяжении XIX и начала XX века юридический статус карельских коробейников оставался неопределенным, вместе с тем размытые формулировки скорее были выгодны самим торговцам: люди пользовались возможностью прокормить семьи и внести все необходимые подати.

Возможности советско-финляндского туризма и трансграничной торговли

Развитие международного туризма и, соответственно, трансграничной торговли в СССР определялось господствующей в стране идеологией и проводимой политикой, результатом которой (с формированием к концу 20-х годов XX века «железного занавеса») стало ограничение перемещения советских граждан в капиталистические страны. В связи с этим возможности посещения заграницы были предоставлены достаточно ограниченному числу советских граждан, аналогично ограничивался въезд иностранных граждан на территорию Советского Союза. Следует указать, что благодаря тесным дружественным связям с СССР Финляндия была исключением среди капиталистических государств и занимала лидирующую позицию по линии развития международного туризма: финские туристы составляли более половины всех туристов, прибывающих из капиталистических стран [8; 9].

Обязательным условием совершения поездки советских граждан за рубеж было выполнение определенной процедуры: оформление документов с последующим их рассмотрением и согласованием несколькими инстанциями и только при наличии положительных характеристик получение разрешения на выезд за рубеж. В этот период были разработаны специальные памятки гражданам СССР, выезжающим за границу. Кроме того, каждую группу возглавлял специально подобранный руководитель, который по завершении поездки представлял отчет [9]. Лимитированный объем валюты на руках советских граждан во время пребывания за границей, а также согласованный маршрут путешествия не способствовали совершению покупок за рубежом. Вместе с тем в условиях ограничений трансграничная торговля все равно осуществлялась, и в 1960—1980 годах проявились «теневые» аспекты выездного советского туризма, включая нелегальную продажу товаров заграничного производства («фарцовка»). Товары либо приобретали путем выманивания у финских туристов, либо покупали в Финляндии и доставляли контрабандой в СССР. Например, в 1970-х годах в г. Выборге среди местных жителей появились спекулянты-фарцовщики, специализировавшиеся на торговле валютой и покупке финских товаров [10]. Выборг получил название «города фарцовщиков», которые наживались на разнице в цене [11, с. 241].

Побратимские связи послужили основой для развития двусторонних контактов местного населения двух государств (Ленинград — Турку, 1953; Петро-

заводск — Варкаус, 1965; Выборг — Лаппеенранта, 1987). В качестве эталонного примера на уровне Советского Союза следует привести опыт побратимского движения Петрозаводск — Варкаус, одним из аспектов которого стало развитие международного туризма. Так, в 1966 году Финляндию в организованном порядке посетили 110 туристов из Республики Карелии, а Республику Карелию — 300 финских граждан. Кроме того, по вызовам родственников и другим причинам в Финляндию выезжали около 300 частных лиц в год. К концу 1980-х годов число обоюдных обменов достигало 500 человек в год [12].

Теоретические аспекты развития шопинг-туризма в приграничье

В условиях современности трансграничный шопинг представляет собой одно из популярных направлений туризма жителей приграничья сопредельных государств. К настоящему времени в зарубежной научной литературе достаточно широко представлены теоретические и практические аспекты приграничного шопинг-туризма [6; 11; 13—18]. В российских исследованиях данная проблематика стала появляться значительно позднее, что обусловлено спецификой развития приграничных территорий в исторической ретроспективе [19; 20]. Согласно профессору Д. Тимоти, тремя основными движущими факторами совершения поездки с целью шопинга являются поиск необходимых товаров потребления (выбор конкретного товара, сувениры, возможности магазинов *duty free*), выбор конкретной дестинации и ценовые преимущества [21], что наиболее ярко проявляется на территории приграничных регионов, характеризующихся в большинстве случаев существенными экономическими, правовыми и социальными различиями по разные стороны государственной границы. Выделяют четыре условия, раскрывающие возможности развития приграничного шопинг-туризма [21]:

- контраст в ассортименте, качестве и цене товаров на противоположной стороне границы;
- информация о возможностях совершения покупок на противоположной стороне границы;
- возможность и готовность населения совершить поездку;
- достаточная проницаемость государственных границ.

Трансграничный шопинг стимулируется экономическими факторами: возврат налога на добавленную стоимость (НДС) — *tax free*, шопинг в магазинах беспошлинной торговли *duty free*, распродажи и шопинг в секонд-хендах и на блошиных рынках [13].

В научной литературе выделяется два вида практик взаимодействия туризма и шопинга в зависимости от предпочтений туристов и целей их поездки, что обуславливает различные подходы к маркетинговому продвижению товаров и услуг на приграничных территориях [17; 21]:

- шопинг-туризм (*shopping tourism*), где шопинг представляется основной целью путешествия;
- туристский шопинг (*tourist shopping, recreational shopping*), когда шопинг является составной, но не основной частью путешествия.

Исследователи указывают, что помимо приобретения определенных товаров и услуг на противоположной стороне границы шопинг-туризм — это одна из возможностей проведения досуга, например в период каникул и отпусков [22]. На основе работ, посвященных маркетингу территорий, шопинг-туризму и туристским attractionям, Т. Макконен, исследователю Университета Южной Дании, резюмирует, что шопинг-туризм представляет собой составную часть туристской привлекательности территории [16].

В зависимости от мотивационных факторов выделяют три категории шопинг-туризма: приобретение товаров или услуг (более дешевых, более качественных или уникальных); приобретение товаров как отдых (обычно сувениры и подарки) и шопинг как организованная коммерческая поездка.

Туристский шопинг — неотъемлемая часть путешествия большинства туристов, желающих сохранить воспоминания о дестинации (сувениры, подарки). В туристских дестинациях бизнес, ориентированный на туристов и способный удовлетворить их потребности, разрабатывает отдельные маркетинговые стратегии по привлечению данного сегмента потребителей в торговые центры, сувенирные магазины и другие торговые точки. В настоящей статье такой вид практики не будет рассмотрен, фокус внимания обращен на развитие исключительно приграничного шопинг-туризма (как с целью приобретения товаров «для себя», так и с коммерческой целью). При приобретении товаров с коммерческой целью их реализация осуществляется через социальные сети, знакомых, курьерскую доставку товаров под заказ в организации. Несмотря на ограничения по объемам ввозимых товаров, такой вид деятельности является весьма распространенным, однако жители российско-финляндского приграничья предпочитают не сообщать о своих доходах.

В приграничных российских регионах организация шоп-туров в последние годы становится все более востребованным туристским продуктом, ориентированным на местное население. Вместе с тем исследователи указывают, что развитие приграничной розничной торговли таит в себе определенные угрозы: утрата интереса жителей сопредельного государства к товарам и услугам, возникновение трудностей при пересечении государственной границы, «зеркальные» прибыли и убытки компаний по разные стороны границы [15; 23].

Шопинг-туризм российских граждан в приграничных регионах Финляндии

В настоящее время российские предприниматели, приобретающие товары с коммерческой целью, наравне с шопинг-туристами представляются источником благосостояния для части жителей приграничных регионов Финляндии (рис.).

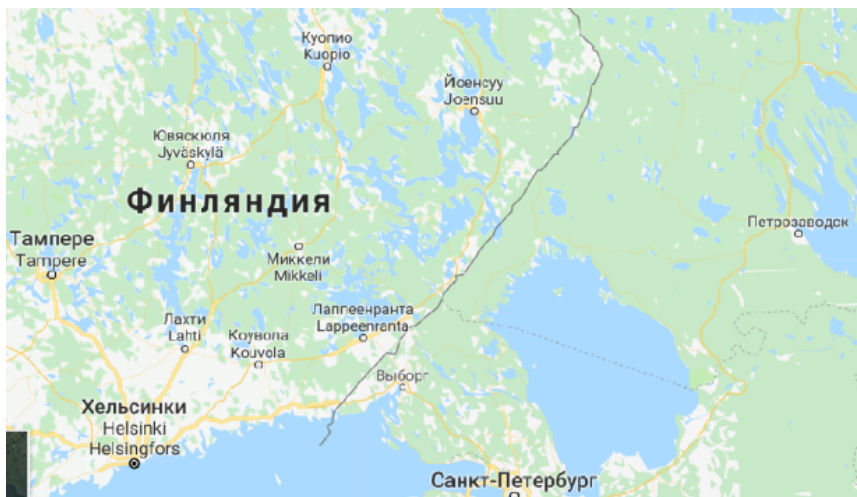

Рис. Участок российско-финляндской границы

Источник: картографический сервис *Googlemaps*.

Согласно А. Кяюхтю, благодаря российским туристам приграничный г. Лаппеенранта из «глухого приграничного городишки» преобразился в «торговый центр» [24]. Так, в 2013 году из 2 млн туристов Лаппеенранты (численность населения города 75 тыс. человек) 1,8 млн составили российские граждане, которые совокупно потратили 300 млн евро¹.

В историческом контексте снятие «железного занавеса» послужило предпосылкой развития шопинг-туризма в российско-финляндском приграничье, первым этапом которого можно считать «челночный» бизнес, в котором участвовал каждый десятый прибывший в Финляндию россиянин. После распада СССР различные таможенные процедуры (таможенные пошлины, ограничения на вес ввозимого и вывозимого товара) обусловили появление «профессиональной» группы перевозчиков товаров из Финляндии в Россию. В 2006 году в связи с ограничением ввоза товаров с 50 до 35 кг и частоты его беспошлинного провоза с раза в неделю до одного раза в месяц число «челноков» заметно снизилось [13].

О. Гурова и С. Ратиланен указывают на то, что восприятие «туристов с востока» (россиян) на территории Финляндии претерпело значительные изменения: если в начале 1990-х годов это были «челноки», ставящие под угрозу внутренний социальный порядок, то в настоящее время российский турист — потребитель и потенциальный клиент [14].

В последние годы популярность трансграничной торговли и шопинг-туризма среди россиян значительно возросла. Российский турист — самая многочисленная группа (36% в 2016 году) во въездном туристском потоке в Финляндию. В 2016 году россияне потратили в сопредельном государстве около 470 млн евро (в 2015 — около 1 млрд евро; в 2013 — 1,3 млрд евро), что составляет в среднем 174 евро за поездку или 82 евро в день на человека². Финляндия представляется в качестве одного из популярных направлений совершения покупок среди жителей приграничных регионов Северо-Запада России. В качестве мер, предпринимаемых бизнесом для усиления туристского потока, можно выделить:

- социализирующую функцию навигации (надписи на русском языке);
- обслуживание туристов на русском языке;
- выпуск информационно-туристской литературы на русском языке;
- разработку и функционирование сайтов на русском языке.

Особое значение имеют системы *Tax free* (с 5 января 2017 года возврат осуществляется в поездах «Аллегро» и «Лев Толстой») и *Invoice*, культура обслуживания, инфраструктурные особенности торговли [13; 25], а также магазины беспошлинной торговли *duty free* (МАПП «Торфяновка», «Брусничное», «Вяртсиля», на Финляндском вокзале для пассажиров поезда «Аллегро», в аэропортах и на паромах). Магазины Хельсинки демонстрируют благожелательность и готовность к приему российских туристов: навигация и надписи на русском языке, организация торгового процесса и пр. [13]. Подобную практику осуществляют торговые точки и других приграничных населенных пунктов Финляндии. С ростом количества российских туристов финские приграничные города стали открывать торговые центры (в том числе недалеко от госграницы, например *Laplandia Market* в 800 м от пограничного перехода МАПП «Брусничное»), гостиницы разного ценового уровня и развивать со-

¹ Финляндия. URL: http://www.visit-plus.com/ru/finland_russia (дата обращения: 03.05.2017).

² Россияне снова едут на шопинг. URL: <http://fontanka.fi/articles/31620/> (дата обращения: 17.04.2017); Шопинг в Финляндии: Меньше «Фейри», больше ресторанов. URL: <http://m.fontanka.fi/articles/33230/> (дата обращения: 03.05.2017).

путствующие услуги (активный отдых, спа-центры, аквапарки), совершенствуя рекламную кампанию на русском языке. Например, основными инструментами в рамках программы по продвижению туристских возможностей г. Лаппеенранты и г. Иматры от информационного портала *GoSaimaa* с бюджетом 3,3 млн евро стали рекламно-информационные публикации в СМИ, социальных сетях, туристских порталах и торговых центрах Санкт-Петербурга³.

Кроме обозначенных ранее факторов особое значение в развитии шопинг-туризма жителей Республики Карелии, Ленинградской области и Санкт-Петербурга в Финляндию имеют транспортная и ценовая доступность, возможность получения многократной шенгенской визы, удобство работы международных пунктов пропуска на государственной границе. Следует указать, что гражданам РФ, проживающим в Северо-Западном федеральном округе и имеющим постоянную или временную регистрацию, не нужно предоставлять документы для обоснования цели поездки. Наличие визового центра в г. Петрозаводске значительно упрощает процедуру получения визы жителями Республики Карелии, которые могут оформить ее сроком на два года и продолжительностью на 360 дней. Важную роль играют широкий спектр предложения шоп-туров, организуемых туристскими и транспортными компаниями на территорию сопредельного государства (табл.). Стандартная цена турпакета с целью шопинга включает в себя трансфер, страховку, посещение торговых центров, в ряде случаев проживание, питание и знакомство с туристскими объектами.

Популярные направления шопинг-туризма в Финляндию

Отправление	Петрозаводск			Санкт-Петербург		
	Йоэнсуу	Савонлинна	Куопио	Лаппеенранта	Хельсинки	Иматра
Расстояние	365 км	426 км	501 км	196 км	378 км	200 км
На машине (частным образом)						
Время в пути	5—6 ч	6—8 ч	7—8 ч	3 ч	7—8 ч	3 ч
Стоимость поездки в одну сторону	1 тыс. руб.	1 тыс. руб.	1,3 тыс. руб.	500 руб.	1 тыс. руб.	500 руб.
На автобусе (шоп-тур)						
Стоимость поездки туда и обратно	1,4 тыс. руб.	6 тыс. руб. (с ночевкой)	800—1300 руб.	1,6—2 тыс. руб.	800—1300 руб.	

Составлено и рассчитано авторами на основе туристских предложений компаний Республики Карелия и Санкт-Петербурга (по состоянию на май 2017 года).

У жителей Санкт-Петербурга есть возможность добраться до Хельсинки, используя железнодорожное (на поезде «Аллегро» за 3,5 ч, на поезде «Лев Толстой» — за 6 ч), а также автобусное сообщение (6 ч). В Республике Карелии функционирует ежедневный международный автобусный маршрут Петрозаводск — Йоэнсуу (7 ч). Интенсификация туристского потока через карельско-финляндскую границу на МАПП «Вяртсиля» послужила предпосылкой открытия в 1990-е годы в 2 км от пункта пропуска на территории Республики Карелии небольшого кафе «Колмас». В настоящее время основными видами деятельности ООО «Колмас Карелия» являются туризм, розничная торговля и организация общественного питания.

³ *Китайские* туристы — новая цель города Лаппеенранта. URL: <http://fontanka.fi/articles/20095/> (дата обращения: 17.04.2017).

О. Ю. Гурова указывает на парадокс интеграции приграничных регионов, с одной стороны, усиливающей возможности трансграничной мобильности, с другой — снижающей эффект «новизны» приграничной территории сопредельного государства. Например, появление зарубежных торговых сетей сокращает потребность в посещении приграничной территории сопредельного государства. В качестве причин, сдерживающих шопинг-туризм россиян в сопредельную Финляндию исследователь называет трудозатратность шопинга, развитие рынка в приграничных регионах, разочарование в характеристиках товара, сокращение сбережений российских туристов [13].

Введение санкций против России и рост курса евро негативно отразились на въездном потоке российских туристов в Финляндию. В последние годы наблюдается тенденция постепенного снижения интереса российских граждан к посещению территории сопредельной Финляндии с туристскими целями: в 2014 году — 4,2 млн человек, в 2015 — 3,1 млн и в 2016 — 2,9 млн⁴. По утверждению главы Центра парламентских исследований Университета Турку М. Йокисипиля, падение экспорта продовольственных товаров после введенных Россией контрсанкций составило 25 %⁵. По данным компании *Global Blue Oy*, совершающей операции по возврату налогов при покупках товаров *tax free*, в ноябре 2014 года россияне потратили на 43 % меньше финансовых средств в сравнении с показателями 2013 года. При этом налоговый возврат россиян составляет 83,5 % от общего возврата налогов⁶. В декабре 2014 года беспошлинные продажи в приграничных городах Финляндии снизились более чем на 70 %, наибольшие убытки потерпели Йознсуу, Иматра, Котка, Коуволла, Каяни, Лахти и Куопио⁷. Исследователи указывают, что введение Россией контрсанкций отразилось на финских производителях и местном рынке: например, стоимость сыра *Oltermanni* снизилась с 6—7 евро за 1 кг до 4 евро, при этом увеличился спрос среди местных потребителей [14]. Однако благодаря сформированным предпочтениям российских туристов трансграничная торговля продолжает развиваться, и шопинг-туризм из России постепенно после резкого спада начинает восстанавливаться. Так, в 2016 году в среднем сокращение объема продаж по системе *tax free* составило 18 %⁸. За период с января по март 2016 года, по данным финского офиса *Global Blue*, продажи по системе *tax free* выросли в приграничных городах Лаппеенранта (+63 %) и Иматра (+84 %) к показателю 2015 года. Согласно данным аналитическо-исследовательского центра *ТАК Оу*, за январь-август 2016 года средняя трата российского путешественника составляла 172 евро, из которых 114 евро приходились на шопинг⁹. В 2016 году высокие показатели роста продаж наблюдались в приграничных с Россией городах: Лаппеенранта (+34 %) и Йознсуу (+32 %), Иматра (+19 %), а также в аэропорте Вантаа (+48 %), в г. Лахти и Хамина (+37 %)¹⁰. В 2017 году,

⁴ Официальный сайт Федерального агентства по туризму. URL: <http://www.russiatourism.ru/> (дата обращения: 17.04.2017).

⁵ Участники «Балтийского диалога»: Общение гражданского общества и экспертов не должно зависеть от политической конъюнктуры. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/17531/> (дата обращения: 15.03.2017).

⁶ *Global Blue Oy*. URL: <http://localservices.globalblue.com/finland/local-news/myyntitilastot-marraskuu-2014-tax-free-shopping/> (дата обращения: 17.04.2017).

⁷ *Tax-free sales drop by up to 75 percent*. URL: http://yle.fi/uutiset/osasto/news/tax-free_sales_drop_by_up_to_75_percent/7726403 (дата обращения: 03.05.2017).

⁸ *Продажи среди россиян в Лаппеенранте выросли на треть*. URL: <https://colibris.ua/countries/finland/news/2175/> (дата обращения: 17.04.2017).

⁹ *Россияне снова едут на шопинг*. URL: <http://fontanka.fi/articles/31620/> (дата обращения: 17.04.2017).

¹⁰ *Продажи среди россиян в Лаппеенранте выросли на треть*. URL: <https://colibris.ua/countries/finland/news/2175/> (дата обращения: 17.04.2017).

по данным компании-оператора *Global Blue Oy*, наибольший рост продаж по системе *tax free* был зафиксирован в Савонлинне (98%), Хамине (80%), Лахти (66%), Иматре (65%) и Рованиеми (58%). В январе-апреле 2017 года беспошлинные покупки российских туристов увеличились в Финляндии на 44% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Самый динамичный рост был зафиксирован в феврале, когда объем беспошлинных покупок российских туристов вырос на 64% по сравнению с прошлогодним февралем¹¹.

По словам руководителя службы маркетинга и обслуживания клиентов администрации г. Лаппеенранта М. Рахман, основной причиной возвращения российских шопинг-туристов является стабилизация курса рубля по отношению к евро¹². Наиболее популярными товарами, приобретаемыми в Финляндии российскими туристами, являются продукты питания (75%, сыр и молочные продукты, рыба, чай и кофе, сладости), хозяйственные товары (30%, моющие средства, таблетки для посудомоечных машин и пр.) и одежда¹³.

Заключение

Исследование позволило выявить несколько периодов в развитии трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье в XIX—XXI веках:

- разносная торговля (коробейничество) XIX — начало XX века на территории Великого княжества Финляндского;
- советско-финляндские обмены, 1920—1990-е годы;
- челночный бизнес 1990-е годы — начало XXI века;
- шопинг-туризм начала XXI века — настоящее время.

В качестве критериев выделения периодов следует назвать государственное устройство, функции государственной границы, а также институциональные, организационные и инфраструктурные условия осуществления трансграничной торговли. В разные исторические периоды трансграничная торговля в российско-финляндском приграничье значительно отличалась по степени интенсивности. Особенностью периода разносной торговли является доставка необходимых товаров карельскими коробейниками на территорию современных приграничных регионов Финляндии с целью получения прибыли. Данный вид трансграничной торговли был достаточно выгодным и, при успешных практиках, позволял открыть собственные лавки на территории сопредельного государства. Советский период характеризовался ограничением трансграничной мобильности людей, товаров и услуг, трансграничная торговля практически отсутствовала, однако проявились ее теневые формы. В современных условиях выявляется усиливающаяся тенденция развития шопинг-туризма жителями приграничных регионов России с целью приобретения необходимых товаров и услуг на территории сопредельной Финляндии. Кроме того, существует потребность не только в покупке товаров и услуг, но также и в организации досуга. Таким образом, в развитии трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье можно выделить смену векторов товарных и

¹¹ *Suomalais-Venäläinen kauppakamari*. URL: <https://www.svkk.ru.html> (дата обращения: 16.07.2018).

¹² *Россияне снова едут на шопинг*. URL: <http://fontanka.fi/articles/31620/> (дата обращения: 17.04.2017).

¹³ *Шопинг в Финляндии: Меньше «Фейри», больше ресторанов*. URL: <http://m.fontanka.fi/articles/33230/> (дата обращения: 03.05.2017); *Топ самых популярных товаров из Финляндии*. URL: <http://gubdaily.ru/blog/obzor/top-samyx-populyarnyx-tovarov-iz-finlyandii/> (дата обращения: 17.04.2017).

финансовых потоков. До начала XX века наблюдалась тенденция вывоза товаров из России на территорию приграничных регионов современной Финляндии для получения дохода, а начиная с 1920-х годов появилась обратная тенденция, усиливающаяся в последние годы.

Интерес местных жителей и возможности передвижения определялись степенью открытости границы, установленными контактами и привлекательностью сопредельной территории. Современные жители российского приграничья выбирают Финляндию в качестве притягательной дестинации из-за транспортной доступности, развитой туристской инфраструктуры и широкого ассортимента качественных товаров по доступным ценам.

Стимулирование приграничного предпринимательства рассматривается в качестве приоритетного направления развития приграничных регионов по разные стороны российско-финляндской государственной границы. С учетом положительного эффекта активизации приграничной торговли и развития приграничных регионов Финляндии особое значение приобретает проблематика привлечения потока туристов сопредельного государства, поиск инструментов для усиления развития данного вида экономической деятельности на территории российского приграничья. В конкурентной борьбе за финансовые ресурсы туристов главную роль играет не столько близость населенного пункта к государственной границе, сколько его насыщенность необходимыми для потребителя товарами и услугами.

Принимая во внимание комплекс мер, осуществляемых финской стороной, по стимулированию въездного потока российских шопинг-туристов на территорию Финляндии, можно обобщенно сформулировать ряд рекомендаций для приграничных регионов России для активизации локальных экономик. К числу таких мер следует отнести оформление навигации и обслуживание финских граждан на финском языке, перевод сайтов компаний, ориентированных на жителей сопредельного государства, на финский язык, обустройство придорожной инфраструктуры и пр. Разработка детализированных рекомендаций органам власти регионального и муниципального уровней, бизнес-сообществу, некоммерческому сектору как Республики Карелии, так и других приграничных регионов России требует более тщательного изучения потребностей и предпочтений при осуществлении шопинга у финских граждан на территории приграничных регионов России. Дальнейшее исследование будет направлено на выявление специфики развития шопинг-туризма и в целом приграничного туризма финских граждан на территории приграничных регионов Северо-Запада России с целью выработки мер по усилению туристского потока из сопредельного государства и активизации экономики приграничных регионов.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания АААА-А16-116122810228-6 от 19.01.2016 г. по теме «Методология исследования эволюции северных периферийных регионов и разработка механизмов управления их экономическим развитием».

Список литературы

1. Базегский Д. В. Законодательство России и Финляндии в карельском коробейничестве в XIX — нач. XX в. // Вопросы истории Европейского Севера : сб. науч. ст. Петрозаводск, 1993. С. 43—51.
2. Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918—1922 гг. Петрозаводск, 2012.
3. Нестерова И. С. Карельские торговцы в Великом княжестве Финляндском // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Петрозаводск, 2012. С. 301—308.

4. *Нестерова И. С.* Приграничная торговля сельского населения Великого княжества Финляндского и Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. №5. С. 24—29.
5. *Пашков А. М.* Коробейники. URL: <http://ptzgovorit.ru/encyclopedia/kk/korobeiniki> (дата обращения: 30.01.2017).
6. *Laine A.* Karelia between two socio-cultural systems // Russian Karelia in search of a new role / ed. by H. Eskelinen, J. Oksa, D. Austin. Joensuu, 1994. P. 13—25.
7. *Laine A.* Suomalaisten yhteydet Neuvostoliiton Pohjois-Karjalaan 1900-luvulla toisen maailmansodan loppuun asti // Maaseutuvakea, hengen ja ruumiin kulttuuria. Historian tutkimuksia. 1991. №8. P. 97—119.
8. *Костайнен А.* Политический туризм между Финляндией и СССР в период между 1950—1980 гг. // Туристские фирмы. Вып. 15. СПб., 1997. С. 247—248.
9. *Шишкин А. И., Степанова С. В.* Формирование выездного и въездного туристических потоков в условиях трансформации социально-экономического пространства России на рубеже XX—XXI вв. // Экономика и управление. 2013. №6 (92). С. 24—29.
10. *Шикалов Ю. Г.* История в формировании региональной идентичности жителей г. Выборга в советский и постсоветский периоды // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. №5 (158). С. 13—20.
11. *Shikalov Y., Hämynen T.* Viipurin kadotetut vuodet 1940—1990. Helsinki, 2013.
12. *Ваулинская Л. И.* Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960—1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 65—76.
13. *Гурова О. Ю.* Почему петербуржцы отправляются за покупками в Финляндию? Исследование трансграничного шопинга // Экономическая социология. 2012. Т. 13, №1. С. 18—37.
14. *Гурова О., Ратилайнен С.* «Турист с Востока»: очерк о восприятии российского потребителя финской прессой // Экономическая социология, 2015. Т. 16, №3. С. 26—45.
15. *Bar-Koheles D., Wiskulski T.* Cross-border shopping at Polish borders. Tri-city and the shopping potential of Russian tourists // GeoJournal of Tourism and Geosites. 2012. №1, vol. 9. P. 43—51.
16. *Makkonen T.* Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark // Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism. 2016. Vol. 16, Suppl. 1, 36—50. doi: 10.1080/15022250.2016.1244506.
17. *Spierings B., van der Velde M.* Cross-border differences and unfamiliarity: Shopping mobility in the Dutch-German Rhine-Waal Euroregion // European Planning Studies. 2013. №21. P. 5—23. doi:10.1080/09654313.2012.716236.
18. *Tömöri M.* Investigating shopping tourism along the borders of Hungary — a theoretical perspective // GeoJournal of Tourism and Geosites. 2010. №2, vol. 6. P. 202—210.
19. *Рыжова Н., Журавская Т.* Трансграничный шопинг на российско-китайской границе: кризис, перформативность и восприятие «себя» // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015.
20. *Шлапек Е. А., Степанова С. В.* Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23, №1. С. 130—139.
21. *Timothy D. J.* Shopping Tourism, Retailing and Leisure. Clevedon, 2005. P. 42—75.
22. *Грунт Е. В.* Потребительское поведение населения российского мегаполиса при занятии шопингом // Социум и власть. 2015. №2 (52). С. 12—18.
23. *Большев О. Н., Гуменюк И. С., Кузнецова Т. Ю.* Роль местного приграничного передвижения в развитии розничной торговли в Калининградской области Российской федерации и приграничных регионах ЕС // Балтийский регион. 2015. №4 (26). С. 135—149. doi: 10.5922/2074-9848-2015-8.
24. *Käyhly A.* The Russians are Coming — and Lappeenranta Rubs Its Hands // Helsingin Sanomat. 1999. 20 Dec. URL: <http://www2.hs.fi/english/archive/thisweek/51141999.html> (дата обращения: 03.05.2017).

25. Степанова С. В. Приграничный туризм на Северо-Западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С. 132—144. doi: 10.5922/2074-9848-2014-3-10.

Об авторах

Светлана Викторовна Степанова, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

E-mail: svkorka@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8832-9182

Екатерина Андреевна Шлапеко, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

E-mail: shlapenko_kate@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3518-4543

Для цитирования:

Степанова С. В., Шлапеко Е. А. Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 103—117. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CROSS-BORDER TRADE IN THE RUSSIAN-FINNISH BORDERLANDS

S. V. Stepanova¹

E. A. Shlapenko¹

¹ Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030 Russia

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7

Submitted on May 11, 2017

This article considers the development of cross-border trade and tourism in the Russian-Finnish borderlands in the 19th/21st centuries. We describe the evolution of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands at different stages of the territory's development. The patterns of cross-border trade have always been depended on the national policies of the two countries. Since the 19th century, cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands has been the product of two factors. The first one is the demand from local residents for certain imported goods that are either absent or much more expensive in their own country. The second factor is the possibility of receiving additional or even basic income. We distinguish several periods (peddler trade, Soviet-Finnish tourism, shuttle trade, shopping tourism) in the evolution of Russian-Finnish cross-border trade and identify their major trends and characteristics. We describe the general patterns of cross-border trade in these historical periods and juxtapose the pertinent institutional, organisational and infrastructural settings. We explain why the direction of the flow of finance and goods changed. Until the early 20th century, goods were brought to and money collected from Finland's borderlands. Since the 1920s, the opposite situation has been observed. The latter trend has been growing in recent years.

In this article, we aim at providing a periodisation and detecting the trends in and features of the evolution of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands in the 19th/21st centuries. To this end, we carry out a statistics and data analysis. We describe the Russian and international approaches to studying cross-border shopping tourism. We address Finland's experience in stimulating inbound shopping tourism from Russia and examine why the Russians are attracted to the neighbouring state.

Keywords: border region, Russian-Finnish borderland, shopping tourism, Republic of Karelia, Finland, peddler trade

References

1. Bazegskiy, D. V. 1993, Legislation of Russia and Finland in karelian peddler trade in XIX—XX centuries, *Voprosyi istorii evropeyskogo severa. Sbornik nauchnykh statey*. [Issues of the European North History. Proceedings of scientific articles], Petrozavodsk, p. 43—51 (in Russ.).
2. Kilin, J. M. 2012, *Karel'skij vopros vo vzaimootnoshenijah Covetskogo gosudarstva i Finljandii v 1918—1922 gg.* [Karelian issue in relations of the Soviet state and Finland in 1918—1922], Petrozavodsk, 162 p. (in Russ.).
3. Nesterova, I. S. 2012, Karelian traders in the Grand Dutchy of Finland, *Grani sotrudnichestva: Rossija i Severnaja Evropa* [Edges of cooperation: Russia and Northern Europe], Petrozavodsk, p. 301—308 (in Russ.).
4. Nesterova, I. S. 2009, Cross-border trade of rural population Grand Dutchu of Finland in Karelia, *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], no. 5, p. 24—29 (in Russ.).
5. Pashkov, A. M. Peddler traders, available at: <http://ptzgovorit.ru/encyclopedia/kk/koro-beiniki> (accessed 30.01.2017) (in Russ.).
6. Laine, A. 1994, Karelia between two socio-cultural systems. In: Eskelinen, H., Oksa, J., Austin, D. (eds.) *Russian Karelia in search of a new role*, Karelian Institute, University of Joensuu, Joensuu, p. 13—25.
7. Laine, A. 1991, Suomalaisten yhteydet Neuvostoliiton Pohjois-Karjalaan 1900-luvulla toisen maailmansodan loppuun asti, *Maaseutuvakea, hengen ja ruumiin kultuuria. Historian tutkimuksia*, no. 8, p. 97—119.
8. Kostajnen, A. 1997, Political tourism between Finland and the USSR during years 1950—1980, *Turistskie firmy* [Tourist firms], no. 15, p. 247—248 (in Russ.).
9. Shishkin, A. I., Stepanova, S. V. 2013, Formation of inbound and outbound tourism in the context of the Russian social and economic space transformation at the turn of the 20th and 21st centuries, *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], no. 6 (92), p. 24—29 (in Russ.).
10. Shikalov, J. G. 2016, Regional identity development of Vyborg population in the Soviet and Post-Soviet periods, *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], no. 5 (158), p. 13—20 (in Russ.).
11. Shikalov, Y., Hämynen T. 2013, *Viipurin kadotetut vuodet 1940—1990*. Helsinki, p. 241.
12. Vavulinskaja, L. I. 2008, Sister-city relations of the USSR cities and Finland in 1960—1980s as factor of forming new forms of cooperation at regional level (on the example of Varkaus and Petrozavodsk), *Granicy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nyh regionov Serija: Gumanitarnye issledovanija* [Borders and contact zones in the Karelian history and culture and its adjacent regions. Series: Humanitarian studies], Petrozavodsk, p. 65—76 (in Russ.).
13. Gurova, O. 2012, Why Do City Dwellers from St. Petersburg Go Shopping to Finland? A Study of Crossborder Shopping, *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], Vol. 13, no. 1, p. 18—37 (in Russ.).
14. Gurova, O., Ratilainen, S. 2015, «Tourist form the East»: perceptions of Russian consumer by the Finnish newspapers, *Ekonomicheskaja sociologija* [Economic sociology], Vol. 16, no. 3, p. 26—45 (in Russ.).
15. Bar-Kořelis, D., Wiskulski, T. 2012, Cross-border shopping at Polish borders. Tri-city and the shopping potential of Russian tourists, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, Year V, vol. 9, no. 1, p. 43—51.

16. Makkonen, T. 2016, Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark, *Scandinavian journal of hospitality and tourism*, Vol. 16, Supplement 1, p. 36—50. doi: 10.1080/15022250.2016.1244506.

17. Spierings, B., Van der Velde, M. 2013, Cross-border differences and unfamiliarity: Shopping mobility in the Dutch-German Rhine-Waal Euroregion, *European Planning Studies*, no. 21, p. 5—23. doi: 10.1080/09654313.2012.716236.

18. Tömöri, M. 2010, Investigating shopping tourism along the borders of Hungary — a theoretical perspective, *GeoJournal of Tourism and Geosites*. Year III, Vol. 6, no 2, November, p. 202—210.

19. Ryzhova, N., Zhuravskaja, T. 2015, Transborder shopping on the Russia-China border: crisis in perception of “ourselves”, *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: space of trade and place of meeting], Irkutsk, 343 p. (in Russ.).

20. Shlapeko, E. A., Stepanova, S. V. 2017, Development of crossborder trade in Russia: general trends and peculiarities, *Transbaikal State University Journal*, Vol. 23, no. 1, p. 130—139.

21. Timothy, D. J. 2005, Shopping Tourism, Retailing and Leisure. In: *Channel View Publications*, Clevedon, p. 42—75.

22. Grunt, E. V. 2015, Consumer behavior of the Russian metropolitan population during shopping, *Socium i vlast* [Society and power], no. 2 (52), p. 12—18 (in Russ.).

23. Bolychev, O., Gumenyuk, I., Kuznetsova, T. 2015, Local border traffic and the development of retail trade in the Kaliningrad region and Polish borderlands, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 135—149. doi: 10.5922/2079-8555-2015-4-8.

24. Käyhty, A. 1999, The Russians are Coming — and Lappeenranta Rubs Its Hands, *Helsingin Sanomat*, 20 December, available at: <http://www2.hs.fi/english/archive/thisweek/51141999.html> (accessed: 03.05.2017).

25. Stepanova, S. V. 2014, Cross-border tourism in the Russian Northwest: general trends and features of development, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 109—120. doi: 10.5922/2079-8555-2014-3-10.

The authors

Svetlana V. Stepanova, Researcher, Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: svkorka@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8832-9182

Ekaterina A. Shlapeko, Researcher, Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: shlapeko_kate@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3518-4543

To cite this article:

Stepanova, S. V., Shlapeko, E. A. 2018, Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 103—117. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-7.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ВАРМИИ И МАЗУРАХ (ПОЛЬША)

Ю. В. Костяшов¹
В. В. Сергеев¹

Объектом исследования, выполненного в русле memory studies, является Варминьско-Мазурское воеводство Польши, которое, как и граничащая с ним Калининградская область, до войны составляло территорию германской провинции Восточная Пруссия. Цель статьи — на основе анализа нормативных актов, решений властных органов, материалов статистики и прессы выявить содержание, механизмы функционирования и основные этапы осуществления политики памяти, а также определить ее региональные особенности в период с 1945 года до наших дней. Для этого рассматриваются такие факторы, как сфера образования, музейное дело, монументальная символика, устная и печатная пропаганда, праздники и ритуалы, создание институтов национальной памяти, принятие мемориальных законов и т.д. С первых послевоенных лет власти региона стремились к утверждению в массовом сознании полоцентричной концепции его истории. Это позволило без предубеждений отнестись и эффективно использовать доставшееся наследие, но создавало искаженный образ прошлого края. Преодоление этого недостатка на рубеже XX—XXI веков способствовало переходу к концепции «открытого регионализма», противостоящего национал-популизму и обеспечивающего благоприятные возможности для международного трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова: политика памяти, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша, историко-культурное наследие, открытый регионализм

Введение

Понятие «политика памяти» вошло в научный обиход сравнительно недавно, в 1980-х годах, но его принято использовать и по отношению к более ранним периодам, преимущественно XX века. Трактовки этого термина весьма многообразны [1], в данной статье под политической памяти (синонимом которой выступает «историческая политика») понимается совокупность установок государства и подконтрольных ему институтов по отношению к прошлому, утверждение в массовом сознании определенных интерпретаций исторических событий ради решения текущих политических задач.

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 15.09.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8

© Костяшов Ю.В., Сергеев В.В., 2018

Когда заходит речь об использовании истории в политических целях, обычно рассматривается национальный исторический нарратив, тогда как региональным аспектам уделяется гораздо меньше внимания. Выбор в качестве объекта исследования Вармии и Мазур, то есть территории современного Варминьско-Мазурского воеводства Польши, продиктован тем, что предоставляет возможность для сравнения польского опыта с советскими практиками [2; 3] освоения земель бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия, которые в 1945 году по решению Берлинской конференции были поделены между Польшей и СССР.

Цель настоящего исследования — выявить содержание и механизмы осуществления политики памяти польскими властями региона Вармия и Мазуры после Второй мировой войны и проанализировать особенности интеграционных процессов в регионе с участием местного населения и новоселов. В качестве источников были использованы нормативные и распорядительные акты органов власти, официальная статистика и материалы прессы, а также новейшие работы польских историков и политологов [4—6].

В связи с тем что послевоенная история Вармии и Мазур практически незнакома российскому читателю, представляется целесообразным начать повествование с особенностей формирования населения этого края.

«Интеграционный котел»?

Переданная Польше южная часть Восточной Пруссии первоначально получила название Мазурского округа, переименованного в 1946 году в Ольштынское воеводство. После ряда административных реформ в 1999 году было образовано Варминьско-Мазурское воеводство площадью 24,2 тыс. км² и населением 1434 тыс. чел. (на 2018 год). При этом было использовано историческое название «Вармия и Мазуры» [7]. Польская администрация утвердилась здесь с 23 мая 1945 года, когда советский военный комендант Ольштына полковник Александр Шумский передал власть уполномоченному польского правительства Якубу Правину. В декабре того же года была учреждена Мазурская воеводская рада народов посредством назначения 100 депутатов. Первые выборы в местные органы власти состоялись здесь только в 1954 году [8, s. 682—683, 700].

К моменту окончания военных действий в передаваемых Польше районах Восточной Пруссии оставалось 200—250 тыс. граждан Германии из 936,5 тыс., проживавших здесь до войны, в том числе этнические немцы и польскоязычные жители. Решение союзнического Контрольного совета о «репатриации» немецкого населения в Германию пользовалось полной поддержкой поляков. Газета «Ведомости Мазурские» писала, что «горы ненависти и неправды, накопленные между поляками и немцами», не позволяют говорить не только об ассимиляции последних, но даже о совместном пребывании их в составе одного государства [9, s. 4]. В первую очередь были выселены нетрудоспособные: престарелые, многодетные матери с детьми, инвалиды, беспризорные дети. Массовая депортация с перерывами продолжалась с августа 1946 до конца 1948 года, а всего с момента окончания военных действий до конца 1950 года с территории Ольштынского воеводства в Германию переселилось около 112 тыс. немцев [10, s. 395—400, 412].

В польской историографии применительно к описанию интеграционных процессов в Вармии и Мазурах нередко можно встретить упоминание о концепции «плавильного котла» [11, s. 11—12]. Вот почему важно рассмотреть состав населения этого региона и охарактеризовать его наиболее значимые группы.

**Распределение населения Ольштынского воеводства в 1950 году
по местам выхода (предыдущего проживания) [12, s. 329]**

Категория населения	Численность, тыс. чел.	Удельный вес, %
«Автохтоны»	117,2	19,2
Внутренние мигранты	352,4	57,8
Репатрианты из СССР	134,2	22,0
Репатрианты и реэмигранты с Запада	3,1	0,5
Место выхода неизвестно	3,3	0,5
Всего	610,2	100

Как видно из таблицы, большинство новоселов (57,8%) составляли выходцы из южных и центральных воеводств Польши, примерно в равных долях ($\frac{1}{5}$) были представлены местные жители и выходцы из СССР, а вот доля репатриантов и реэмигрантов с Запада была ничтожно малой. Рассмотрим каждую из этих групп с тем, чтобы иметь представление об их социальном опыте, жизненных устремлениях и характере коллективной исторической памяти. Такое сравнение позволит оценить действия властей и применимость теории «плавленного котла» к местным реалиям.

Автохтоны. Этим термином обозначали местных польскоговорящих жителей из числа подданных рейха. Такая формула была неточной, ибо среди восточнопрусских поляков было немало потомков мигрантов, а истинными автохтонами на этой земле следовало бы признать древних пруссов, которые были полностью ассимилированы.

В отличие от СССР, где в 1947—1948 годах из Калининградской области были выселены все граждане Германии, невзирая на их этнические корни, в подконтрольных Польше районах Восточной Пруссии от немцев отделили поляков-автохтонов. Они состояли из двух основных групп: *вармяки* — польские жители области Вармия, исповедовавшие католицизм, и *мазуры* — население Мазурского Поозерья протестантской веры. В отношении этих категорий бывших германских подданных была проведена процедура *верификации*, то есть подтверждения их польского происхождения специальными «гражданскими комиссиями». Соискатели должны были доказать, что происходят из польской семьи, пользуются родным языком и чтут национальные традиции, а также подписать декларацию верности польскому государству. При этом не было и речи о том, чтобы дать им шанс на сохранение своей самобытности. Более того, поляки-переселенцы трактовали автохтонов как «швабов» и нередко их притесняли. Процесс верификации проходил медленно, и власти в 1949 году принудительно наделили польским гражданством тех автохтонов, которые не пожелали выехать в Германию, но и отказывались присягать на верность Польше. Всего в результате акции верификации польское гражданство получили около 113 тыс. вармяков и мазуров [10, s. 396; 13, s. 488].

Эти категории бывших жителей Восточной Пруссии не сумели адаптироваться в новых условиях. Когда появилась возможность, они предпочли уехать в страну, которую по-прежнему считали своей родиной. В 1956—1959 годах из Ольштынского воеводства выехали в ГДР 3,9 тыс. чел. и в ФРГ 32,3 тыс. чел. из числа автохтонов. В следующее десятилетие добились разрешения на выезд еще около 15 тыс. чел. Репатриация ускорилась после заключения 9 октября 1975 года соглашения Польши с ФРГ о воссоединении разделенных семей. В рамках этой акции в ФРГ в 1976—1984 годах выехали 36,2 тыс. чел., всего же в Западную Германию в 1952—1984 годах выехали 105 тыс. жителей

Вармии и Мазур [13, s. 488]. Сегодня официальная польская статистика практически не учитывает эти этнические группы. В ходе всеобщей переписи 2011 года мазурскую идентичность задекларировали всего 1376 чел. Численность вармяков обычно определяют в 4—5 тыс. человек. По оценкам некоторых специалистов, обе эти группы в настоящее время насчитывают около 20 тыс. чел., то есть не более 1,5% от общего числа жителей Варминьско-Мазурского воеводства [13, s. 488—491; 14, s. 91—92].

Внутренние мигранты. Это переселенцы из центральных и южных воеводств Польши, стихийно и по вербовке прибывавшие в бывшую Восточную Пруссию в поисках лучшей доли. В их числе было несколько тысяч столичных жителей из разрушенной Варшавы, которые, как правило, занимали руководящие должности. Большинство же составляли выходцы из деревни — бедные, малограмотные, но активные, мобильные, предприимчивые, находящиеся в расцвете жизненных сил. Среди них нередко встречались авантюристы, промышленявшие мародерством и грабежами, насильственно завладевавшие чужой недвижимостью, от которых очень страдало местное население [15, s. 201].

В числе внутренних мигрантов были и украинцы, которых в 1947 году в рамках операции «Висла» принудительно переселяли из юго-восточных воеводств с целью ликвидации социальной базы Украинской повстанческой армии (УПА) и ячеек Организации украинских националистов (ОУН) в Польше. В Ольштынское воеводство было депортировано около 12 тыс. украинских и смешанных польско-украинских семей, или 55 тыс. чел., которых размещали в наиболее разоренных войной районах на границе с СССР. Абсолютное большинство из них не занималось никакой враждебной деятельностью, но власти, да и новосель-поляки зачастую относились к ним как к гражданам второго сорта [15, s. 192—193; 16]¹.

Репатрианты из СССР. Еще один поток переселенцев в Вармию и Мазуры шел с Западной Украины, из Западной Белоруссии и Виленского края, то есть из тех районов бывшей Речи Посполитой, которые в 1939—1940 годах вошли в состав СССР (их в Польше называли «восточными кресами»). К 1950 году сюда переселилось более 130 тыс. «кресовцев». Их репатриация продолжалась в последующие годы, особенно много (свыше 30 тыс. чел.) прибыло в 1956—1960 годах. Выходцы из СССР оседали преимущественно в городах, в Ольштыне в 1950 году они составляли 42% жителей. Это были в основном люди с психическим надломом, прошедшие через аресты, тюрьмы и ссылки, с чувством совершенной по отношению к ним несправедливости, с ярко выраженным антисоветским комплексом и враждебным отношением к новому политическому строю. Они компактно селились, сохраняли свою обособленность и старались поддерживать традиции, вынесенные со своей прежней малой родины [11, s. 17—18; 17, s. 614; 18, s. 138].

Переселенцы с Запада были в основном поляками, вывезенными в годы войны на принудительные работы в Германию (репатрианты) или выехавшими за границу по доброй воле (реэмигранты). При всей малочисленности этой категории, в 1950 году насчитывавшей чуть более 3 тыс. чел., ее представители благодаря особенному жизненному опыту (большинство из них прибыли из Германии и Франции) стали в какой-то степени проводниками полученных в Западной Европе знаний, норм и обычаев [19, p. 175].

Все четыре группы жителей весьма существенно отличались друг от друга, их отношения складывались противоречиво, а часто и враждебно, дело дохо-

¹ Польский сейм в 1990 году осудил депортацию украинского населения.

дило до открытых конфликтов, что крайне затрудняло достижение главной цели, состоявшей в соединении этих разнородных элементов и создании гармоничной региональной общности как интегрированной части единой польской нации. В связи с этим перед властями стояла сложная задача организовать справедливое распределение земли, жилья и других материальных благ, гарантировать равенство прав и одинаковую доступность социальных благ для всех категорий населения, а также обеспечить комфортные условия для получения образования и культурного развития. Увы, сделать это оказалось очень непросто.

С учетом того что абсолютное большинство местных жителей и переселенцев имело травматический опыт, полученный в годы войны, чрезвычайное значение приобретали усилия государства и подконтрольных ему институтов по ликвидации последствий этих психологических травм, организации массовой пропагандистской и воспитательной работы среди населения. При этом вполне естественно, что главным направлением в этой работе стало, выражаясь современным языком, конструирование «правильной» коллективной исторической памяти, которая должна была сыграть роль объединяющего начала для людей с разным историческим опытом.

Региональная политика памяти в послевоенные годы

Прежде всего необходимо было определиться с отношением к доставшемуся восточнопрусскому наследству. В советской и польской частях бывшей Восточной Пруссии идеологические установки властей зиждились на общем принципе отрицания ценностей немецкой культуры, которая во многом идентифицировалась как «фашистская», «враждебная славянам». В Ольштынском воеводстве, как и в Калининградской области, провозглашались одинаковые лозунги о необходимости «изгнать прусский дух», «стереть следы германизации», «избавиться от неметчины», сменить старую топонимику, утвердить новую национальную и идейную символику в публичном пространстве [20, с. 4].

В короткие сроки были снесены или «перепрофилированы» почти все памятники и монументы. Так, с памятника немецкому экономисту Герману Щульце-Деличу в Ольштыне просто сбили барельеф и привинтили новую табличку, из которой следовало, что теперь это Монумент борцам за свободу Вармии и Мазур. Был разобран знаменитый мавзолей Гинденбурга под Ольштынком, а великолепные гранитные блоки, из которых он был построен, пошли на создание главного монумента края — Памятника благодарности Красной Армии, открытого в 1954 году (в начале 1990-х годов переименован в Памятник освобождения Варминьско-Мазурской земли) [21, с. 395, 397, 403, 409]. Нередко встречались случаи разборки зданий и фортификационных сооружений, еще подлежащих восстановлению, на кирпич, как это происходило в 1950-е годы в Добром Мясте и Лидзбарке Варминьском; были безвозвратно утрачены некоторые храмы [22, с. 292—294].

Тем не менее в своих практических действиях польские власти готовы были по большей части без предубеждения воспринимать новую среду обитания, проявляли толерантность к довоенным архитектурным памятникам, старались хотя бы отчасти использовать выработанный предшествующими поколениями хозяйственный уклад коренных жителей. Благодаря усилиям представителей национальной интеллигенции, особенно из среды коренных жителей, были спасены от разрушения и начали восстанавливаться орденские замки, дворцы, общественные и культовые здания. Они сумели донести до сознания властей

мысль о том, что доставшееся полякам наследство по своему содержанию было не только немецким, но и вбирало в себя разнообразные элементы культуры других проживавших в Восточной Пруссии этносов, прежде всего польскоязычных мазуров и вармяков. Более того, со временем историко-культурное наследие Восточной Пруссии официально стали трактовать, хотя и не всегда корректно, как часть национального достояния, обосновывая этот тезис тем, что в прошлом земли региона входили в состав Польского королевства или же являлись территорией расселения польских колонистов².

Показательно в связи с этим отношение к движимому культурному наследию. Работники воеводской и районных администраций вместе с гражданскими активистами уже в 1945 году предприняли чрезвычайные усилия, чтобы спасти музейные ценности, книги, исторические источники из местных и провинциальных архивов, в том числе из коллекции знаменитого кёнигсбергского музея «Пруссия». Документы, книги и артефакты собирались по всему воеводству и свозились в Ольштын. Так, за 1947—1951 годы с целью выявления архивных документов было обследовано свыше 800 населенных пунктов и собрано более 700 тонн актов. Именно благодаря этим усилиям удалось сформировать обширные собрания воеводской библиотеки, музея и государственного архива в Ольштыне. При этом от гибели спасались объекты, не только связанные с польской национальной традицией, но и имевшие немецкие корни [23, s. 467].

Одним из главных направлений в политике памяти стала музейно-выставочная деятельность. В отсутствие телевидения, а также возможностей путешествовать по стране и за границей музейные экспозиции играли важнейшую роль в формировании исторической памяти, тем более что посещение музеев часто было обязательным. Еще до окончания военных действий, в марте 1945 года был основан краеведческий музей, разместившийся в Ольштынском замке, а в 1948 году открыт Музей Коперника во Фромборке. Музеи и передвижные выставки должны были знакомить новоселов с «польскими следами» в Вармии и Мазурах: старопечатными книгами и рукописями, известными личностями, борьбой поляков против германизации и т. п. После 1949 года одной из постоянных тем выставок стали завоевания социализма в СССР, КНР и других союзнических странах [24].

Для координации всей политико-воспитательной работы в мае 1945 года было учреждено воеводское управление информации и пропаганды со штатом в 24 человека, который через два года увеличился до 86 работников. Помимо пропаганды социализма первостепенное внимание уделялось историческому образованию. При этом решались две задачи: приобщить автохтонов к общепольскому историческому нарративу, а новоселов снабдить знаниями о богатой истории поляков в Вармии и Мазурах. С этой целью в местной прессе изо дня в день публиковались очерки об истории края, проводились публичные лекции, во многих населенных пунктах действовали просветительские курсы, народные университеты, в обязательном порядке обучение по истории края проходили чиновники государственной администрации, работники сферы образования и культуры, в школьных программах на историю давались дополнительные часы [25, s. 63—64, 75—76; 26, s. 320].

² Вармия (нем. *Ermland*) как часть так называемой Королевской Пруссии входила в состав Польши в XV—XVIII веках; основным населением исторической области Мазуры (нем. *Mazur*) были колонисты из Польши, ставшие протестантами и сильно германизированные.

С большим размахом ежегодно отмечалась годовщина триумфальной победы поляков в битве с рыцарями Немецкого ордена под Грюнвальдом в 1410 году. Память об этом сражении во времена ПНР была краеугольным камнем исторической политики и стала средством легитимации властей ПНР, а кроме того, Грюнвальд символизировал «славянское единство», братский союз с СССР. В 1950—1960-е годы вокруг Грюнвальдского поля была создана целая туристическо-развлекательная инфраструктура [27, s. 287—288]. Для Вармии и Мазур этот праздник был ценен также тем, что позволял вписать региональную историю в общенациональный контекст. С другой стороны, в рамках общепольских «Недель Воссоединенных земель», которые проводились с 1946 года, вся страна знакомилась с настоящим и прошлым новоосвоенных территорий.

Большую роль в организации всей этой воспитательной работы играл созданный местной интеллигенцией Мазурский институт, совмещавший научно-исследовательскую работу с просветительской деятельностью и поддерживавший при этом тесные связи с крупнейшими университетами страны. Сотрудники института выступали также в качестве экспертов администрации, вели обширную публикаторскую и издательскую деятельность [5, s. 63—65].

Особенности исторической политики во времена ПНР

Несмотря на декларируемый отказ от «немецкого наследства», в 1945—1948 годах властями осуществлялась довольно разумная политика «реполонизации» Вармии и Мазур. При этом польскоязычным автохтонам отводилась важная роль связующего звена между восточнопрусским наследием и сотнями тысяч поляков-новоселов. После разгрома демократической оппозиции и перехода Польши в 1948 году на советскую модель развития изменилась и ситуация на Воссоединенных землях. Среди коммунистов преобладало убеждение, что польское население Восточной Пруссии настолько германизировалось, что его присутствие представляет в будущем опасность для польского государства.

По инициативе центральных властей в Ольштынском воеводстве был взят курс на унификацию и отказ от региональной специфики. Был закрыт Мазурский институт (преобразован в «научную станцию» Западного института в Познани), прекратили свою деятельность просветительские учреждения и периодические издания, ориентированные на местную историко-культурную проблематику, деятели польского движения в Восточной Пруссии были обвинены в раскольнических действиях и даже сепаратизме. В политике памяти произошел сдвиг акцентов от регионалистики в сторону общепольского исторического нарратива [28, s. 29—30]. Впрочем, эти изменения не затронули отношения к архитектурному наследию, которое признавалось национальным достоянием, охранялось государством и, особенно со второй половины 1950-х годов, реставрировалось и реконструировалось.

Принятый в конце 1940-х годов курс на конструирование полоноцентричной памяти о прошлом Восточной Пруссии в общих чертах сохранялся до конца существования ПНР [29, s. 164]. Однако за четыре десятилетия он постепенно менялся и эволюционировал. Как правило, это случалось всякий раз, когда в стране происходили общественные кризисы и правящая Польская объединенная рабочая партия вынуждена была модифицировать свои идеологические установки. В 1956 году и первые годы правления В. Гомулки произошла реабилитация регионалистики, были сняты обвинения в сепаратизме с местных историков и деятелей культуры. Этим занималось возникшее на волне

развенчания сталинизма общественно-культурное объединение «Поозерье», вокруг которого объединились сотни любителей истории родного края. В 1961 году в Ольштыне был создан Центр научных исследований им. В. Кентшинского, координировавший усилия профессионалов по изучению прошлого Вармии и Мазур, возобновился выпуск периодических изданий по истории края [23, s. 468—469].

Важной вехой в политике памяти в отношении Воссоединенных земель считается произошедшее в 1965 году событие. Во время работы II Ватиканского собора 34 польских епископа, в том числе Кароль Войтыла (будущий папа Иоанн Павел II), направили письмо немецким епископам о необходимости примирения. В пространном документе анализировались польско-немецкие отношения в широком историческом контексте, указывались их светлые и темные стороны и признавался тот факт, что миллионы немцев пострадали в результате послевоенной депортации. Приглашая немцев на празднование Тысячелетия крещения Польши в 1966 году, поляки обратились к ним как к братьям по вере с призывом: «Мы прощаем и просим вас о прощении» [30, s. 179—186]. Авторы ответа, подписанного 41 епископом ФРГ и ГДР, принимая приглашение и соглашаясь с идеей примирения, избежали признания границы по Одере и Нейсе, чего от них прежде всего ожидала польская сторона. Власти ПНР резко осудили обмен посланиями, фактически приравняв его к государственной измене со стороны духовенства. Очень неоднозначно «письмо епископов» было воспринято на Западных и Северных польских землях, откуда немцы были депортированы после войны. И вряд ли можно согласиться с оценкой этого документа как «краеугольного камня в налаживании польско-германского диалога» [29, s. 324]. Другое дело, что спустя четверть века, уже после падения коммунистических режимов в Восточной Европе, когда Польша устремилась в ЕС и НАТО, «письмо епископов» пришлось как нельзя кстати и было объявлено идейной основой для «возвращения в Европу».

В 1970-е годы в условиях разрядки в Европе и установления новых отношений с ФРГ споры об историческом наследии Восточной Пруссии, вокруг которого еще недавно шла борьба под лозунгом угрозы западногерманского реваншизма, утратили свою актуальность. После выезда в ФРГ абсолютного большинства автохтонов у оставшихся жителей этих земель, которые почти сплошь относились к пришлому населению, культурное наследие края и местные традиции не вызвали большого интереса, постепенно становясь абстрактными музейными объектами и сохраняя ценность только для немногочисленных вармяков и мазуров и узкого слоя гуманитарной интеллигенции [31, s. 46].

Вармия и Мазуры и «исторические войны» рубежа XX—XXI веков

В 1990-е годы изменения регионального ландшафта памяти были в первую очередь связаны с кардинальными переменами в общественно-политической сфере и геополитическим переустройством всей Восточной Европы: падением коммунистических режимов, распадом СССР, объединением Германии, подготовкой и вступлением Польши в НАТО и ЕС. Как и в других посткоммунистических странах, в Польше были приняты мемориальные законы, создана разветвленная инфраструктура для проведения исторической политики в лице образованного в 1998 году Института национальной памяти, чья деятельность с середины 2000-х годов стала важным фактором не только научной, но и общественно-политической жизни в стране. «Новый подъем исторической памя-

ти», по выражению Н. Е. Копосова [32, с. 41—51], в странах Восточной Европы был связан с нарастанием националистических тенденций, применением «исторических обоснований» в пропагандистских целях.

В Польше историческая политика стала активно использоваться президентом Лехом Качиньским и консервативной партией «Право и справедливость». Так, 17 сентября 2009 года, в 70-ю годовщину начала похода Красной армии в Польшу, в Ольштыне при личном участии президента была открыта Аллея жертв Катыни [33, s. 453]. Открытие памятника было специально приурочено ко времени проведения здесь XVIII Всеобщего конгресса польских историков, на котором Л. Качиньский выступил с большой речью, задавшей тон работе съезда. Это частное событие показывает, что одним из главных направлений политики памяти официальных польских властей стала конфронтация с Россией на поле истории. В последние годы в Польше были приняты законы, которые существенно расширяют полномочия Института национальной памяти и предусматривают снос памятников коммунистической эпохи, включая мемориалы советским воинам, за исключением воинских захоронений [34].

Конец 80-х годов XX века в Вармии и Мазурах был отмечен кризисом идентичности, когда прежняя трактовка прошлого региона оказалась подвергнута критике как неполная и тенденциозная. Эти новые веяния в среде ольштынской интеллигенции возникали параллельно с социально-политическими и культурными преобразованиями в стране после революции 1989 года. К тому же децентрализация общественной жизни привела к так называемому «восстанию провинции», когда локальные сообщества ощутили вкус к самостоятельным действиям в среде своего обитания, в том числе в культурной сфере [29, s. 165].

Знаменательным событием в этом ряду стало образование в 1991 году в Ольштыне культурного объединения «Боруссия» (латинское название Пруссии), основанного историком Р. Трабой и поэтом К. Браконекцим и начавшего издавать одноименный журнал. В «Программной декларации» общества говорилось, что Вармия и Мазуры всегда были регионом многонациональным и мультикультурным, поэтому члены общества будут стремиться к «как можно более полному изучению прошлого региона, существовавших здесь политических и национальных отношений, его культурных, художественных и цивилизационных ценностей, а также приложат усилия для того, чтобы критически и творчески создавать новые знания, новую культуру и строить новые взаимоотношения между людьми»³. Это означало отход от односторонней, полоноцентричной трактовки истории Восточной Пруссии и открытость по отношению ко всем этнокультурным сообществам, которые когда-либо проживали на этих территориях.

Сегодня, по мнению сторонников концепции «Боруссии», главная проблема заключается уже не в преодолении табуированных тем в истории Восточной Пруссии, но в решении задачи сохранения уникальности местного историко-культурного ландшафта в условиях глобализации культуры во всем мире. Кроме того, лозунг «открытого регионализма» в последние годы все более приходит в противоречие с провозглашаемыми консервативными силами, находящимися у власти в Польше, принципами новой исторической политики, направленной на патриотическое воспитание и укрепление национальной идентичности, что грозит возвращением к старым национал-коммунистическим трактовкам исторического процесса [29, s. 166].

³ *Stowarzyszenie Wspólnota Kulturowa*. URL: <http://deutsch-polnische-landkarte.info/?p=1030&lang=pl> (дата обращения: 15.08.2018).

Заключение

В процессе освоения после 1945 года Воссоединенных земель новые польские власти столкнулись с необходимостью выработки такой политики памяти, которая позволила бы обосновать законность новых границ, обеспечила наиболее благоприятные условия для интеграции этих земель в состав польского государства и адаптации новоселов в незнакомой для них историко-культурной среде. Аналогичные задачи пришлось решать и советским властям в Калининградской области РСФСР и Клайпедском крае Литовской ССР, но содержание политики памяти и формы ее реализации у соседей существенно различались.

В Вармии и Мазурах региональные власти нашли выход в том, чтобы сделать акцент на польских элементах в восточнопрусском историко-культурном наследии и использовать в качестве посредника в освоении нового края опыт автохтонного населения. Однако надежды на то, что регион станет «интеграционным котлом», в котором польскоязычные вармяки и мазуры гармонично смешаются с новоприбывшими переселенцами из Польши и из-за границы, не оправдались. Абсолютное большинство местных жителей польского происхождения покинули Вармию и Мазуры, эмигрировав в основном в ФРГ.

В начале XXI века Вармия и Мазуры, с одной стороны, стали площадкой для интенсивных научных и культурных контактов со своими соседями, а с другой — оказались втянуты в орбиту новых «исторических войн», связанных с подъемом национал-популизма в странах Восточной Европы, в том числе в Польше, что негативно сказалось на общем климате отношений в Балтийском регионе. При очевидных внутренних выгодах для правящих элит (национальная консолидация, легитимизация правящего режима) «война памятников» и другие формы конфронтации на поле истории несут в себе крайне негативные последствия для международных отношений, провоцируют ксенофобские настроения, порождают и углубляют межнациональные конфликты.

В этих условиях возникают явные противоречия и даже противостояние между центром и регионом, то есть «большими историческими нарративами», тяготеющими к национальной обособленности и исключительности, с одной стороны, и локальными историческими дискурсами, базирующимися на региональной идентичности, признании ценности мультикультурного наследия края, открытости, готовности к сотрудничеству с соседями, — с другой. Нацеленный на диалог «открытый регионализм» сегодня противостоит агрессивному национализму и таким образом способствует расширению трансграничного взаимодействия и международной интеграции.

Список литературы

1. *Историческая политика в XXI веке* / ред. А. Миллер. М., 2012.
2. *Костяшов Ю. В., Мамтес Э.* Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003.
3. *Safronovas V.* Nacionalinių erdvių konstravimas daugiakultūriame regione: Prūsijos Lietuvos atvejis. Vilnius, 2015.
4. *Sakson A.* Od Kłajpedy do Olsztyna. Poznań, 2011.
5. *Lewandowska I.* Trudne dziedzictwo ziemi. Warmia i Mazury 1945—1989. Olsztyn, 2012.
6. *Traba R.* The past in the present: the construction of Polish history. Frankfurt, 2015.
7. *Majer T.* Pełnomocnik Rządu RP na Okręg Mazurski // *Studia Prawnoustrojowe*. 2012. T. 18. S. 103—119.

8. *Warmia i Mazury* / red. S. Achremczyk. Olsztyn, 1985.
9. *Zagadnienie repolonizacji* // Wiadomości Mazurskie. 1946. 7 maja.
10. *Żyromski S.* Przesiedlenie ludności niemieckiej z województwa olsztyńskiego poza granice Polski w latach 1945—1950 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1969. №3. S. 395—412.
11. *Olsztyn 1945—2005: Kultura i nauka* / red. S. Achremczyk. Olsztyn, 2006.
12. *Polska Zachodnia i Północna* / red. J. Kurczynska. Poznań, 1961.
13. *Sakson A.* Liczebność ludności rodzimej na Mazurach // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1987. №3—4. S. 483—491.
14. *Narodowy spis powszechny ludności i mieszkań 2011* / red. J. Pappelbon. Olsztyn, 2012.
15. *Mucha J., Wilamowski B.* Osadnictwo wiejskie w województwie olsztyńskim po roku 1945 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1961. №2. S. 190—219.
16. *Martuszelewski E.* Wobec Akcji “W” // Warmia i Mazury. 1956. 15 maja.
17. *Żyromski S.* Bilans demograficzny województwa olsztyńskiego (1945—1969) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1969. №4. S. 607—618.
18. *Żyromski S.* Procesy migracyjne w województwie olsztyńskim w latach 1945—1949. Olsztyn, 1971.
19. *Eberhardt P.* Political migrations on Polish territories (1939—1950). Warszawa, 2011.
20. *Usunąć ostatnie siedliska zarazy niemieckiej na Mazurach* // Wiadomości Mazurskie. 1946. 15 maja.
21. *Tomkiewicz R.* Kulisy powstania w Olsztynie Pomnika Wdzięczności dla Armii Radzieckiej // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1998. №3. S. 395—416.
22. *Vetulani C.* Konserwacja zabytków w województwie olsztyńskim // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1958. №3. S. 288—301.
23. *Jasiński J.* Czy wspólnie dziedzictwo na Warmii i Mazurach? // Echa Przeszłości. 2009. Vol. 10. S. 465—486.
24. *Lewandowska I.* Polityka wystawiennicza Muzeum Warmii i Mazur w latach 1945—1989 // Nauczanie historii jako powrót do źródeł. Olsztyn, 2010. S. 271—292.
25. *Misiło E.* Wojewódzki urząd informacji i propagandy w Olsztynie // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1981. №1. S. 55—85.
26. *Filipkowski T.* Średnie szkoły ogólnokształcące na Warmii i Mazurach (1945—1947) // Echa Przeszłości. 2009. Vol. 10. S. 313—327.
27. *Tomkiewicz R.* Rocznice bitwy pod Grunwaldem w Polsce Ludowej. Olsztyn, 2011.
28. *Sukertowa-Biedrawina E.* Z historii badań regionalnych na Mazurach i Warmii // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1957. №1. S. 25—32.
29. *Wyobrażenia przeszłości. Polsko-niemieckie miejsca pamięci* / red. R. Traba. Warszawa, 2017.
30. *Madajczyk P.* Na drodze do pojednania. Wokół orędzia biskupów polskich do biskupów niemieckich z 1965 roku. Warszawa, 1994.
31. *Wrześniński W.* Dziedzictwo a tożsamość // Komunikaty Mazursko-Warmińskie, 1997. №1. S. 37—53.
32. *Kopocov H.E.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.
33. *Gieszczyński W.* Uroczystość otwarcia Alei Ofiar Katyńskich w Olsztynie // Echa Przeszłości. 2010. Vol. 11. S. 453—457.
34. *Kopocov H.* О новом польском «мемориальном законе» // Гефтер. 14.02.2018. URL: <http://gefter.ru/archive/24048> (дата обращения: 15.08.2018).

Об авторах

Юрий Владимирович Костяшов, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

Виктор Владимирович Сергеев, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

Для цитирования:

Костяшов Ю. В., Сергеев В. В. Региональная политика памяти в Вармии и Мазурах (Польша) // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 118—131. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8.

REGIONAL POLITICS OF MEMORY IN POLAND'S WARMIA AND MASURIA

Yu. V. Kostyashov¹

V. V. Sergeev¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on September 15, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8

A contribution to memory studies, this work focuses on Poland's Warmian-Masurian voivodeship. Before the war, this territory and the neighbouring Kaliningrad region of Russia comprised the German province of East Prussia. In this article, we strive to identify the essence, mechanisms, key stages, and regional features of the politics of memory from 1945 to the present. To this end, we analyse the legal regulations, the authorities' decisions, statistics, and the reports in the press. We consider such factors as the education sector, the museum industry, the monumental symbolism, the oral and printed propaganda, holidays and rituals, the institutions of national memory, the adoption of memory-related laws, and others. From the first post-war years, the regional authorities sought to make the Polonocentric concept of the region's history dominate the collective consciousness. This approach helped to use the post-war legacy impartially and effectively. However, the image of the past was distorted. This distortion was overcome at the turn of the 21st century to give rise to the concept of open regionalism. An effective alternative to nationalistic populism, open regionalism provides a favourable background for international cross-border cooperation.

Keywords: politics of memory, Warmian-Masurian Voivodeship, Poland, historical and cultural heritage, open regionalism

References

1. Miller, A. (ed.) 2012, *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century], Moscow, 648 p. (in Russ.).
2. Kostyashov, Yu. V., Mathes, E. 2003, *Izgnaniye prusskogo dukha. Zapreshchennoye vospominaniye* [The expulsion of the Prussian spirit. Forbidden memory], Kaliningrad, 162 p. (in Russ.).
3. Safronovas, V. 2015, *Nacionalinių erdvių konstravimas daugiakultūriame regione: Prūsijos Lietuvos atvejis*, Vilnius, 317 p.
4. Sakson, A. 2011, *Od Klajpedy do Olsztyna*, Poznań, 828 p.

5. Lewandowska, I. 2012, *Trudne dziedzictwo ziemi. Warmia i Mazury 1945—1989*, Olsztyn, 433 p.
6. Traba, R. 2015, *The past in the present: the construction of Polish history*, Frankfurt, 333 p.
7. Majer, T. 2012, Pełnomocnik Rządu RP na Okręg Mazurski, *Studia Prawnoustrojowe*, no. 18, p. 103—119.
8. Achremczyk, S. (ed.) 1985, *Warmia i Mazury*, Olsztyn, 850 p.
9. Zagadnienie repolonizacji 1946, *Wiadomości Mazurskie*, 7 maja.
10. Żyromski, S. 1969, Przesiedlenie ludności niemieckiej z województwa olsztyńskiego poza granice Polski w latach 1945—1950, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3, p. 395—412.
11. Achremczyk, S. (ed.) 2006, *Olsztyn 1945—2005: Kultura i nauka*, Olsztyn, 927 p.
12. Kurczynska, J. (ed.) 1961, *Polska Zachodnia i Północna*, Poznań, 542 p.
13. Sakson, A. 1987, Liczebność ludności rodzimej na Mazurach, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3—4, p. 483—491.
14. Pappelbon, J. (ed.) 2012, *Narodowy spis powszechny ludności i mieszkań 2011*, Olsztyn, 96 p.
15. Mucha, J., Wilamowski, B. 1961, Osadnictwo wiejskie w województwie olsztyńskim po roku 1945, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 2, p. 190—219.
16. Martuszczyński, E. 1956, Wobec Akcji "W", *Warmia i Mazury*, no. 3, p. 7—12.
17. Żyromski, S. 1969, Bilans demograficzny województwa olsztyńskiego (1945—1969), *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 4, p. 607—618.
18. Żyromski, S. 1971, *Procesy migracyjne w województwie olsztyńskim w latach 1945—1949*, Olsztyn, 157 p.
19. Eberhardt, P. 2011, *Political migrations on Polish territories (1939—1950)*, Warszawa, 225 p.
20. Usunąć ostatnie siedliska zarazy niemieckiej na Mazurach, 1946, *Wiadomości Mazurskie*, 15 maja.
21. Tomkiewicz, R. 1998, Kulisy powstania w Olsztynie Pomnika Wdzięczności dla Armii Radzieckiej, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3, p. 395—416.
22. Vetulani, C. 1958, Konserwacja zabytków w województwie olsztyńskim, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 3, p. 288—301.
23. Jasiński, J. 2009, Czy wspólne dziedzictwo na Warmii i Mazurach? *Echa Przeszłości*, no. 10, p. 465—486.
24. Lewandowska, I. 2010, Polityka wystawiennicza Muzeum Warmii i Mazur w latach 1945—1989, *Nauczanie historii jako powrót do źródeł*, Olsztyn, p. 271—292.
25. Misiło, E. 1981, Wojewódzki urząd informacji i propagandy w Olsztynie, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, p. 55—85.
26. Filipkowski, T. 2009, Średnie szkoły ogólnokształcące na Warmii i Mazurach (1945—1947), *Echa Przeszłości*, no. 10, p. 313—327.
27. Tomkiewicz, R. 2011, *Rocznice bitwy pod Grunwaldem w Polsce Ludowej*, Olsztyn, 308 p.
28. Sukertowa-Biedrawina, E. 1957, Z historii badań regionalnych na Mazurach i Warmii, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, p. 25—32.
29. Traba, R. (ed.) 2017, *Wyobrażenia przeszłości. Polsko-niemieckie miejsca pamięci*, Warszawa, 501 p.
30. Madajczyk, P. 1994, *Na drodze do pojednania. Wokół orędzia biskupów polskich do biskupów niemieckich z 1965 roku*, Warszawa, 196 p.
31. Wrześniński, W. 1997, Dziedzictwo a tożsamość, *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, no. 1, p. 37—53.
32. Kuposov, N. E. 2011, *Pamyat strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii [Memory of the strict regime: History and Politics in Russia]*, Moscow, 320 p. (in Russ.).
33. Gieszczyński, W. 2010, Uroczystość otwarcia Alei Ofiar Katyńskich w Olsztynie, *Echa Przeszłości*, no. 11, p. 453—457.
34. Kuposov, N. 2018, On the new Polish "memorial law", *Gefter*, online journal, available at: <http://gefter.ru/archive/24048> (accessed 15.08.2018) (in Russ.).

The authors

Prof. Yury V. Kostyashov, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ikostyashov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9732-0187>

Prof. Victor V. Sergeev, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: viktsergeev@yandex.ru

To cite this article:

Kostyashov, Yu. V., Sergeev, V. V. 2018, Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 118—131. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-8.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

О ПРОБЛЕМЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*В. А. Гуторов*¹
*А. А. Ширинянец*²
*А. Ю. Шутов*²

Сложности межцивилизационных отношений, на которые обращали внимание еще С. Хантингтон и Л. Гумилев, в настоящее время возрастают, что связано с кардинальными геополитическими и геоэкономическими изменениями, начавшимися с распадом СССР и возглавляемой им мировой системы социализма. На Западе усиливается роль сил, формирующих критическое отношение к России, акценты расставляются таким образом, что страна исключается из Европы в противовес существовавшему в свое время тезису Шарля де Голля о Европе «от Атлантики до Урала». В качестве оправдания формулируется аксиома, согласно которой деспотизм и рабство внутреннего порядка России всегда неизбежно порождали агрессию в отношениях с внешним миром. Эти представления мало связаны с современными реалиями, не учитывают происшедших и происходящих социально-экономических изменений в российской действительности и являются воспроизведением западных ксенофобских настроений XIX века, когда антироссийские настроения, русофобия процветали в ряде ведущих европейских стран. В данной работе исследуются корни подобных настроений и то, как они проявляются в начале XXI века в Польше и странах Прибалтики.

Ключевые слова: межцивилизационные отношения, русофобия, Россия и Запад, геополитика, мирное сосуществование, Балтийский регион

Введение

Часто упоминаемая политологами и политико-географами книга Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹, как и работы Льва Николаевича Гумилева о межцивилизационных отношениях и формировании евразий-

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7—9.

² Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 30.01.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-9

© Гуторов В.А., Ширинянец А.А., Шутов А.Ю.,
2018

¹ *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996 ; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.*

ской цивилизации², к сожалению, осознаны недостаточно. Это проявляется в стремлении навязать присущий авторам взгляд на мир, характерный для какой-то конкретной цивилизации. Возможность другого отношения к общественным процессам признается дефективной, невозможной и требующей по меньшей мере порицания. Любое отклонение считается неприемлемым и аморальным. Ярким проявлением подобных представлений является так называемая русофобия как неоправданно критичный настрой по отношению к России и россиянам, к проявлению их этнокультурной, религиозной и национально-государственной идентичности. В этом смысле ряд авторов предлагает рассматривать русофобию как одну из форм ксенофобии [1—8]. Сегодня проблема негативного отношения к России с ее цивилизационными особенностями приобретает не только научное, но и политическое [9—19], а также практическое измерения.

В XIX столетии русофобия как явление была распространена достаточно широко. Подобные настроения на Западе были связаны с активной внешней политикой Российской империи, направленной на сохранение европейских монархий и политического баланса сил в Европе. Вмешательство во внутренние дела других государств, участие России во всех европейских войнах привели к тому, что в Европе стали опасаться ее усиления, повышения роли в европейском, а значит, и в мировом, порядке. Столкновение внешнеполитических интересов Российской империи на Балканах, а затем и в Центральной Азии с интересами других европейских стран, особенно Великобритании, привело к агрессивной политической пропаганде, акцентирующей культурные противоречия и объявляющей русских людей «варварами и коварными азиатами».

В свое время выдающийся русский мыслитель И. А. Ильин в статье «Мировая политика русских государей» перечислил характерные особенности отношения Запада к России в XIX веке и описал существующий в Европе набор «дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...» Емкая, точная и выразительная формулировка Ильина, объясняющая суть такого отношения, может быть сведена к следующему: «Европейцам "нужна" дурная Россия: **варварская**, чтобы "цивилизовать" ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленивать; **завоевательная**, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; **религиозно-разлагающаяся** (выделено И. А. Ильиным. — *В. Г., А. Ш., А. Ш.*), чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно несостоятельная, чтобы претендовать на ее "неиспользованные" пространства, на ее сырье или по крайней мере на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту "гнилую" Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий "до последней капли ее крови"» [20, с. 93].

Многое из того, о чем писал И. А. Ильин и что породило русофобию как идеологическое и политическое явление, сохраняет свою актуальность и сейчас. Не случайно русофобская политика, принявшая формы русофобии, на Западе усилилась и стала фактически возобладающей тенденцией именно тогда, когда Россия, преодолев кризис переходного периода, встала с колен и, опираясь на восстановившуюся экономику и возродившиеся вооруженные силы, вернулась к политике отстаивания своих национальных интересов, далеко не всегда и не во всем совпадающих с интересами США (которые заняли ме-

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1979—1980. Вып. 1—3.

сто Великобритании XIX века) и их западных союзников. Россию по-прежнему стремятся «цивилизовать», если получится — расчленив или хотя бы внутренне разобщив, использовать ресурсы нашей страны в своих интересах (вспомним хотя бы призыв небезызвестного Збигнева Бжезинского сделать Сибирь общеэвразийским достоянием, подлежащим транснациональным усилиям по ее развитию и заселению³).

При этом русофобия (россиефобия) активно проявляется во внешне- и внутривластной практике не только ведущих государств Запада (прежде всего США и Великобритании), но и, в особенности, их восточно-европейских союзников. Речь идет в первую очередь о позиции нынешних властей Польши и стран Прибалтики и их идеологов, которых немецкие исследователи еще в 2007 году, то есть до событий на Украине, определяли как «солдат холодной войны», настроенных на усиление конфликтности с Россией⁴.

Истоки русофобии и современность

Согласно Ф. И. Тютчеву, основой русофобии является «пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение... против России» [21, с. 191]. С его точки зрения, возникновение образа России — «чудовища», «людоеда 19-го века» [21, с. 176] — в общественном сознании европейцев было обусловлено рядом причин: во-первых, глубокими цивилизационными различиями Западной и Восточной Европы (то есть России); во-вторых, отсутствием понимания социальной системы, цивилизации, которая может заменить западную: «Западные люди, судящие о России, — это нечто вроде китайцев, судящих о Европе, или, скорее, греков (Greculi), судящих о Риме. Это кажется законом истории: никогда ни одна общественная система, ни одна цивилизация не проявила понимания той, что должна была прийти ей на смену...»; и, в-третьих, «нравственной безответственностью» [22, с. 100, 182, 191]. В-четвертых, Ф. И. Тютчев также отмечает инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство — «нечто среднее между уважением и страхом — то чувство awe (благоговейного страха. — В. Г., А. Ш., А. Ш.), которое испытывают только по отношению к Власти» [21, с. 100—101].

Все эти исторические корни русофобии, увы, актуальны и сейчас, разве что русофобия выступает в основном как россиефобия⁵. Между Россией и Западом при всех их сходствах и общих христианских корнях продолжают сохраняться достаточно серьезные цивилизационные различия и, очевидно, что попытки Запада переделать Россию под свое лекало успеха не возымеют. Более того, сами по себе эти попытки не понятны и не нужны — является же, и вполне успешно, членом геополитического Запада Япония, которая цивилизационно куда дальше от Запада, чем современная Россия.

Источником русофобии выступает и то, что Россия, не отказываясь от модернизации и инноваций, в то же время сохраняет верность историческим традициям и ценностям, становясь одним из лидеров просвещенного консерва-

³ Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / пер. с англ. М., 2004. С. 139—140.

⁴ Кулик С. А. Россия в балтийском лабиринте. М., 2013. С. 26—27.

⁵ На нынешнем внешнеполитическом и толерантном Западе открыто не принято демонизировать народы, поэтому сейчас демонизируют Россию как государство, лицемерно подчеркивая, что против русского народа ничего против не имеют. Но суть русофобии как явления остается прежней, и поэтому в контексте данной работы мы используем для описания современного периода этот термин.

тизма в современном мире. Не случайно, скажем, такой известный американский политик и публицист, как Патрик Джозеф Бьюкенен, известный своими консервативными взглядами, в книге «Смерть Запада»⁶ неоднократно упоминает Россию и российские реалии, судя по всему, рассматривая нашу страну если не как часть Запада, то как его естественного союзника. Превращается Россия в лидера консервативного мира и в глазах ряда европейских политиков правого толка⁷. Это, в свою очередь, вызывает негативную, если угодно, русофобскую, реакцию со стороны либерально настроенных политических кругов США и европейских стран, потому что Россия, отношение к ней и отношения с ней становятся фактором уже не только внешней, но и внутренней политики, орудием в борьбе за голоса избирателей.

Как и во времена Тютчева, русофобия опирается на тот же благоговейный страх перед военной мощью России, которая не только является одной из двух ведущих ракетно-ядерных держав, но в последние годы, как показала Сирия, продемонстрировала способность проецировать силу и добиваться своих геополитических целей в противоборстве с ведущими мировыми геополитическими игроками и с помощью обычных вооружений.

Опасения Запада стал вызывать и экономический рост России, которая по выходу из кризиса переходного периода превратилась в один из главных мировых центров притяжения и экспорта иностранного капитала. Показательно, что в 2013 году, году, предшествующему введению антироссийских санкций, Российская Федерация занимала третье место в мире по притоку прямых иностранных инвестиций и четвертое по их экспорту⁸. К этому надо добавить роль России как мировой энергетической сверхдержавы, играющей ключевую или важную роль в поставках энергоносителей во многие страны мира, прежде всего в зарубежную Европу.

Одной из причин традиционной и усилившейся в последние несколько лет русофобской политики США, в которую они вовлекают и остальные страны Запада, является страх сближения России и Европы. Как считает известный американский политолог и геополитик Джордж Фридман, «на протяжении жизни нескольких поколений сохранение изоляции между технологическим совершенством Европы и природными и людскими ресурсами России было одной из главных целей внешней политики США»⁹. Он подчеркивает, что «объединение России и Европы создаст общность, население, технологический и промышленный потенциал и природные ресурсы которой будут по меньшей мере равны соответствующим показателям Америки и, по всей вероятности, превзойдут потенциал США». Именно поэтому, как отмечает Фридман, «в XX в. США трижды срывали российско-германское сближение, которое могло бы объединить Евразию и создать угрозу фундаментальным американским интересам». По его мнению, «ответ США на российско-германское сближение в следующем десятилетии»¹⁰ должен стать таким же, каким он был в XX веке. США следует продолжать делать все возможное, чтобы блокировать российско-германское сближение и ограничить воздействие, которая российская сфера влияния может оказать на Европу»¹¹.

⁶ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.

⁷ Осипов Е. Лидер консервативного мира // Известия. 2017. 7 марта. URL: <https://iz.ru/news/669056> (дата обращения: 12.10.2018).

⁸ World Investments Report 2014. N. Y. ; Geneva, 2014. P. XV.

⁹ Фридман Дж. Следующие 10 лет. М., 2011. С. 20.

¹⁰ Имеется в виду уже наступившее второе десятилетие XXI века.

¹¹ Фридман Дж. Указ. соч. С. 178.

Объективные факторы сотрудничества России и Западной Европы

Нынешние процессы конфронтации противоречат объективности, тому, что экономические и географические факторы обуславливают необходимость сотрудничества.

Россия и Западная Европа объективно взаимодополняемы и, как считает постоянный представитель РФ при ЕС Владимир Чижов, «нет разумной альтернативы сотрудничеству и объединению потенциалов»¹². Причем если сейчас речь идет в основном о взаимодополняемости по линии поставок сырья (прежде всего энергетического) в обмен на готовую продукцию, то в будущем взаимодополняемость экономик может охватить и высокотехнологические сферы, такие как атомная энергетика, аэрокосмическая промышленность и др. Определенный задел в этих сферах уже существует. В конечном итоге при нормализации отношений может быть создан колоссальный промышленно-сырьевой гигант от «Лиссабона до Владивостока»¹³.

Существуют объективные факторы и для сотрудничества России с ближайшими европейскими соседями, в том числе такими антироссийски настроенными «солдатами холодной войны», как Польша и страны Прибалтики.

Польша и Россия обречены на сотрудничество самой географией, отмечает доктор Лешек Сыкульский, автор недавно вышедшей книги «Геополитика и безопасность Польши», ранее работавший аналитиком по вопросам международной безопасности в канцелярии президента Польши Леха Качиньского¹⁴. И он не одинок в своих взглядах. Так, старейший депутат польского сейма и отец нынешнего премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого Корнель Моравецкий считает, что Польша могла бы стать естественным мостом на Восток для Западной Европы и на Запад для России¹⁵. Одним из перспективных проектов, выгодных и Польше, и России, могла бы стать, например, предлагаемая КНР паневразийская транспортная система «Новый Шёлковый путь». Однако во многом из-за политики Польши по отношению к России грузы могут быть перенаправлены в обход этой страны через Калининград и Санкт-Петербург¹⁶. В конечном итоге Варшава бы только выиграла от восстановления взаимовыгодных прагматических отношений с Москвой, но этому мешают в первую очередь эмоции русофобского характера. Россия, однако, не собирается отвечать тем же. Как заявил глава МИД РФ С. В. Лавров, «нас записали в категорию врагов, мы не будем отвечать взаимностью, хотя видим, что в Польше сознательно, последовательно, масштабно насаждается русофобия в качестве

¹² Чижов: отношения России и Евросоюза испытывают дефицит каналов общения // РИА Новости. 04.12.2017. URL: <https://ria.ru/politics/20171204/1510182711.html> (дата обращения: 12.12.2017).

¹³ Якунин В. И. Политическая и экономическая конкурентоспособность Европы и России: Возможность синергии // Сравнительная политика. 2013. № 1 (11). С. 77—78.

¹⁴ Олег Хавич. Польша и Россия: союз почти не виден // Украина.Ру. 04.10.2018. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20181004/1021310602.html> (дата обращения: 12.10.2018).

¹⁵ Корнель Моравецкий: улучшение отношений Польши и России в интересах мира // РИА Новости. 03.07.2018. URL: <https://ria.ru/interview/20180703/1523789744.html> (дата обращения: 12.10.2018).

¹⁶ СМИ: Новый Шелковый путь может быть проложен в обход Польши // Радио Польша. 15.05.2018. URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/138/Artykul/363551> (дата обращения: 12.10.2018).

национальной идеи». Министр заверил, что если в Польше поймут, что диалог может быть основан только на взаимном учете интересов, то Россия будет готова к диалогу с Польшей¹⁷.

Русофобская политика руководства стран Прибалтики представляется еще более иррациональной по сравнению с аналогичной политикой Польши, поскольку в силу истории, географического положения, особенностей экономического развития Литва, Латвия и Эстония еще больше нуждаются в нормальных отношениях с Российской Федерацией. Свертывание и до этого не блестящих экономических отношений с Россией, прежде всего транзита грузов через прибалтийские порты, поддержка антироссийских санкций, установленных Евросоюзом, больно ударяют по их экономикам. А попытки отказаться от российских энергоносителей заставят нести более высокие издержки на закупку сжиженного природного газа из других источников, как это уже произошло с Литвой. Прибалтика, проводя русофобскую политику как внутри, так и извне, похоже, практически упустила предоставленный ей географией и историей шанс стать транзитной территорией (или «регионом-воротами», по терминологии американского геополитика Саула Коэна) между Россией и зарубежной Европой. Согласно Коэну, основная функция регионов, отнесенных им к типу «ворот», — стабилизация мировой геополитической системы, стимулирование глобального экономического и политического взаимодействия, международного сотрудничества¹⁸. На деле же Прибалтика стремительно превращается (если уже не превратилась) в зону конфронтации, своего рода «новую пороховую бочку» Европы, подобно Балканам начала прошлого века, депрессивную в экономическом отношении окраину Европы, теряющую население в результате массовой эмиграции (особенно молодежи). И виновата в этом прежде всего проводимая правящими элитами этих стран антироссийская русофобская политика.

Заключение

В современном мире русофобия выступает в первую очередь как русофобия, то есть неприязненное отношение к России как к государству, его внешней и внутренней политике. На Западе пытаются (и уже не в первый раз со времен царизма) противопоставить «плохую российскую власть» основной массе населения, к которой он-де относится дружески и стремится помочь ей жить в процветании, свободе и демократии западного образца. Показательно, однако, что «плохой» является любая власть России, которая мало-мальски отстаивает российские национальные интересы и не дает реализовать государствам Запада свои экономические и геополитические цели в отношении нашей страны — независимо от того, царская ли это власть, советская ли, или постсоветская капиталистическая. Исключением, пожалуй, остается только период с конца перестройки и где-то до середины 1990-х годов, когда Запад поддерживал политику сначала М. С. Горбачева, а затем Б. Н. Ельцина. Не стоит напоминать, однако, что эта политика обернулась распадом СССР, экономическим кризисом и утратой Россией значительной части своих прежних геополитических позиций. А то же самое население, за исключением его небольшой части,

¹⁷ *Лавров*: Польша записала РФ в категорию врагов, Москва не будет отвечать взаимностью // ТАСС. 2018. 15 янв. URL: <https://tass.ru/politika/4874070> (дата обращения: 12.10.2018).

¹⁸ *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика : учебник для вузов. М., 2001. С. 109—110.

за которое так ратовали западные идеологи перехода к демократии и рынку, было ввергнуто в лишения и нищету, выбраться из которых удалось только после серьезной корректировки экономического и политического курса. Все это заставляет как минимум настороженно относиться к игре на контрастах «плохая власть — несчастный российский народ».

Русофобия является не столько этнофобией, сколько тем инструментом, с помощью которого геополитический Запад во главе с США пытается воспрепятствовать возрождению России как великой мировой державы, занимающей достойное место среди ведущих игроков в мировой политике и экономике. Не случайно, что русофобия идет на спад, когда Россия слаба и когда ею можно попытаться манипулировать. В тех случаях когда это не удается, Запад вновь возвращается к русофобской политике, как это произошло как минимум с 2003—2004 годов, с начала «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Русофобия как инструмент используется не только великими державами, такими как США и лидеры ЕС, но и странами второго (Польша) и третьего (Прибалтика) эшелонов. В данном случае речь идет об использовании русофобии и ее раздувании для того, чтобы выступить в роли привилегированных партнеров западных стран первого эшелона с целью извлечения из этого партнерства экономических и политических дивидендов. При этом, однако, в Польше и особенно в Прибалтике в значительно большей степени, чем в государствах «старого Запада», присутствует русофобия уже не как инструмент, а как этнофобия, неприязнь к русским как к этносу, а не к России как к государству.

Противодействовать русофобии, как представляется, можно и нужно через активную информационную кампанию за рубежом (пример такой успешной кампании — работа телеканала РТ), поддержку пророссийски настроенных партий, общественных объединений, политиков, активистов и простых граждан, формирование пророссийских лобби в ведущих странах Запада (прежде всего в США), содействие контактам рядовых граждан (огромную позитивную роль в этом смысле сыграл недавно прошедший в России Чемпионат мира по футболу 2018 года) и т.п. То есть необходимо реально активизировать все возможные механизмы «мягкой силы», которые сейчас, как нам представляется, используются Россией все еще не в полной мере и недостаточно скоординированно. Большое значение в преодолении русофобии в Балтийском регионе может и должно иметь активное участие российских регионов, государственных и негосударственных структур в программах и проектах приграничного и трансграничного сотрудничества как на двухсторонней, так и на многосторонней основе (прежде всего с участием ЕС). Мы полагаем, что сотрудничество на локальном и региональном уровне будет постепенно способствовать преодолению недоверия и улучшению отношений на более высоких уровнях взаимодействия между Россией, отдельными странами Западной Европы (в том числе Балтийского региона) и ЕС в целом.

Список литературы

1. *Dukes P.* World Order in History. Russia and the West. L. ; N. Y., 1996.
2. *Malia M.* Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge ; L., 1999.
3. *Kingston-Mann E.* In Search of the True West. Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton, New Jersey, 1999.
4. *Bova R. (ed.)* Russia and Western Civilization. Cultural and Historical Encounters. L. ; N. Y., 2000.
5. *Lester J.* The Dialogue of Negation. Debates on Hegemony in Russia and the West. L., 2000.

6. *Shlapentokh D.* (ed.) *Russia between East and West. Scholarly Debates on Eurasianism.* Leiden ; Boston ; Brill, 2007.
7. *Stern L.* *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920—40: From Red Square to the Left Bank.* L. ; N. Y., 2007.
8. *Tsygankov A. P.* *Russophobia. Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy.* N. Y., 2009.
9. *Stroupe W. J.* *Russian Rubicon: Impending Checkmate of the West.* N. Y., 1996.
10. *Devlin J.* *Slavophiles and Commissars. Enemies of Democracy in Modern Russia.* N. Y., 1999.
11. *Salminen E.* *The Silenced Media: The Propaganda War between Russia and the West in Northern Europe.* L., 1999.
12. *English R. D.* *Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War.* N. Y., 2000.
13. *Gorodetsky G.* (ed.) *Russia Between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century.* L. ; Portland, 2003.
14. *Hønneland G.* *Russia and the West: Environmental Discourses in the European Arctic.* L. ; N. Y., 2003.
15. *Hashamova Y.* *Pride and Panic. Russian Imagination of the West in Post-Soviet Film.* Bristol, 2007.
16. *Tsygankov A. P.* *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations.* Cambridge, 2012.
17. *Leichtova M.* *Misunderstanding Russia. Russian Foreign Policy and the West.* Burlington, 2014.
18. *Black J. L., Johns M., Theriault A. D.* (eds.) *The Return of the Cold War: Ukraine, the West and Russia.* L. ; N. Y., 2016.
19. *Shekhovtsov A.* *Russia and the Western Far Right: Tango Noir.* L. ; N. Y., 2017.
20. *Ильин И. А.* *Мировая политика русских государей // Профессор И. А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг. Париж, 1956. Т. 1. С. 45—98.*
21. *Тютчев Ф. И.* *Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999.*

Об авторах

Владимир Александрович Гуторов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: gut-50@mail.ru

Александр Андреевич Шириняц, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: jants@yandex.ru

Андрей Юрьевич Шутов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории политики, декан факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: shutov.msu@gmail.com

Для цитирования:

Гуторов В. А., Шириняц А. А., Шутов А. Ю. О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 132—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-9.

TWO CIVILIZATIONS: THE RELATIONS OF RUSSIA AND WESTERN EUROPE
AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

V. A. Gutorov¹

A. A. Shirinyants²

A. Yu. Shutov²

¹ Saint Petersburg State University

7—9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034 Russia

² Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia

Submitted on January 30, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-9

The challenges of building relations between two different civilizations, which Samuel Huntington and Lev Gumilev wrote about, are currently becoming more obvious due to the cardinal geopolitical and geoeconomic changes that have taken place since the demise of the USSR and the world socialist system. Today, in the West, as if in contrast to the famous project by Charles de Gaulle — “Europe from the Atlantic to the Urals”, an extremely negative image of Russia is being formed. Western ideologists stick to the axiom according to which despotism and slavery, allegedly being the basis of Russia's internal order, inevitably give rise to aggression in relations with the outside world. Of course, these ideas do not take into account the ongoing socio-economic changes in the country and have little to do with modern realities. They are a mere reproduction of the old Western xenophobic moods going back to the time when Russophobia was widely spread in a number of leading European countries. The article explores historical roots of Russophobia and their manifestations at the beginning of the XXI century in Poland and the Baltic countries.

Keywords: inter-civilization splits, Russophobia, geopolitics, peaceful coexistence, the Baltic region

References

1. Dukes, P. 1996, *World Order in History. Russia and the West*, London, New York, Routledge, 198 p.
2. Malia, M. 1999, *Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*, Cambridge, Mass., London, The Belknap Press of Harvard University Press, 514 p.
3. Kingston-Mann, E. 1999, *In Search of the True West. Culture, Economics, and Problems of Russian Development*, Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 301 p.
4. Bova, R. (ed.) 2000, *Russia and Western Civilization. Cultural and Historical Encounters*, London, New York, Routledge, 378 p.
5. Lester, J. 2000, *The Dialogue of Negation. Debates on Hegemony in Russia and the West*, London, Pluto Press, 208 p.
6. Shlapentokh, D. (ed.) 2007, *Russia between East and West. Scholarly Debates on Eurasianism*, Leiden, Boston, Brill, 198 p.
7. Stern, L. 2007, *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920—40: From Red Square to the Left Bank*, London, New York, Routledge, 262 p.
8. Tsygankov, A. P. 2009, *Russophobia. Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*, New York, Palgrave Macmillan, 240 p.
9. Stroupe, W. J. 1996, *Russian Rubicon: Impending Checkmate of the West*, New York, Routledge, 319 p.
10. Devlin, J. 1999, *Slavophiles and Commissars. Enemies of Democracy in Modern Russia*, New York, Macmillan Press Ltd., 318 p.
11. Salminen, E. 1999, *The Silenced Media: The Propaganda War between Russia and the West in Northern Europe*, London, Palgrave Macmillan, 198 p.

12. English, R. D. 2000, *Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War*, New York, Columbia University Press, 401 p.
13. Gorodetsky, G. (ed.) 2003, *Russia Between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century*, London, Portland, Or., Frank Cass, 206 p.
14. Hønneland, G. 2003, *Russia and the West: Environmental Discourses in the European Arctic*, London, New York, Routledge, 169 p.
15. Hashamova, Y. 2007, *Pride and Panic. Russian Imagination of the West in Post-Soviet Film*, Bristol, Intellect Books, 144 p.
16. Tsygankov, A.P. 2012, *Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations*, Cambridge, Cambridge University Press, 317 p.
17. Leichtova, M. 2014, *Misunderstanding Russia. Russian Foreign Policy and the West*, Burlington, Ashgate, 168 p.
18. Black, J.L., Johns, M., Theriault, A.D. (eds.) 2016, *The Return of the Cold War: Ukraine, the West and Russia*, London, New York, Routledge, 246 p.
19. Shekhovtsov, A. 2017, *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*, London, New York, Routledge, 262 p.
20. Ilyin, I. A. 1956, World Politics of Russian Sovereigns. In: *Professor Ilyin, Our tasks. Articles 1948—1954*, Vol. I, Paris, Publication of the Russian All-Union Union, p. 45—98 (in Russ.).
21. Tyutchev, F.I. 1999, *Russia and the West: the Book of Prophecies*, Moscow, Orthodox St. Tikhon's Theological Institute, 208 p. (in Russ.).

The authors

Prof. Vladimir A. Gutorov, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: gut-50@mail.ru

Prof. Alexander A. Shirinyants, Head of the Department of the History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: jants@yandex.ru

Prof. Andrei Yu. Shutov, Head of the Department of History and Theory of Politics, Dean of the Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: shutov.msu@gmail.com

To cite this article:

Gutorov V. A., Shirinyants A. A., Shutov A. Yu. 2018, Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 4, p. 132—141. doi: 10.5922/2079-8555-2018-4-9.

РЕЦЕНЗИИ

Россия в системе международных отношений: новое прочтение

Understanding International Relations: Russia and the World : монография / N. Tsvetkova (ed.). — Lanham ; N. Y. ; L. : Rowman and Littlefield, 2017. — 430 с.

Сдвиги в системе международных отношений, новая внешняя политика России, разочарование в глобализации, подъем национализма, а также влияние цифровых технологий на политику выдвигают новые требования для исследований в такой области знаний, как международные отношения. Не секрет, что в течение долгого времени в изучении международных отношений доминировали американские и европейские научные школы. Глобализация и неолиберализм в период 1990—2000-х годов создали предпосылки для новой роли России на мировой арене. Финансовая система, экономика, политика, культура и образование России интегрировались в систему международных отношений и стали открытыми для всех стран мира. Однако позиция России, мнения ее политиков и экспертов по тем или иным сюжетам мировой политики долгое время не учитывались или игнорировались как мировым политическим истеблишментом, так и учеными в области международных отношений. Несомненно, Россия и взгляды российских ученых присутствовали в подобном научном дискурсе, но носили второстепенный характер. С другой стороны, очень часто мы слышим жалобы российских ученых на то, что их исследования не принимаются зарубежными журналами или издательствами из-за отсутствия прозападной и антироссийской позиции.

Чтобы преодолеть дисбаланс между реальной ролью России в мировой политике и ограниченным присутствием российского экспертного мнения в зарубежном дискурсе науки о международных отношениях и продемонстрировать, что позиции российских ученых по самым острым политическим проблемам могут быть опубликованы в зарубежных издательствах, преподаватели-международники Санкт-Петербургского государственного университета издали коллективную монографию на английском языке, адресованную как солидным исследователям, так и аспирантам и магистрантам, начинающим свою научную деятельность в сфере изучения международных отношений и других общественных наук. Постоянные дискуссии между российскими и зарубежными коллегами о трактовках современных мировых проблем обусловили необходимость написания данной книги. И доведение до зарубежной публики знания о содержании российской внешней политики и о подходах российских ученых к изучению международных отношений — сегодня актуальная задача.

Подходы к теме, которыми руководствовались авторы книги, являются в значительной степени новаторскими.

Во-первых, при написании данной книги исследователям удалось преодолеть известную проблему, когда в подобных монографиях либо изучение всей системы международных отношений доминирует над изучением вопросов по России, либо изучение России доминирует над изучением мировой политики. Авторам книги удалось показать роль и место России в системе международных отношений, а также осветить российские интерпретации происходящих

событий и теорий в науке о международных отношениях. Эта книга не о России, а о современных проблемах в системе международных отношениях и роли России в решении данных проблем. Авторы следуют логике изучения материала от общего к частному: от теоретического взгляда на международные отношения к России как части мировой политики. Каждая глава представляет различные точки зрения на исследуемую проблему, выявляет разные концепции, которые могут использоваться при ее анализе, содержит многочисленные примеры (case-studies). Все это создает солидный фундамент для понимания современной системы международных отношений и России.

Во-вторых, издание подобной монографии на английском языке все еще является новым для российской науки. Это свидетельствует о высокой квалификации авторов, которые сумели объяснить самые острые проблемы, связанные с Россией, зарубежным читателям. Многие из них, например проблема непризнанных государств, впервые определены и раскрыты с научной точки зрения. В издательском и научном мире все еще редкость публикации подобного рода за пределами России. Но данная публикация позволяет утверждать, что не существует изоляции научного российского дискурса и позиций российских исследователей за рубежом. Сегодня на страницах книг и журналов, изданных в высокорейтинговых издательствах, могут обсуждаться различные точки зрения.

В-третьих, авторам коллективной монографии удалось представить объективный взгляд на российскую внешнюю политику и внутреннее развитие России. С одной стороны, исследователи избежали излишней критичности в адрес России, что свойственно многим ученым, публикующим свои монографии в американских или европейских издательствах. С другой — они не скрывают сложностей и слабых мест российской позиции в международных делах. В монографии представлен сбалансированный анализ политики России, различные точки зрения.

Книга состоит из трех частей. Первая часть посвящена анализу различных теорий, концепций и моделей в международных отношениях, в ней раскрываются методы изучения мировой политики, а также дается история становления современной системы международных отношений. Российские специалисты в области истории, теории и методологии международных отношений остановились на интерпретации взглядов традиционных научных школ в данной сфере, показали, какие методы изучения мировой политики и регионоведения являются наиболее популярными в России. Также они оригинально очертили развитие системы международных отношений с точки зрения географического, экономического и политического места Российской империи, СССР и новой России в мировой истории.

Во второй части монографии речь идет об актуальных проблемах и вызовах мировой политики. В ней раскрываются такие вопросы, как международная политическая экономия, международные конфликты и их разрешение, контроль за нераспространением оружия массового поражения, непризнанные государства, международные организации, экологическая политика, а также мягкая сила и публичная дипломатия. Политическая экономия открывает данную часть коллективной монографии, что, на наш взгляд, является удачным и новым форматом в понимании развития мировой политики. Обычно рассмотренные аспекты международных отношений начинается с изучения отдельных стран, регионов или кризисных ситуаций. В данном случае российские исследователи показали экономические и торговые связи государств, которые делают наш мир глобальным и взаимозависимым, несмотря на политические проблемы, систему санкций, прекращение дипломатических отношений и т. п.

Популярная тема конфликтов раскрыта в данной части в полной мере. Авторы подробно остановились на природе и методах управления конфликтами. Более того, впервые в литературе подобного рода поднят вопрос о роли такого фактора, как непризнанные государства. Это один из чувствительных вопросов науки о международных отношениях, поскольку дискуссии о непризнанных государствах сводятся к продвижению официальных позиций ведущих государств. Авторы сумели расширить тему и выявить типологию статусов непризнанных государств.

Тема контроля над распространением оружия массового поражения также по-новому представлена в данной монографии. Здесь не только изложены названия договоров или конференций на эту тему, но и выявлены факторы двухсторонних отношений между государствами, которые влияют на поддержание или, наоборот, способствуют ликвидации режимов нераспространения оружия массового оружия.

Такие стандартные темы, как роль международных организаций в мировой политике, политика защиты окружающей среды и мягкая сила в мировой политике также представлены с акцентом на изучение самых острых проблем и анализ российской позиции. Международные организации рассмотрены с точки зрения их реальной роли в мировой политике и экономике. Представлены не только известные организации, такие как ООН или ОБСЕ, но и дан детальный анализ влияния региональных организаций на мировую систему.

Вопрос о политике защиты окружающей среды также раскрыт с новой точки зрения: ангажированность данной проблемы, идеология и деньги смешиваются сегодня в таком, казалось бы, далеком от политики вопросе, как защита окружающей среды. Авторы анализируют различные концептуальные политические и даже партийные подходы к данному вопросу в разных странах. Мягкая сила и публичная дипломатия таких ведущих государств, как США, Россия, Иран, КНР, Франция, Германия и др., анализируются в заключительной главе. Авторы указывают на сильные и слабые стороны, избегая преувеличения роли мягкой силы в мировой политике, как это часто делают специалисты. Все главы представляют набор разных концептуальных и дискуссионных рамок, что создает условия для формирования читателями сбалансированного и многостороннего взгляда на различные проблемы международных отношений.

В третьей части освещаются ключевые аспекты внутренней и внешней политики России. Анализ таких проблем, как становление современной России, ее экономическое развитие, ее евразийская и арктическая политика, а также отношения с Европой и США, создает законченную картину функционирования современной мировой политики. Проблемы политического и экономического развития России, дисбаланс в ее торговой сфере рассмотрены в первых двух главах данной части. Авторы не избегают острых углов, связанных с построением нового централизованного государства в России. Однако основой для понимания современной российской внутренней и внешней политики являются главы монографии, посвященные национальной безопасности, военной стратегии, а также вопросам политики России на пространстве Евразии и Арктики.

Впервые в научной литературе показана связь между внутренним развитием России и ее позицией в Евразии и Арктике. Авторы выявляют точку зрения российского правительства, российских экспертов, а также сравнивают их с позициями ведущих держав на мировой арене. Наконец, двухсторонние отношения между Россией и Европой, а также между Россией и США венчают данную часть и саму коллективную монографию. Надо сказать, что и здесь авторы проявили новаторский подход. Помещение глав о двухсторонних отно-

шениях в конце монографии свидетельствует, с одной стороны, об угасании силы двухсторонних связей в системе международных отношений, а с другой — свидетельствует о важности отношений России с ЕС и США. Такая логика демонстрирует то, в каких точках мировой системы находятся основные партнеры России по разрешению острых мировых проблем. Авторы этих глав выявили все уровни и проблемные точки отношений между Россией и Европой, а также между Россией и США, акцентируя внимание на слабостях в американской, европейской и российской политике.

Однако, как и любое произведение, данная монография имеет некоторые слабые стороны. Нам кажется, что необходимо было выделить отдельную главу о двухсторонних связях между Россией и КНР. Взаимоотношения двух стран рассмотрены авторами в главах о евразийской политике России, а также в контексте российско-американских отношений. Имело смысл проанализировать эти отношения в отдельной главе.

Тем не менее данная коллективная монография, подготовленная российскими исследователями, которые учились и работали в университетах США, Европы и АТР, дает сбалансированную картину развития системы международных отношений, показывает значение России в мировой политике и затрагивает важнейшие вопросы ее внутреннего развития.

Данная книга будет полезна как учебник для магистрантов и аспирантов, а также для широкого круга исследователей в области русистики, международных отношений и политологии.

Публикация подобной монографии говорит о том, что высокий уровень квалификации российских ученых, их интегрированность в глобальное научное пространство через обучение, стажировки и участие в международных конференциях являются основой для обсуждения самых острых проблем на страницах изданий в США и Европе. Сегодня нельзя утверждать, что позиция российской стороны не доступна зарубежной публике или мнения российских исследователей не используются зарубежной прессой, журналами или издательствами. Высокое качество научной продукции становится гарантом для публикации российского экспертного мнения за рубежом.

Об авторе

Юрий Сергеевич Кузьмин, доцент, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: kuzminyu@mail.ru

The author

Dr Yury S. Kuzmin, School of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: kuzminyu@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках, оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

- 4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);
- 5) список литературы;
- 6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);
- 8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм), таблицы и рисунки в формате (параметры страницы): поля верхнее, нижнее — 4,35 см, левое, правое — 4,5 см.

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

BALTIJSKIJ
REGION
2018
Volume 10
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2018.
149 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2018

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Bussygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Perti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolesov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kreinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

Mass Media Registration Certificate PI № FS77-61749,
on 26 August, 2011

CONTENTS

Information technology

Blanutsa V.I. The effect of cross-border fibre-optic transitions on the information and communication connectivity of the Russian cities..... 4

Kirilenko V.P., Alexeyev G.V. Political technologies and international conflicts in the information space of the Baltic Sea region 20

Legal issues

Volchetskaya T.S., Cholopova E.N., Grigoriev A.G. A functional description of the model for the protection of the environmental interests of the Russian Federation in the Baltic Sea region..... 39

Smorgunova V. Yu., Dorskaia A.A., Tolstukhina T.V. Legal regime for church property in Russia and the Baltic states..... 60

Nilov K.N. The special economic zone in the Kaliningrad region: towards a more effective legal regime 74

Social and economic development

Voronov V.V., Ruza O.P. Youth unemployment in the Latgale region of Latvia: causes and consequences..... 88

Stepanova S.V., Shlapeko E.A. Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands..... 103

Kostyashov Yu. V., Sergeev V.V. Regional politics of memory in Poland's Warmia and Masuria..... 118

Discussion

Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A. Yu. Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century..... 132

Review

Russia in the system of international relations: a new perspective (*Yu. S. Kuzmin*)..... 142

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2018
Том 10
№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 26.11.2018 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 13,1
Тираж 1000 экз. (1-й завод 44 экз.). Заказ 279

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

